

AvtobiografiЯ

Journal on Life Writing and the Representation of the Self in Russian Culture

Director

Ulisse Spinnato Vega

Editors

Claudia Criveller (University of Padua)

Andrea Gullotta (University of Glasgow)

Advisory Board

Marina Balina (Illinois Wesleyan University)

Rodolphe Baudin (University of Strasbourg)

Catherine Depretto (Paris-Sorbonne University)

Evgeny Dobrenko (University of Sheffield)

Lazar Fleishman (Stanford University)

Stefano Garzonio (University of Pisa)

Elena Grechanaia (University of Orléans)

Olga Hasty (Princeton University)

Oleg Kling (Lomonosov Moscow State University)

Oleg Korostelev (A. Solzhenitsyn Foundation 'Dom Russkogo Zarubezh'ia', Moscow)

Ilya Kukulín (National Research University – Higher School of Economics, Moscow)

Yuri Mann (Russian State University for the Humanities, Moscow)

Daniela Rizzi (Ca' Foscari University of Venice)

Stephanie Sandler (Harvard University)

Leona Toker (The Hebrew University of Jerusalem)

Yury Zaretskiy (National Research University – Higher School of Economics, Moscow)

Editorial Board

Stefano Aloe (University of Verona)

Roberta De Giorgi (University of Udine)

Cinzia De Lotto (University of Verona)

Anton Demin (Institute of Russian Literature 'Pushkin House', Saint Petersburg)

Patrizia Deotto (University of Trieste)

Simone Guagnelli (University of Bari)

Aleksey Kholikov (Lomonosov Moscow State University)

Tatiana Kuzovkina (University of Tallinn)
Francesca Lazzarin (National Research University – Higher School of
Economics, Moscow)
Emilia Magnanini (Ca' Foscari University of Venice)
Bartosz Osiewicz (Adam Mickiewicz University, Poznań)
Ekaterina Paderina (Maxim Gorky Literature Institute, Moscow)
Natalia Rodigina (Novosibirsk State Pedagogical University, UrO RAN)
Tatiana Saburova (National Research University – Higher School of
Economics, Moscow)
Alexandra Smith (University of Edinburgh)
Raffaella Vassena (State University of Milan)

Editorial Secretary

Anita Frison (University of Padua)

Social Media Officer

Daniele Artoni (University of Verona)

Website: AvtobiografiЯ <http://www.avtobiografija.com>

Contacts: red.avtobiografija@gmail.com

Follow us on Facebook: <https://www.facebook.com/AvtobiografiЯ-1492404737730803/?fref=ts>

© 2017 AvtobiografiЯ

Design and Layout: Adriano Pavan, Samuele Saorin

Cover: Filippo Comuzzi

ISSN: 2281-6992

Registrazione del Tribunale di Padova 23-04-2013, n. 2326 Registro della
Stampa, Variazione: Tribunale di Padova 27-10-2014, n. 3197 Registro
della Stampa.

AvtobiografiЯ

Auto-Biographies of Revolutionaries

n. 6/2017

AvtobiografiЯ

2017, Number 6

Auto-Biographies of Revolutionaries

Table of contents

Introduction

Claudia Criveller, Andrea Gullotta 5

Papers: Special Section

Introduction to the Special Section
Tatiana Saburova 11

Silences in Trotskii's *My Life*
Geoffrey Swain 15

"I could hardly be called an ignorant fanatic". Ekaterina
Breshko-Breshkovskaia and the Construction of a Revolutionary
Autobiography
Felicitas Fischer von Weikersthal 35

Living for a 'Cause'. Radical Autobiographical Writing in Russia
at the Beginning of the 20th Century
Stephan Rindlisbacher 59

Декабристская автобиография: проблемы
источниковедческой интерпретации
Ольга Эдельман 79

Papers

Len'ka Pantelev and the traditions of Van'ka Kain: Criminal
Biography in XXth Century Russia
Duccio Colombo 101

Борец с мифом, или мемуарист, считающий себя Гераклом
(*Антон Павлович Чехов: Опыт характеристики* Н.М.
Ежова)
Лия Бушканец 121

‘Мнимые биографии’ советских детских писателей
Светлана Маслинская 141

Materials and Discussions

1917 год в ярославской деревне (дневник крестьянина П.В.
Бугрова)
Ирина Слепцова, Наталья Артемьева 173

Автобиография шлиссельбуржца М. В. Новорусского
Ольга Шемякина 205

Автобиография
*Михаил Новорусский (Публикация и примечания О. В.
Шемякиной)* 219

Cinema/letteratura: il passato stregato riflesso nel presente
senza futuro (*God literary, Vera: Intervista con Aleksandr
Snegirev*)
Giulia Marcucci 235

Международная конференция *Автобиографические
сочинения в междисциплинарном исследовательском поле:
Люди, тексты, практики – II* (1-2 июня 2017 г.)
Елена Карпенко 255

Reviews

Fausto Malcovati, *Il medico, la moglie, l'amante. Come Čechov
cornificava la moglie-medicina con l'amante-letteratura*, Marcos
y Marcos, Milano, 2015, pp. 218.
Donatella Di Leo 269

- Е. Шварц, *Превратности судьбы. Воспоминания об эпохе из дневников писателя*, АСТ, Москва 2013, сс. 512.
Aleksandra Zywert 275
- Шамма Шахадат, *Искусство жизни: Жизнь как предмет эстетического отношения в русской культуре XVI–XX веков* / Пер. с нем. А.И. Жеребина. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 440 с.
Евгения Белоусова, Маргарита Вяльцева 277
- В. В. Згура, *Дневниковые записи. 1914–1921*, Минувшее, М., 2016. – 344 с.
Ярослав Голубинов 283
- W. Popiel-Machnicki, A. Pleskaczyński, K. Pleskaczyńska, *Podróże nieodkryte: dziennik ekspedycji Bronisława Grąbczewskiego 1889–1890 jako świadectwo historii i element dziedzictwa kulturowego*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań, 2017, LXIII, [1], 595 s. + 5 map. ISBN: 9788323231912
В. Попель-Махницки, А. Плескачиньски, К. Плескачиньска, *Неоткрытые путешествия: дневник экспедиции Бронислава Громбчевского 1889–1890 как свидетельство истории и элемент культурного наследия*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań, 2017, LXVII, [1], 601 с. + 5 карт. ISBN: 9788323231974
Бартош Осевич 289
- Б.И. Колоницкий, *‘Товарищ Керенский’: Антимонархическая революция и формирование культа ‘вождя народа’ (март-июнь 1917 года)*, Новое литературное обозрение, М., 2017, 530 с.
Джованни Савино 295
- Д. Томэ, У. Шмид, В. Кауфманн *Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография* / пер. с нем. М. Маяцкого; НИУ ВШЭ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 336 с. – (Исследования культуры) – 1000 экз.
Сергей Халтурин 301

Fedor Il'ič Dan, *Two Years of Wandering. A Menshevik leader in Lenin's Russia*, translated and edited, with an introduction, by Francis King

Lawrence & Wishart, London, 2016 (236 pp.)

Giulia De Florio

307

Authors

Auto-Biographies of Revolutionaries

© Lisa Gaye Crawshaw

Claudia Criveller, Andrea Gullotta

Introduction

The centenary of the October Revolution has inspired an outstanding amount of events around the world. Exhibitions, conferences, publications and other initiatives have contributed to the commemoration of a fundamental event in history, and have caused mixed reactions, from the polemics about the opportunity of celebrating revolutionary art (see, for instance, the debate generated by the London's Royal Academy's exhibition *Revolution: Russian Art 1917-1932*, Cummings 2017, Jones 2017) to the different interpretations of the Kremlin's cautious position and of the overall indifference towards the event in Russia (for instance Carroll 2017, Zubov 2017).

The 'centenary-effect' has been felt also in the field of Russian auto/biographical studies. The publication or re-edition of memoirs, biographies or collected volumes has brought to the fore the question of the impact of such drastic events on the lives of people. The web has also contributed to this wave: of all the websites and virtual spaces devoted to the revolution, the most strikingly has probably

been the London's Pushkin House 'Project 1917' (<https://project1917.com>), devoted to the publication of excerpts of diaries, letters, memoirs and other egodocuments taken from the year 1917 and published each day in a form that is similar to contemporary social media writing.

We have decided to take the unique occasion given by the centenary and to provide a different perspective on the Russian Revolutions. The sixth issue of «AvtobiografiЯ» is devoted to the auto/biographical texts of the revolutionaries, of those who fought or inspired the revolutions, and were eventually defeated in victory. The focus is mainly on two aspects: the text (and its changeable value in relation to a series of extra-textual factors) and the author (and his/her motivations and strategies). The revolution is here seen through the lenses of the protagonists, but is inserted into a historical perspective which helps to identify common structures and patterns. The texts analysed by the authors of the special section edited by Tatiana Saburova are here analysed with

a multidisciplinary approach, thanks to which the focus on the autobiography of the revolutionaries – which have so far been usually treated as a historical source – is here on narrative choices and strategies, including the question of the author's omissions (Geoffrey Swain's article) and selection of materials according to the texts' function (Stephan Rindlisbacher), as well as the creation of a different image of the self in texts generated in different contexts (Felicitas Fischer von Weikersthal) and the collective narrative strategies of a group of individuals (Ol'ga Edelman). This special section sheds new light on the revolutionaries' egodocuments and proposes a series of important questions on the revolution and on the revolutionaries themselves.

Three articles are hosted in the general section. Duccio Colombo's text proposes a close look at the tradition of the (criminal) biographies on Len'ka Panteleev, a tradition generated by the myth of the bandit. Lia Buhkannets' article touches upon some of the points raised by Colombo, specifically those about the opposition between reality and fiction, although her text focuses on Nikolai Ezhov's memoirs on Anton Chekhov. The general section is closed by Svetlana

Maslinskaia's article on children's literature and autobiography, a theme that is dear to our journal, as shown by the 2015 special issue edited by Marina Balina. Maslinskaia focuses on an innovative topic, i.e. the creation of a biography by Soviet children's literature writers.

An ideal companion to this issue's special section is the unpublished autobiography of Mikhail Novorusskii, held at the State Archive of the Russian Federation, that we propose in the section 'Materials and Discussions' thanks to Ol'ga Shemiakina, who provides also an insightful introduction to the text. Another text devoted to 1917 is the unpublished diary of a peasant of the Iaroslavl' region, edited by Irina Sleptsova (Kyzlasova) and Natal'ia Artem'eva. Pavel Bugrov's diary, held in the archive of the Iaroslavl' museum-reserve, offers a unique point of view 'from below' on the events of the Revolution.

The 'Materials and Discussions' section hosts two more texts: an interview to the novelist Aleksandr Snegirev by Giulia Maruccci, and the report of the conference *Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: Люди, тексты, практики – II*, held in June 2017 at the Higher School of Economics in Moscow.

It was the last act (together with the edited volume which was published in the very last days of 2017, Зарецкий, Карпенко и Шушпанова 2017) of the 'Group of interdisciplinary research on autobiography' of the Higher School of Economics in Moscow, led by Iurii Zaretskii, an eminent scholar in the field, member of the advisory board and contributor of our journal. Over the past few years, thanks to the work of teachers, doctoral students and undergraduate students, the group has been a reference to all scholars in the field of Russian auto/biography thanks to the many publications, conferences and seminars that

have put together scholars from Russia and from abroad. A natural arena for the exchange of ideas, methodologies and approaches coming from different disciplines and backgrounds, the group has had a terrific impact on Russian auto/biographical studies, both in Russia and abroad. We hope Iurii Zaretskii and his group might soon find a way to continue their outstanding work.

Bibliography

Carroll 2017: O. Carroll, *Russian Revolution at 100: Why the centenary means little to modern day Russia's leaders – and its people*, «The Independent», 05/11/2017, <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/russia-october-revolution-100-years-bolsheviks-soviet-putin-communist-party-federation-tsars-a8038911.html> (Accessed 31/12/2017).

Cumming 2017: L. Cumming, *Revolution: Russian Art 1917-1932 review – when anything was possible*, «The Guardian», 12/02/2017, <https://www.theguardian.com/artanddesign/2017/feb/12/revolution-russian-art-1917-1932-review> (Accessed 31/12/2017).

Jones 2017: J. Jones, *We cannot celebrate revolutionary Russian art – it is brutal propaganda*, «The Guardian», 01/02/2017, <https://www.theguardian.com/artanddesign/jonathanjonesblog/2017/feb/01/revolutionary-russian-art-brutal-propaganda-royal-academy> (Accessed 31/12/2017).

Зарецкий, Карпенко и Шушпанова 2017: Ю. Зарецкий, Е. Карпенко и Э. Шушпанова, *Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: Люди, тексты, практики*, БИБЛИО-ГЛОБУС, М., 2017.

Зубов 2017: А. Зубов, *Почему власти России игнорируют столетие Русской революции*, «Новая газета», 20/10/2017, <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/10/20/74268-predmet-uzhasa> (Accessed 31/12/2017).

Papers: Special Section

Татьяна Сабурова

‘Революционная автобиография’: вопросы создания, прочтения и интерпретации.

В 2017 году, в связи с 100-летним юбилеем, русская революция стала одной из самых широко обсуждаемых и популярных тем. Ей посвящались конференции, круглые столы, специальные выпуски журналов, переиздавались и перечитывались опубликованные ранее фундаментальные исследования, появлялись новые публикации, ставящие другие вопросы или предлагающие новые подходы. Юбилей революции стал поводом и для публикации источников – различных материалов по истории революционного движения в России, а для журнала «AutobiografiЯ» возможностью не только опубликовать новые автобиографические тексты, связанные с историей революции, но и посвятить специальный раздел размышлениям о специфике революционных автобиографий, жанре письма и способах самоидентификации революционеров, характерных компонентах и структуре автобиографических текстов, зонах умолчания и существующих стереотипах, образах революционеров и иссле-

довательском инструментарии.

Одним из важных вопросов при формировании этого раздела был вопрос о границах – жанровых, хронологических – какие автобиографические тексты можно отнести к ‘революционным автобиографиям’ или ‘автобиографиям революционеров’? Должны ли мы считать автобиографии, написанные участниками революционного движения, ‘революционными’? Чем они отличаются от других автобиографических текстов и что между ними общего? Другой неизбежно возникающий вопрос – кого считать революционером, достаточно ли критерия самоидентификации или участия в революционных событиях, особенно учитывая развернувшуюся уже после 1917 года борьбу за право называться революционером?

Герои текстов этого раздела, на первый взгляд, могут напомнить читателю, знакомому с советской историографией, периодизацию революционного движения в России, основанную на знаменитой работе В.И. Ленина *Памяти*

Герцена. Среди них – декабристы, дающие показания на следствии и обсуждающие воспоминания в сибирской ссылке; народники 1870-х годов, создающие общий нарратив и вписывающие свои жизни в историю революционного движения, стремящиеся исключить из воспоминаний все, несоответствующее с их точки зрения, образу настоящего революционера; Лев Троцкий, чье имя во всех смыслах неразрывно связано с историей русской революции и вызывающее бурные дискуссии, особенно в этом юбилейном году. Мы сознательно не ограничивали круг автобиографических текстов только относящимися к 1917 году, так как исследовать революционную традицию в России важно в более широком контексте, особенно для понимания складывания ее исторического нарратива и определенного ‘канона’ автобиографического письма революционеров, ставшего частью политической борьбы, средством формирования коллективной идентичности и социальной памяти.

Независимо от того, можно ли называть декабристов революционерами (не включаясь в дискуссию о сущности и характере движения декабри-

стов), без ‘декабристского мифа’ невозможно представить формирование образа революционера, той системы моральных норм, которая нашла отражение в поведении и жизнеописаниях участников революционного движения второй половины 19—начала 20 вв. Насколько соотносятся между собой различные эго-документы и какие вопросы можно поставить, исходя из исследовательских задач и специфики источника, какие различные подходы и методы можно использовать, все это демонстрируют авторы представленных в разделе статей.

Но несмотря на разные подходы, авторов статей объединяет обсуждение вопроса не только *о чем и как писали* авторы автобиографических текстов, но и *о чем они умолчали и почему*, какие цели при этом преследовали и какие влияния испытывали, а также как эти ‘зоны умолчания’ сказались на последующих интерпретациях, формировании образов революционеров и истории революционного движения в целом. Ключевыми вопросами для нашего раздела стали также -- какие функции выполняли автобиографии революционеров и как конструировались революционные жизнеописания, каким образ-

цам следовали их авторы и можно ли говорить о 'революционной' или 'радикальной' автобиографии как особом типе автобиографического письма? Почему автобиографии народников (особенно женские автобиографии, такие как Екатерины Брешко-Брешковской, Веры Засулич, Веры Фигнер) до сих пор оказывают такое влияние на исследователей, с трудом преодолевающих стереотипы, часто следующих за автобиографами в описании 'идеальных ролей', воспринимая их как реальность? Как автобиография, например, Льва Троцкого стала оружием в политической борьбе и как намеренное

'забывание' своего прошлого сказывается на авторе жизнеописания? Эти и другие вопросы, обсуждаемые исследователями из Великобритании, Германии, России и Швейцарии, позволяют не только по-новому посмотреть на хорошо знакомые автобиографические сочинения, их авторов и героев, задуматься о жанре и моделях 'революционной автобиографии', но также обсудить другую 'оптику' исследования истории русской революции и формирования революционной традиции в России.

Geoffrey Swain

Silences in Trotskii's *My Life*

Trotskii's autobiography *My Life* is a lively and fascinating account of his childhood on a Jewish farm in Ukraine, his schooling and early revolutionary activity, his dramatic escape from Siberia in 1906, and his exploits at the front during the Russian Civil War. Yet it is an autobiography written with a special mission, the mission to defeat Stalin. So there are self-serving moments, misinterpretations and in particular silences, silences on pre-revolutionary disagreements with Lenin and silences on his disagreements with Lenin during the course of the revolution and in its aftermath

Until the October Revolution of 1917, Trotskii kept body and soul together by working as a journalist. His war reporting from the Balkans in 1912-13 was a regular feature in the newspaper «Kievskaiia mysl'». His reports from the front line were interspersed with traveller's tales and meditations on the horror of war and the thin veneer of civilisation: "the chaotic mass of material acquisitions, habits, customs and prejudices that we call civilisation hypnotises us all, inspiring false confidence that the main thing in human progress has already been achieved – and then comes war, and reveals that we have not yet crept on all fours from the barbaric period of our history". Trotskii could write with passion, humour, irony and subtlety – if his life had worked out differently, he would have remained a journalist. Indeed, in October 1917 he had assumed

that Lenin would ask him to take charge of the Soviet press, since "from my youth, or to be more precise, from my childhood in, I dreamed of being a writer" (Swain 2006: 46, 217).

It is no surprise, therefore, that when Trotskii is describing his extraordinary life, he tells a tale which is both gripping and revealing. Sometimes it is a simple aside which grabs the attention. Referring to his first arrival in Vienna, Trotskii recalls: "Vienna surprised me most of all by the fact that I could understand no-one, despite my study of German at school" (Trotsky 1930: 106) – how many tourists have faced that self same problem!?! Other incidental details enliven

¹ For this article I have used the freely available online copy of the original 1930 Charles Schribner's Sons New York edition, available at <https://www.marxists.org/archive/trotsky/1930/mylife/>.

the story. Writing about his brief stay in New York in 1917 just before the overthrow of the Tsar, he recalled how “at time the telephone was [the boys] main interest; we had not had this mysterious implement in Vienna or Paris” (Trotsky 1930: 210). Other passages, of course, reflect the drama of great historical turning points. Describing the level of semi-organised chaos during the October Revolution, he recalls: “all that week I had hardly stepped out of Smolny; I spent the nights on a leather couch without undressing, sleeping in snatches and constantly being roused by couriers” (Trotsky 1930: 252).

However, although grippingly written, Trotskii does not offer a rounded assessment of his life. The book was written in extraordinary circumstances. Trotskii was exiled to Central Asia in January 1928 and then, because he refused to end his factional political activity, he was exiled to Turkey in February 1929. Although the Soviet Government had given him a resettlement grant of \$1,500, he was quickly short of money. He had begun work on *My Life* while in Central Asia, and in Turkey the manuscript was quickly finished, being published in New York in 1930; royalties from it became a major source of income during

the exile years. Understandably perhaps, the circumstances in which Trotskii wrote his autobiography did much to govern what he chose to remember and what he preferred to pass over in silence.

Frank Revelations and Gripping Yarns

Trotskii is at his most lively, and his most frank, when he gives his account of his childhood, which was extraordinary by any yardstick. The future leader of Russia’s proletariat, and, as he anticipated, the world’s proletariat, was born the son of a semi-literate Jewish kulak, a rich peasant on the way up who lived fifteen miles from the nearest post office in the heart of the Ukrainian countryside. It was some journey from what Marxists used to call the idiocy of rural life to what he would become, a precocious, urbane and urban revolutionary. Trotskii’s childhood was clearly a happy one and his retelling of it is frank and engaging. He has no embarrassment about recalling the rough and tumble of growing up, quite happy to recall incidents which other revolutionary memoirists might prefer not to mention. He wet his trousers in public when aged two, he was frightened by a grass snake, he

fell off a horse; for much of the first nine years of his life, he played dolls with his sisters. He enjoyed family card games and egg painting at Easter; later he became adept at croquet a favourite game of his aspirational parents (Trotsky 1930: 2, 6-7, 41). They realised at once that their son was special. To Trotskii's great embarrassment, his proud parents would ask him to recite the poems he had written to visiting neighbours. And so it was essential that he should go to a decent school. Despite his tears on leaving his village home, Trotskii's life was soon transformed by moving in with his mother's nephew Moisei Spentzer in Odessa and attending the *Realschule* there. He was, he recalled, "always an accurate and diligent schoolboy" and reading soon became his obsession: he "devoured books ravenously and had to be forced to go out for walks". And when he was not reading, he was visiting the theatre and opera, always discussing the latest production with Spentzer (Trotsky 1930: 28, 43). Soon all this academic prowess had an impact on his eyesight, and he took to wearing glasses. This, however, was no sign of weakness as far as he was concerned, recalling that, "the glasses gave me a sense of added importance". May be he was

right, for at this time his first hesitant and very unsuccessful encounters with teenage girls took place. By the time he left the *Realschule* he was a typical adolescent. On the last day of school, even though his crowd of friends were "afraid of our own daring", they nonetheless "wore neckties and smoked cigarettes" and set off for the Summer Garden where "gay cabaret actresses sang on the open stage and where schoolboys were strictly forbidden to enter" (Trotsky 1930: 40, 56-57).

A right of passage of a very different kind occurred when Trotskii moved to Nikolaev to prepare for university entrance. Until then he had always returned to the village in the holidays. Yet, to his mind his Odessa years had pulled him further and further away from his family. In the village "everything seemed the same and yet quite different", it was as if "objects and people looked the counterfeit of themselves". One memory was of making a fool of himself while trying to scythe while wearing "a freshly laundered duck suit with leather belt" which made him look "simply magnificent". More seriously, the new man of science was deeply frustrated when the peasants refused to use mathematics to calculate the area of a field, preferring their tra-

ditional method using rule of thumb. He was, therefore, already beginning to wonder about his future when he arrived in Nikolaev in 1896, the year that became “the turning point of my youth” (Trotsky 1930: 59-60, 66, 73).

This moment also marks a turning point in the autobiography. Trotskii’s political career is about to begin, and for the first time there is silence as a potentially embarrassing political ‘mistake’ is pushed to one side. Trotskii began his political career as a Populist rather than a Marxist. He does not deny this in *My Life*, but it requires careful reading to pick it up. The man who turned him into a revolutionary was Franz Shvigovskii, who worked as a gardener near where Trotskii was lodging in Nikolaev, and encouraged Trotskii and his friends to establish a revolutionary ‘commune’. Shvigovskii is referred to as “a Czech”, but he was also a Populist exile, for it is clear from the literature he gave Trotskii to read that he was a Populist by political persuasion. Writing in exile, Trotskii can comment: “there was an odour of putrefaction emanating from Populism.” That, however, was not what he felt at the time. True, he does comment in an aside that Marxism repelled by its so-called

‘narrowness’, and he does mention that he wrote for a Populist journal, but the ardour of his commitment to Populism does not come across in *My Life* (Trotsky 1930: 74, 76).

Aleksandra Sokolovskaia, the future mother of his two daughters, was the only Marxist in the Shvigovskii cell, and was subjected by Trotskii to regular baiting: the worst incident occurred on New Year’s Eve 1896 when Trotskii, instead of toasting the New Year, called on all present to issue “a curse on all Marxists!”. It was only in 1899 at the time of his first imprisonment that he finally decided to reject Populism and become a Marxist, after reading a French translation of the writings of the Italian Marxist Antonio Labriola. Thus all Trotskii’s work with industrial workers in Odessa and Nikolaev, work which would inform his future activity, was carried out while he was an opponent of Marxism (Swain 2006: 11-12). His statement that he drafted the constitution of the South Russian Workers’ Union “along Social Democratic lines” is disingenuous. The comment that, in 1897, the year of the Southern Russian Workers’ Union, he had “tried to ward off . . . Marxist doctrines” is rather nearer the truth (Trotsky 1930: 84, 97).

There will be other, more significant silences as *My Life* continues. The lively, engaging style so characteristic of Trotskii's description of his youth does not disappear, but as the years pass there are more and more political axes to grind. Nevertheless, Trotskii's account of his trial in 1906, his exile and subsequent escape sparkles. In autumn 1905, the climax of that year's revolutionary events, Trotskii had been at the height of his powers as chairman of the St. Petersburg Soviet; he had fleetingly been in a strong enough position to negotiate with the Tsar's government. Arrested in December 1905, his prison regime was relaxed, with the guards 'winking' when Trotskii exchanged letters and manuscripts with his wife; one even asked for a signed copy of his pamphlet defending the work of the Soviet. At the trial he recalled how his mother wept silently as he made his defence speech, while his father "was pale, silent, happy and distressed, all in one". Once in exile, a fellow revolutionary "taught me how to simulate sciatica", enabling him to avoid surveillance, contact the drunkard owner of a deer-sled and flee along the course of the frozen river Sosva. It was, he recalls "a magnificent ride through a desert of virgin snow all covered

with fir trees and marked with the foot prints of animals". When a deer went lame, a replacement had to be found from the local Ostiak nomads: "I was lucky enough to see a beautiful thing at dawn: three Ostiaks, riding full-tilt, lassoed some deer, already marked, from their herd of several hundred while the dogs drove the deer towards them". After a week's journey of nearly five hundred miles, with the sleigh gliding "smoothly and in silence, like a boat on a crystal-clear lake", Trotskii reached the Urals, exchanged the deer-sled for a horse and soon reached the narrow-gauge railway which led to the Trans-Siberian Railway and freedom (Trotsky 1930: 146, 148, 152).

There was plenty of drama too during Trotskii's time in command of the Red Army during the Russian Civil War, and this too is described with great relish. For Trotskii the fighting began at Sviiazhsk, the small town on the right bank of the river Volga where a bridge carries the railway to the left-bank and the regional capital Kazan'. Trotskii arrived there in early August 1918 after Kazan' had fallen to anti-Bolshevik forces, but Sviiazhsk and the bridge itself were still in Bolshevik hands. If the bridge were lost, then the road to Moscow would be open. Trot-

skii summed things up succinctly: “the soil itself seemed infected with panic”. Shortly after his arrival an enemy airplane bombed his train. But this was Trotskii at his best. Commanders and commissars were shot for treason, a Red Airforce was organised and ‘bourgeois’ Kazan’ bombed and bombed again. And, despite nearly being outflanked by a surprise raid, the attack on Kazan’ began. Trotskii himself took part in an advance raid, which began well but “suddenly the darkness of the night was stripped naked by a flare”, his torpedo boat lost its steering mechanism when hit, and drifted onto a half-submerged barge: “the firing ceased altogether: it was as light as day and as silent as night”. The boat commander managed to restart the engines and steer by powering the port and starboard engines in turn and Trotskii escaped. Later, when Petrograd came under attack in summer 1919 “for the one and only time during the entire war I had to play the role of regimental commander”. As he led a charge “the bullets began their sweetish nauseating whistling”. It was a desperate move, but “necessary to win authority in the eyes of the soldiers”. The mood of those defending Petrograd changed and the tide turned. “Personal risk,” Trotskii

concluded, “was the unavoidable hazard on the road to victory” (Trotsky 1930: 312, 319, 338).

Trotskii’s Mission

Trotskii is clear in his Foreword to *My Life* that “this book is not a dispassionate photograph of my life, but a component part of it” (Trotsky 1930: iii). While escaping from Siberia, or recounting his actions at the front, just like when recalling his childhood, Trotskii is dealing with uncontroversial issues, issues which were not “a component part” of the struggle in which he was engaged when writing his autobiography. Even here, however, he is coy about, if not silent on issues which might complicate his broader concern. Trotskii says next to nothing about his Jewishness in *My Life*. He explains that he had problems at his primary school because he did not know Yiddish and that prevented him from making friends, but that is about all (Trotsky 1930: 27-28). It is only by implication that the reader understands that, unlike most Jewish farmers in the region, Trotskii’s parents abandoned religious practice and preferred to speak in the local mixed Russian-Ukrainian dialect, or that Spentzer, despite being an Odessa Jew, was assimilated into

the liberal politics of the city. Trotskii continued this assimilationist path. He was opposed to the activities of the Jewish *Bund* within the Russian Empire, and disappointed New York Jewish socialists in early 1917 when he refused to have any serious contact with them. Only in his writings on the Balkan Wars of 1912-13 did he ever write in compassionate terms about the suffering of Jews, singling out the mistreatment of the Jewish community in Romania. Yet he was very conscious of his Jewishness. During the October Revolution he turned down Lenin's offer of the post of Commissar for Internal Affairs on the grounds that this might be offensive to many Russians, and he was furious in the power struggle of the 1920s when Stalin started to use anti-Semitic innuendos in the struggle against him (Rubenstein 2011: 61-67; Deutscher 1970: 325). *My Life*, however, was part and parcel of the political campaign Trotskii hoped to wage from emigration, a campaign which Trotskii felt had no place in it for what he saw as the secondary issue of his Jewish heritage. *My Life* was part of a campaign based on the notion that Stalin had betrayed the revolution, while Trotskii was its defender. As part of the greater struggle against Stalin and the Soviet bu-

reaucracy, Trotskii is clear that *My Life* should make no effort to be objective in the conventional sense: "describing, I also characterise and evaluate; narrating, I also defend myself, and more often attack", he states in the Foreword. This approach characterises all his discussion of the political events of the 1920s (Trotsky 1930: iii). In Trotskii's words, it is "mostly attack", and often his assertions are of questionable reliability.

Trotskii is keen to suggest that he should have been Lenin's heir, and that this was prevented by a combination of chance and Stalin's cunning. When in 1922 Lenin was recovering from his first stroke, Trotskii argues, he proposed that he and Trotskii, the two leaders of the October Revolution, should act together form "a bloc against bureaucracy" to oppose the then emerging leadership of Stalin, aided by Zinoviev and Kamenev. By the time of the Georgian Affair in March 1923, Lenin had wanted to expose Stalin and "the bureaucratic transformation of dictatorship" and all would have been well if Lenin's recovery had continued and he could have attended the 12th Party Congress in April 1923 (Trotsky 1930: 376-381). Fate intervened, however, and Lenin's health worsened. Trotskii's chances of succeeding

to Lenin's mantle were finally scuppered when he was deliberately "deceived about the date" of Lenin's funeral and prevented from attending it (Trotsky 1930: 400). Trotskii's talk of "a bloc against bureaucracy" has been convincingly challenged by the Dutch historian Erik van Ree (van Ree 2001: 85-122),² while his claim about Stalin and the date of the funeral does not stand up to close scrutiny, since in fact he had ample time to return from Tbilisi to Moscow if that had been his priority (Swain 2006: 155).

Along side the 'attack' aimed at suggesting that Trotskii was Lenin's legitimate heir, *My Life* has silences aimed at reinforcing Trotskii's sense of victimhood. Trotskii gives some detail of the way he felt increasingly excluded from the Party leadership in 1924: he avoided "attendance at the ballet" and "drinking parties", and did not "fit in with this way of living". He kept his distance, he maintained, because he condemned "philistine gossip" and realised he was witness-

ing the first stage of a counter-revolution which demanded "mediocrities who cannot see further than their noses", led by "Stalin, the outstanding mediocrity of the Party" (Trotsky 1930: 397). What he does not tell the reader is what prompted his former comrades to cut him in this way. It was not simply because he was "rather pedantic and conservative in his habits", he had done much to antagonise his former comrades (Trotsky 1930: vi). After tense discussions in the Politburo in November and December 1923 about the best way of combating the Party's perceived isolation from the masses, Trotskii signed up to an agreed policy statement on 5 December; that agreement he promptly broke just three days later on 8 December (Swain 2006: 152). In such circumstances, it was not surprising that when he came into a room "groups engaged in conversation would stop when they saw me" (Trotsky 1930: 396). *My Life* is also silent about Trotskii's «Pravda» articles of November 1924, later reproduced as *The Lessons of October*, which took great pleasure in reminding readers that in October 1917 Zinoviev and Kamenev had opposed the Bolshevik plans to seize power. Trotskii was isolat-

² In his *Stalin: Paradoxes of Power, 1878-1928* Stephen Kotkin has reopened some of these issues, questioning whether Lenin was well enough to have written some of the documents collectively known as his Testament (Kotkin 2015). Nothing which Kotkin writes persuades me to reassess Van Ree's verdict on these matters.

ed in the mid 1920s for a good reason.

There is also an element of misrepresentation about events in 1925. Trotskii is quite right that he “made an honest attempt to work in harmony with the new arrangements” at this time. Trotskii had always wanted to take control of economic affairs, and his roles within the Supreme Council of the National Economy chairing the Concessions Committee, the Electro-Technical Board and the Scientific-Technical Board gave him extensive powers. As he noted, “not for nothing had I planned in my youth to take university courses in physics and mathematics”. What he does not make clear is that this meant he was part of the establishment in 1925, standing at Stalin’s side when, later in the year, Zinoviev and Kamenev came out against Lenin’s New Economic Policy because, they argued, excessive tax concessions were being made to the peasants. While it is true that Stalin eventually began to worry that Trotskii’s economic and technical initiatives were escaping Politburo oversight, it was simply not the case that “much of the creative activity of Stalin and his assistant Molotov was devoted to organising direct sabotage around me” (Trotsky 1930: 409). Trotskii was allowed

to plough his own furrow until April 1926 when, without sufficient consultation, funding for his favoured Dnieper Dam project was cut back. This attack on his own project convinced him that concessions were indeed being made to the peasantry, the Dnieper Dam was a concession to the peasantry too far, and so he belatedly joined Zinoviev and Kamenev’s opposition (Swain 2006: 159-64).

Understandably, given the nature of Trotskii’s mission, the final phase of Trotskii’s life in Russia is told completely through the mirror of this opposition activity, with no attempt at balance. The ‘betrayal’ of Stalin, with his support for the peasantry at home, was linked to betrayal abroad. In Britain, the Soviet Union had tried to work with the Trades Union Congress in fostering a broad united front, a policy which had worked well in preparing the 1926 General Strike, and had then gone disastrously wrong when that strike ended in capitulation. In spring 1927 in China, joint action with the Nationalists seemed to be helping the Chinese communists to make significant advances, until on 12 April the Nationalist leader Chiang Kai Shek turned on his communist supporters and massacred them. After staging demonstrations on the

Tenth Anniversary of the October Revolution, the opposition prepared to meet its fate at the 15th Party Congress in December 1927. Trotskii put it like this, convinced that he was playing the long game: “we went to meet the inevitable debacle, confident, however, that we were paving the way for the triumph of our ideas in a more distant future”. As he went into exile in Central Asia in January 1928, Trotskii was convinced that “the Lenin wing of the Party had been under a hail of blows ever since 1923” (Trotsky 1930: 418, 440).

Silence on Pre-Revolutionary Relations with Lenin

It was crucial for Trotskii that, in the struggle from exile in which *My Life* would play a part, Trotskii and Lenin were seen as acting together. His faction was ‘the Leninist wing of the Party’ just as he was Lenin’s true heir. Conversely, his opponents were keen to show that Trotskii was not Lenin’s best disciple, in fact he was hardly a disciple at all since in the pre-revolutionary years he had been one of Lenin’s most bitter critics. On the last occasion when Trotskii and Stalin met, in October 1927, Stalin concluded his attack on the ‘twaddle’ of Trotskii’s talk about

counter-revolution by pointing to a copy of the pamphlet *Our Political Tasks* which Trotskii had written in 1904. That pamphlet, he pointed out, was dedicated to the Menshevik leader Aksel’rod. He commented: “from Lenin to Aksel’rod – such is the organisational path that our opposition has travelled . . . Well, good riddance! Go to your ‘dear teacher Pavel Borisovich Aksel’rod” (Swain 2006: 179). In *My Life* Trotskii does not ignore his disagreements with Lenin, but the details given are sparse and he is completely silent about what lay at their heart.

Although there were clashes in 1917 and again in 1920, the most bitter clash between Trotskii and Lenin came before the revolution, and here the veil is cast most fully. Trotskii asserts that the disagreement about the Party rules which took place at the Second Congress of the Russian Social Democratic Labour Party in 1903 was a storm in a tea cup: “the difference was of no immediate and practical importance”, he insists, even though just a few lines later he noted that Lenin had thought it important enough to send his own brother as a personal emissary to Trotskii in the hope that he might change his mind and back Lenin. Later, he suggests that “my break with Lenin occurred on

what might be considered ‘moral’ or even personal grounds”; the crux of the matter was that Lenin wanted to remove Aksel’rod and Zasulich from the editorial board of «Iskra» and Trotskii was very fond of Zasulich, having lodged with her on his arrival in London as an émigré in 1902 (Trotsky 1930: 123-124). Recalling the events of autumn 1905 and spring 1906, Trotskii reminds readers that just a couple of years after the clash on the Party rules that Lenin accepted a Central Committee resolution which suggested that the split of 1903 had simply been “the result of the conditions of foreign exile” (Trotsky 1930: 141).

Trotskii was as opposed to Lenin after the 1905 revolution as he had been in the run up to it. The height of that opposition came in 1910-1912 when he set up the Vienna based newspaper «Pravda». What Trotskii has to say in his autobiography about this period of his life is completely disingenuous. He describes a violent clash between himself and Lenin which took place at a railway station while both were en route to Copenhagen for the 1910 Congress of the Socialist International. He gives the impression that if Lenin had not had a tooth ache, all would have been well. Then he suggests that the

issue which sparked their disagreement was what Trotskii had been writing about Bolshevik “expropriations”, the term used to describe Party sponsored bank raids. This was simply not the case. Trotskii is nearer the truth when he adds that his “article was not right, for it assumed that the Party would take shape by the union of the Bolsheviks and Mensheviks, cutting off the extremes, whereas in reality the Party was formed by the merciless war of the Bolsheviks against the Mensheviks” (Trotsky 1930: 170). Here Trotskii, the ‘true’ Leninist living in exile, is correcting his youthful anti-Lenin views of 1910. Unity, he now concedes, should have been achieved through the struggle against Menshevism, rather than the reunification of Party factions. Between the revolutions of 1905 and 1917, Trotskii was indeed working for unity within the Party, and this was his particular focus in 1912 when he organised the Vienna Party Conference in the hope that Bolshevik “conciliators” would “induce Lenin to take part in a general conference” (Trotsky 1930: 175). The failure of this initiative, and the Bolsheviks’ appropriation of the title «Pravda» for their daily newspaper, prompted Trotskii to write to a vitriolic letter to the Duma dep-

uty Nikolai Chkheidze, a letter discovered in the Tsarist archives and used to discredit Trotskii in 1924.

Yet even Trotskii's references to reunification and the Vienna Party Conference, rather than merciless faction fighting, only gives a hint of the divide separating Lenin and Trotskii in the pre-revolutionary years. At the Second Party Congress 1903, Lenin offered a definition of party member which read: a member of the Russian Social Democratic Labour Party is one who accepts its programme and supports the Party both financially and by personal participation in one of its organisations". The Mensheviks, supported by Trotskii, changed the last few words to read: "and renders it personal assistance under the direction of one of its organisations". The difference was crucial. There were thousands of people who were not members of the underground who stored underground literature, distributed that literature, ran safe houses, stood look-out – were these people really not to have a say in Party affairs? Lenin's explanation as to why they should not be Party members centred on his understanding of class consciousness: workers, left to their own devices, could only acquire class consciousness 'from without', from

outside the normal class struggle.

For Lenin, class consciousness could only be acquired through the agency of the political party of the working class. Trotskii's experience of working with industrial workers in Odessa and Nikolaev, as limited as it was, had led him to the opposite conclusion, he was convinced that workers were quite capable of attaining political consciousness without the hectoring of a political party. In *Our Political Tasks* Trotskii was clear: "in the one case we have a party which *thinks for* the proletariat, which substitutes itself politically for it, and in the other we have a party which politically *educates* and *mobilises* the proletariat to exercise rational pressure on the will of all political groups and parties". Trotskii was clear, the working class could be guided, not led; the working class had to learn about revolution through its self-activity (Swain 2006: 17-18). And, in his view, much of that learning took place through the experience of the St. Petersburg Soviet in 1905 when workers established their own parliament.

The row between Trotskii and Lenin about leadership and consciousness became even more acute after the 1905 Revolution.

The Tsar had not been overthrown in 1905, but those revolutionary events had resulted in the Tsar granting an elected assembly, although not a democratically elected assembly, as well as temporary provisions on freedom of assembly, which allowed trade unions and other labour organisations some limited freedom of action. After 1905, there were even more labour activists in Russia who were outside the boundaries of Party membership if Lenin's vision were accepted. There were all those involved in trade unions, education societies, workers' clubs, workers' co-operatives – there was a legal labour movement operating in Russia, but its position within the Party was unclear. Lenin eventually conceded that those legal organisations verified by the underground committee could have a secondary status within the Party, but this failed to recognise that the Tsarist police had become so effective at penetrating the underground that the hierarchy of committees from the Central Committee downwards only existed on paper.³

Trotskii's solution to this was to launch a new workers' newspaper that would ignore the fac-

tional debates which continued to wrack the underground and emigration, and focus instead on the practical work of labour activists in Russia. His Vienna-based «Pravda» made clear that it was “to serve not to lead” its readership. The Russian workers could recover their Soviet without the guidance of Lenin and others; as «Pravda»'s first issue stated, “the workers are taking the place of the intelligentsia”. Abroad the Social Democrats split and split again: beyond Bolsheviks and Mensheviks there were Recallist Bolsheviks, Conciliator Bolsheviks, Party Mensheviks and Liquidator Mensheviks; but by the spring of 1909 in Russia the Social Democrat Duma group, together with leading trade unionists, had put together a programme for social insurance which they presented to the legally held Congress of Factory Panel Doctors. Trotskii's «Pravda» could crow that summer: “there have never been so many conscious social democrats”. The self-organisation of the working class seemed to be paying dividends, as Trotskii's «Pravda» noted in autumn 1909: “Under the burial shroud of the old party, a new one is being formed; and our task, the task of all the living healthy elements of Social Democracy is to put all our forces to this end, to facili-

³ These issues are discussed at length in Swain 1983.

tate the birth and growth of the Social Democratic Party on this new healthy proletarian base” (Swain 2006: 37-38). When, after the Lena Gold Fields Massacre of April 1912 the Russian labour movement exploded with radicalism once more, Trotskii could feel that he had been vindicated – hence his bitterness that the Bolsheviks appropriated the title «Pravda» for the legal daily they launched in April 1912.

From Trotskii’s perspective, it was the work of his Vienna «Pravda», as much as Lenin’s «Pravda», which had revived the labour movement and mobilised the militant workers who overthrew the Tsar in February 1917. The labour activists who visited the leader of the Social Democrats in the Duma on the revolutionary strikes and demonstrations began made clear that this time their action would continue until the Tsar had gone (Swain 2017: 33). With only minimal guidance from Lenin, labour militants, mostly those active in the social insurance councils given legal recognition in 1912, had ended the autocracy and re-established the Soviet even as the Tsar fell. Trotskii considered himself vindicated: the self-organised working class had acted. What is more, Lenin seemed to be moving towards Trotskii’s position. Trotskii had

wanted a Soviet Government to be formed as early as 1905, now Lenin, to the surprise of many Bolsheviks, returned to Russia in April 1917 demanding the formation of a Soviet Government. For Trotskii, there was no purpose now in remembering the disagreements of the past. Although some of his comrades warned that there was a danger that Trotskii’s supporters would be swallowed up by the Bolshevik Party, Trotskii no longer cared: together the Bolsheviks and Trotskii campaigned against the ‘capitalist ministers’ in June and for a Soviet Government in July. Trotskii’s entry into the Bolshevik Party at the Sixth Party Congress was a mere formality (Swain 2006: 60).

Silence on Disagreements with Lenin during the Revolution

During the October Revolution itself there was a second disagreement between Trotskii and Lenin, another disagreement about which Trotskii preferred silence and obfuscation to frank discussion. When describing how, on the evening of 25 October, Lenin’s sister was distributing pillows so that Lenin and Trotskii could snatch some rest before the opening of the Second Congress of Soviets, Trotskii casually comments “only

now did Lenin become reconciled to the postponement of the uprising". This is an oblique reference to a short-lived but major disagreement between the two leaders, a disagreement which related to their long-standing differing attitudes to the role played by conscious workers and the Party of the working class. After the July Days, Trotskii and Lenin had been working closely together, but then "judging from some accidental and quite erroneous indications", Lenin concluded that Trotskii "was being too dilatory in the matter of an armed uprising", as Trotskii puts it (Trotsky 1930: 256, 266).

As Trotskii is keen to stress in *My Life* and elsewhere, the main disagreement within the Bolshevik Party in October 1917 was whether or not to stage an uprising. Zinov'ev and Kamenev were opposed to an uprising on the grounds that it was both risky and unnecessary. For them it was clear that the Kerenskii regime was disintegrating, so, all the Bolsheviks had to do was to wait until the Second Congress of Soviets gathered and call on it to form a Soviet Government. Kerenskii would then be put in a position where he had no choice but to resign and the newly formed Soviet Government would hold the ring until the Constituent Assembly met to

endorse it. Those Bolsheviks favouring an uprising argued that there was many a slip twixt cup and lip, that the 'petty bourgeois' parties – the Mensheviks and SRs – would wriggle and squirm, and that, just as in September 1917 when the Democratic Conference had ended up backing Kerenskii having first condemned him, so the vote at the Second Congress of Soviets would probably funk the issue of a Soviet Government. For them, it was clearly best to seize power first and present the Congress of Soviets with a *fait accompli* to be endorsed.

However, within the group favouring an uprising, there was a secondary debate: how should the uprising be organised? Lenin was clear, it should be the work of the Bolshevik Party using troops mobilised by its Military Organisation. This was the plan he outlined to the Central Committee on 10 October. The Congress of Soviets of the Northern Region was about to meet; there the Bolsheviks had the support of numerous army committees; these should be used to carry out a putsch in the name of the Party. Trotskii did not agree. He criticised Lenin for suggesting that the uprising should be the work of the Party and commented that "the difficult question of bringing its

preparation into accord with the Soviets” had not been mentioned by Lenin. Trotskii wanted the insurrection to be the work of the Soviet, and since the Soviet was “open and elective” and participated in by parties firmly opposed to the Bolsheviks, a Soviet led uprising would not be easy.

So, Trotskii argued for time, while Lenin insisted that an uprising was needed at once, well in advance of the opening of the Second Congress of Soviets. It was only on 12 October when the Soviet began to put shape on a proposed Military Revolutionary Committee that Trotskii began to see how the Soviet could become the instrument of the uprising. At the Congress of Soviets of the Northern Region, Trotskii rallied those troops loyal to the Bolsheviks not to the idea of staging a coup but defending the Congress of Soviets. Thus, the uprising would take place not before the Congress of Soviets opened, but when Kerenskii tried to prevent it opening or moved to disperse it once it had opened. In the event, it was neither Lenin nor Trotskii who took the initiative in staging the uprising. Kerenskii, faced with the growing challenge of the Military Revolutionary Committee, decided to prosecute members of the Military

Revolutionary Committee and close down the Bolshevik press. It was not difficult to interpret this as an attack on the Soviet, the first move in an attempt to disperse the Second Congress of Soviets. The Bolsheviks were thus able to seize power through the Soviet’s Military Revolutionary Committee in the name of defending the Second Congress of Soviets (Swain 2006: 67-68, 72). This was not Lenin’s strategy, but Trotskii’s. However, the strategy worked and so Lenin’s disagreement with Trotskii was quickly forgotten.

Ironically, the last major disagreement between Trotskii and Lenin had the two leaders reverse their positions on consciousness and leadership. In 1920 Trotskii was both Commissar for War and Commissar for Transport. This combination led him to call for the increased militarisation of labour and the effective abolition of the trade unions as institutions no longer needed in a socialist state. Soon the surviving labour activists of the pre-revolutionary years, those whom Trotskii had represented for so long before the revolution, were after his blood. Lenin, on the other hand, argued that the trade unions still had a role to play under socialism, even if that role did need to be mediated through the Party.

Trotsky is honest when he notes: “one cannot deny that the so-called discussion of trade unions clouded our relationship for some time”, but he does not give the full story. He remembers it like this:

The working masses, who had gone through three years of civil war, were more and more disinclined to submit to the ways of military rule. With his unerring political instinct, Lenin sensed that the critical moment had arrived. Whereas I was trying to get an ever more intensive effort from the trade unions, taking my stand on purely economic considerations on the basis of war communism, Lenin, guided by political considerations was moving toward an easing of military pressure. A discussion flared up in the Party, it was actually beside the point. (Trotsky 1930: 367)

It was far from “beside the point”. From September 1920 onwards Lenin turned against Trotsky. First he pushed the Party to declare that Trotsky’s abolition of the Railway Workers’ Union had been nothing more than a temporary expedi-

ent and would not set a precedent for the winding up of other trade unions; by November, Lenin was clear that all trade unions, even the Railway Workers’ Union, would be restored to their traditional functions. Lenin tried to keep the dispute within bounds, but Trotsky would not play ball. Lenin established a commission to examine the future role of the trade unions, on which Trotsky would serve; but Trotsky soon stormed out of the commission protesting that it was biased. The ‘discussion’ within the Party meant that elections to the 10th Party Congress in early 1921 took place on competing platforms. At the 10th Party Congress, where Trotsky was defeated, he behaved petulantly, declaring that Party rules had been abused to weaken his position and accusing Lenin of feigning neutrality while actually opposing him. Lenin was furious, commenting: “Try to stop Trotsky! How many divisions does one have to send against him” (Swain 2006: 133). Trotsky’s assertion that “I wound up all conferences with those who shared my view on the question of the trade unions while the congress was still in session” was not Lenin’s verdict (Trotsky 1930: 367). In the end it was Lenin, not Trotsky, who restored relations after the trade union

‘discussion’, persuading Trotskii that he should not carry out his threat of resignation (Swain 2006: 132-133). For the purposes of Trotskii’s struggle from Turkish exile, however, it was essential to play down the bitterness of this clash with Lenin. If the story that Trotskii was Lenin’s true heir were to hold water, the extent of the disagreement between them as the process of post-war reconstruction began could not be revealed.

Conclusion

No autobiography is objective, and Trotskii is at least up front about how the story he tells of his life is part of his greater struggle against Stalin. This is fairly obvious when he is in ‘attack’ mode, and gives his version of the faction fights of the 1920s, but it is far less clear in the silences, especially the silences about Lenin. Yet these silences are essential to the greater purpose of *My Life*, essential if Trotskii is to cast himself successfully as Lenin’s true disciple and heir. Trotskii’s *My Life* is a work of political struggle, a work in which he can deliberately forget what made him tick as a revolutionary for two decades. Sokolovskaia, the mother of his two daughters, commented once that “in one thing he never

changes – that is his devotion to the revolution” (Swain 2006: 212). If the struggle to defeat Stalin and save the revolution meant consciously forgetting the past, it was a small price to pay. If Trotskii’s political purpose in writing *My Life* is kept in mind, his descriptive powers can be enjoyed to the full. And, when it is not political matters which are at hand, he can admit mistakes. Describing autumn 1919 when near Voronezh his military convoy was struggling through deep mud he recalled:

Once when we were fording a river, we got stuck mid stream. In a rage, I blamed everything on the low built machine, which my excellent chauffeur, an Estonian named Puvi, considered the very best machine in the world. He turned round to me, and, raising his cap, said in broken Russian: “I beg to state that the engineers never foresaw we should have to sail on water”. In spite of the difficulty of the moment, I felt like embracing him for the cold aptness of his irony (Trotsky 1930: 329)

If only Trotskii could have shown such humility when deal-

ing with his political opponents. Trotskii comments of others with whom he fell out: “revolution is a great devourer of men and character; it leads the brave to their destruction and destroys the souls of those who are less

hardy” (Trotsky 1930: 318). By denying his past in his memoirs, did Trotskii destroy his own soul?

Bibliography

Deutscher 1970: I. Deutscher, *The Prophet Armed: Trotsky 1879-1921*, Oxford University Press, Oxford, 1970.

Kotkin 2015: S. Kotkin, *Stalin: Paradoxes of Power, 1878-1928*, Penguin/Random House, London, 2015.

Rubenstein 2011: J. Rubenstein, *Leon Trotsky: a Revolutionary Life*, Yale University Press, New Haven, 2011.

Swain 1983: G. Swain, *Russian Social Democracy and the Legal Labour Movement, 1906-14*, Macmillan, Basingstoke, 1983.

Swain 2006: G. Swain, *Trotsky*, Pearson, Harlow, 2006.

Swain 2017: G. Swain, *A Short History of the Russian Revolution*, I.B.Tauris, London, 2017

Trotsky 1930: L. Trotsky, *My Life*, Charles Schribner’s Sons, New York, 1930.

van Ree 2001: E. van Ree, *Lenin’s Last Struggle Revisited*, «Revolutionary Russia», 2001, II, pp. 85-122.

Felicitas Fischer von Weikersthal

“I could hardly be called an ignorant fanatic”.

Ekaterina Breshko-Breshkovskaia and the Construction of a Revolutionary Autobiography

Ekaterina Breshko-Breshkovskaia is one of the better-known protagonists of the Russian Revolution, often referred to as the grandmother (*babushka*) of the revolution. Her auto/biographical writings have been composed in different periods and to different audiences. Therefore, the question of whether the presentation of *babushka's* autobiography and of the revolutionary movement changed over the course of time and in view of the audience is of particular interest. How did Breshko-Breshkovskaia represent the revolutionary cause, the revolutionary biography, and the ideals of a revolutionist's life? Which strategies did she use to attract the audience and how did she explain her pathway to radicalization? What does this tell us about the self-perception of the revolutionaries – and especially female revolutionaries – or at least of *babushka's* concept of a revolutionary life?

Ekaterina Breshko-Breshkovskaia is one of the better-known characters of the Russian Revolution. Belonging to the first generation of *narodniki*, she turned to the revolutionary cause at the age of 26 leaving behind a stable life, her husband, and her son. She actively took part in the propaganda among Russian peasants and was one of the founding members of the Socialist Revolutionary Party. She was arrested twice and served long terms in prisons and in Siberian exile – the second term as an elderly woman. Like many other revolutionaries, Breshko-Breshkovskaia was eager to share her experiences with an audience both inside

and outside the Russian Empire. At several stages during her revolutionary career Breshko-Breshkovskaia published autobiographical material addressing readers of various countries. The majority of her works were aimed at a Russian readership, with the most extensive publications produced in English.¹ This fact was ignored by most of her biographers, as were the ambivalent aspects of her character and life. Instead, biographers of the ‘grandmother of the Russian Revolution’ followed the romanticized picture painted by contemporaries and friends of an

¹ For an extensive list of Breshko-Breshkovskaia's autobiographical writings see Field 1998.

amiable, humorous, self-sacrificing woman.²

This article seeks to overcome the common romanticizing picture of *babushka*. A re-reading and contextualizing of Breshko-Breshkovskaia's autobiographical materials will present in detail Breshko-Breshkovskaia's radicalism regarding both the concept of a revolutionary life and the question of political violence. Furthermore, the article touches upon analytical problems that occur when dealing with the autobiographies of Russian radicals of that time. The autobiographies of Petr Kropotkin, Vera Figner, Sofia Perovskaia, and others present a quite uniform picture of the Russian revolutionary movement and of each pathway into radicalization. The autobiographies of

women revolutionary terrorists in particular imitate role models found in Christian legends and in revolutionary literature (Rindlisbacher 2011: 99-115; Maier 2004; Patyk 2009). However, based on the assumption of a narrative construction of their autobiographical statements, the question arises to what extent revolutionaries formed their life according to the role model or rather adjusted their autobiographical narrative accordingly. Long before the 'narrative turn' started to influence social sciences, researchers from different scientific backgrounds have stressed the constructed nature of autobiography. Not only in the written form but also in day-to-day stories about the self, each individual consciously or unconsciously shapes her/his identity (Eakin 2008). These stories of the self bring experiences, episodes, and mental developments into a connected and comprehensible entity. Moreover, the narration of the self and of identity is essentially shaped by time, language, culture, and social relationships. Last but not least, autobiographical stories have an ethical dimension suggesting a moral perspective (Vassilieva 2016: 16-17).

The broad autobiographical material left behind by Bre//shko-Breshkovskaia allows us to pre-

² One could easily assign Barbara Evans Clements' criticism on Jane E. Good's and David R. Jones' approach to the biography of Breshko-Breshkovskaia to other authors: Often enough they "stay very close to her voice and to the bland reverence for Breshko-Breshkovskaia that they have found in other revolutionaries' memoirs". See her review in *Slavic Review*, Vol. 51, No. 4 (Winter, 1992): 816-817. Vera Broido confessed that she had a "romantic picture" of Breshko-Breshkovskaia and other "heroines of the revolutionary movement" (Broido 1978: personal note). See also Kelly/Boutilier 1978: 139-140. More recent publications equally miss a critical approach as for example Frolova 2004.

sent in detail the various influences on her life story. Rather than recounting Breshko-Breshkovskaia's biography, this article will show how her autobiographical narrative was construed according to a general pattern of revolutionary autobiographies, cultural and literary models of that time, and the propagandistic and self-assuring tendency of the author. This will help us to understand the self-perception of Russian radicals and to classify Breshko-Breshkovskaia's autobiographies as an exculpatory narrative intended to legitimize the pathway chosen and to restructure the personal development with all its decisions and turning points according to a linear and thus inevitable path.

Contextualizing Babushka's autobiographical writings

Katerina Breshko-Breshkovskaia has left us with a huge variety of oral and written statements that are connected in one way or another to the story of her life (Field 1998: 321-323). All of these autobiographical materials can be divided into two categories: stories about her personal history and memories about other prominent figures of the revolutionary movement both inside and outside of Russia. To the second category belong articles

published in Russian describing her acquaintance with, among others, Nikolai Kibalchich (Breshkovskaia 1906), Nikolai Ishutin (Breshkovskaia 1905), Nikolai Chaikovskii (Breshkovskaia 1929), Petr Kropotkin, Johan Most, and Louise Michel (Breshkovskaia 1921). While these articles provide us with only limited details of Breshko-Breshkovskaia's life as a revolutionary, they give some insight into her ideas of the revolutionists' way of life and her vision of the ideal revolutionary.

The first category of the autobiographical material is the main source for those interested in Breshko-Breshkovskaia's biography. Daniel Field, Jane E. Good, and David R. Jones have already emphasized the problems of autobiographical writings in general and Breshko-Breshkovskaia's in particular. Field exposed content-related differences between her various writings, thus pointing to the interdependence of memory and time (Field 1998). Good and Jones stressed the growing propagandistic intention of most of Breshko-Breshkovskaia's reminiscences (Good/Jones 1991: vii). Similarly, while the earlier pieces seem to be more reliable because of the proximity in time to the actual experiences, they are at the same time the most af-

fectured by propagandistic efforts. Most of the non-Russian publications are connected to a sort of public relations campaign by the Socialist Revolutionary Party, benefiting from the widening interest in Western countries. One of the first to write broadly about the Russian revolutionary movement for a non-Russian audience was Sergei Stepniak-Kravchinskii, who wanted to influence a Western readership in favor of the Russian revolutionary cause. His *Underground Russia* was published first in Italian in 1882. An English version appeared in 1883 and was followed by translations into various European languages (Patyk 2009: 768). In the United States, *Underground Russia*, the publications and lectures of George Kennan, and the Journal *Free Russia* sow the seeds for a broadening interest in the Russian revolutionary movement. Although the interest had cooled down by the turn of the century, the newly founded Socialist Revolutionary Party sent two emissaries, Ekaterina Breshko-Breshkovskaia and Chaim Zhitlovskii, to the United States in order to agitate Russian émigrés and the American public.³

³ Interestingly, the members of the American branch of the Socialist Revolutionary Party were initially less enthusiastic about their guests. They would

When Breshko-Breshkovskaia arrived in the United States in the fall of 1904, she quickly came into contact with American socialist and progressive circles. They supported her lecturing tour which was accompanied by broad media coverage in both immigrant as well as non-immigrant newspapers. The progressive magazine «The Outlook» published one of the longest features on Breshko-Breshkovskaia on January 7, 1905. Under the title *Katherine Bereshkovsky: A Russian Revolutionist*, Ernest Poole reproduced at length an interview he had conducted with Breshko-Breshkovskaia in 1904 (Poole 1905). Although we do not know how much Poole edited the narrative and whether the translation influenced the message, it becomes clear that the main aim of this text was to introduce the American reader to the objectives of the Russian revolution-

have preferred Osip Minor and Nikolai Chaikovskii or Dmitrii Khilkov. Their argument was that Zhitlovskii had no “sensational past” (сенсационное прошлое), while Breshko-Breshkovskaia ran into danger of being arrested and expelled. See the letter of the American committee “To the committee of the Socialist Revolutionary Party abroad”, 7 Oktober 1904, Partiiia Sotsialistov-Revoliutsionerov (PSR), Folder 163, p. 4, Archive of the International Institute for Social History (IISH), Amsterdam.

ary movement and to contrast the cruel and despotic tsarist regime with the picture of the self-sacrificing, humanistic revolutionary. The text of the interview was reprinted in different versions over the course of the following decade. A French version, published in 1910, presented an almost identical reprint of the interview as an autobiographical article of Breshko-Breshkovskaia (Ekaterina 1910). Seven years later, the suffragette Alice Stone Blackwell, who had become a close friend to Breshko-Breshkovskaia during the latter's stay in the United States, edited her old friend's reminiscences and letters. The 'reminiscences' were based mainly on Poole's interview and an interview Breshko-Breshkovskaia had given to Abraham Cahan for the Jewish daily «Vorwärts» (*Forward*) in 1904.⁴ The book therefore repeated Breshko-Breshkovskaia's self-presentation of 1904/05. The letters, written to her American friends from her Siberian exile, added to the picture of Breshko-Breshkovskaia as a caring and selfless person, and, indeed, the grandmother of the revolutionary movement (Blackwell 1918).

⁴ According to Field the original text has not survived (Field 1998: 331 FN 8).

In 1917, Breshko-Breshkovskaia wrote the first Russian version of her life-story. It was published several times entitled either as *Avtobiografiia* or as *Babushka E.K. Breshko-Breshkovskaia o samoi sebe*. Breshko-Breshkovskaia wrote this account shortly after the February Revolution of 1917 had brought the annulment of her sentence to life long exile. This account presented an authoritative description of the revolutionists involved in the 'Going to the People' movement. In the French version of the Poole article and in this Russian version of her memoirs, Breshko-Breshkovskaia omitted the terroristic activities of the revolutionary movement. While the mention of terrorism could have worried a French audience that had experienced a violent wave of terrorism itself, for a Russian readership the reputation of the Fighting Organization of the Socialist Revolutionary Party had been shattered by the escalating violence of the First Russian Revolution as well as by several spy affairs.⁵ Additionally, given the revolutionary situation during the spring of 1917, Breshko-Breshkovskaia may have wished to stress the positive traits of the revolutionary movement. Over-

⁵ On terrorism in France see for example Merriman 2016. On the effects of the spy affair for the PSR see Geifman 2000.

all, it makes a much more conciliatory impression. The problematic relationship with her mother is omitted while the Christian and humanitarian roots of her decisions and the educational tendency of her activities are emphasized (Bereshkovskaia 1917: 5).

The most extensive version of Breshko-Breshkovskaia's memoirs appeared in 1931. For this book, Breshko-Breshkovskaia complemented materials she had already written in 1918 with more recent writings concerning the revolutions of 1905 and 1917, the peasants, and other broader and philosophical topics (Breshkovskaia 1931: xiii-xiv). *Hidden Springs* connects both categories of her autobiographical writings as reminiscences about her revolutionary comrades are added to the story of her personal history. The book is exceptional in two ways: first, it skips Breshko-Breshkovskaia's early life and her pathway into radicalism. Second, Breshko-Breshkovskaia gives herself a far more radical attitude than presented in earlier writings. She purports to having been involved in terrorist assaults, at least in a preparatory stage, and underlines her friendship or acquaintance with other renowned figures of the revolutionary movement involved in

terrorism.⁶ Aged over 70 and after the collapse of tsarism, Breshko-Breshkovskaia had neither to hide her affirmation of political violence nor her contacts to other revolutionaries. Statements about fellow revolutionaries had no further consequences for them anymore. Thus, in *Hidden Springs*, Breshko-Breshkovskaia could be more open than in earlier writings. At the same time, due to her age, she was less accurate concerning details (Field 1998: 326-331).

All these publications provide insight into Breshko-Breshkovskaia's world-view. The richest sources in regards to her pathway of radicalization and her concept of the ideal revolutionist are the interview given to Poole, her *Avtobiografiia* from 1917 and *Hidden Springs*. The following analysis concentrates mainly on these three texts and provides the reader with reference to her other writings.

*Exculpation and counter-
accusation:
explaining radicalization*

In general, the autobiographical statements of Russian revolutionaries are seldom reminiscences in the purist sense but explanations of the path chosen. The state and the revolutionar-

⁶ See in more detail below.

ies fought over the prerogative interpretation of the revolutionary movement. While the government tried to expose the revolutionaries as ruthless criminals, the revolutionaries used pamphlets, court proceedings and autobiographical writings to present themselves as victims of state terror (Wurr 2017). Breshko-Breshkovskaia's autobiographical statements and articles are no exception. The intention to justify the development of Russian radicalism is obvious, especially in the statements which address a foreign audience. In her autobiographical materials Breshko-Breshkovskaia gave five reasons for her gradual transition into a radical life. These reasons or factors are connected to personal experiences, external influences, as well as to personal traits. In the interviews with Poole and Cahan and in her *Avtobiografiia*, Breshko-Breshkovskaia roots her revolutionary mindset in her early youth. She presents herself as a rebellious child, often coming into conflict with the conventions of her time. The relationship with her mother symbolized this conflict (Good/Jones 1991: 3-4). Her rebellion was fueled by a deep sense for justice and equality explained by her Christian upbringing. According to her memoirs she realized at a

very young age – in *Avtobiografiia* she mentions the age of five – the harsh contrast between her life and that of the peasants, between Christian teachings and the reality of injustice and discrimination (Breshkovskaia 1917: 5; Poole 1905: 78). While her mother in particular and the Russian state in general were denounced as hypocritical, her educational and revolutionary activities were presented as the genuine Christian way of life. Breshko-Breshkovskaia selflessly shared her belongings with the poor and tried to overcome social separation (Poole 1905: 78). The reference to a religious background – also found in the memoirs of other revolutionaries of that time (Rindlisbacher 2011; Maier 2004) – had a legitimate function. At the same time, it served to depoliticize the revolutionary cause. By emphasizing that Christian values urged her to sacrifice her energy for the sake of the poor and oppressed, Breshko-Breshkovskaia pushed the political idea of revolution aside.⁷ Even those political demands Breshko-Breshkovskaia brought forward were re-

⁷ This interpretation is reinforced by Breshko-Breshkovskaia's *Istoriia moei dukhovnoi zhizni* she wrote in 1923. As this work was never published I must rely on the comments of Good/Jones 1991: vi.

duced to more general, though libertarian issues: “Freedom to think and speak! Freedom to work! Justice for all!” (Poole 1905: 88). In her interview with Poole, Breshko-Breshkovskaia never mentioned for example, a planned overthrow of the existing political system, a democratization and federalization of the regime, the socialization of land.⁸

Christianity was, of course, not the only source for Breshko-Breshkovskaia’s development. Both literature and personal contacts had an influence on her radicalization. Depending on her audience Breshko-Breshkovskaia cited different sources of influence. *Hidden Springs*, written in Russian but published in English, lists the common literary canon we find in many memoirs of Russian revolutionaries. Besides Nikolai Chernyshevskii, Breshko-Breshkovskaia mentioned Nikolai Dobroliubov, Petr Lavrov, and Dmitri Pisarev, who were prominent authors close to the Russian rev-

olutionary movement (Breshkovskaia 1931: 29). In the interview with Poole, Breshko-Breshkovskaia highlighted her liberal and – perhaps even more important – Western upbringing as being fundamental for her rapprochement with the revolutionary cause. Her father introduced her to travel and science literature. She herself read the literature of the enlightenment: Voltaire, Rousseau, and Diderot. She read and spoke French and German. She thus presented herself as a well-educated individual, versed in Western European culture, who “could hardly be called an ignorant fanatic” (Poole 1905: 78). While *Hidden Springs* pointed to Breshko-Breshkovskaia embedding herself in the Russian revolutionary movement, the interview given to Poole presented a common cultural basis for the American audience. Indeed, to a certain degree, Breshko-Breshkovskaia’s life and personal development as described in the interview, echo the résumés of American progressives Breshko-Breshkovskaia had met in the United States. As educated women, they had left the path traditionally predetermined for women in their society. Although Breshko-Breshkovskaia was never able to obtain a higher education legally, she shared, with her American

⁸ For the political demands of the Socialist Revolutionary Party see Hildermeier 2000; Perrie 1977. Even in *Hidden Springs* Breshkovskaia hardly mentioned any political demands. Sketchily she described her revolutionary ambitions as an “attempt to overcome the obstacles which were rooted in the historical past of the Russian people” (Breshkovskaia 1931).

peers, the desire to improve the lives of the poor. As society did not offer them role models for fulfilling this desire, these women had to find their path and area of action alone.⁹

The average reader of the progressive magazine «The Outlook» could probably identify her-/himself with Breshko-Breshkovskaia and those other “men and women of noble birth and university training, doctors, lawyers, journalists, novelists, poets, scientists” who had joined the Russian revolutionary movement (Poole 1905: 78). Similar cultural roots and values encouraged both Breshko-Breshkovskaia and American progressives to stand up for the poor and discriminated. Breshko-Breshkovskaia fitted perfectly into “Victorian gender norms, the abolitionist temperament and the enlightened Protestantism” of American progressive circles of that time (Phillips 2016: 257). The presentation of Breshko-Breshkovskaia’s life story in the interview with Poole provided factors connecting her to an American liberal public, links that this public easily accepted: her European cultural origins and her familiarity with the literature of the enlighten-

⁹ As comparison see for example the biography of Jane Addams or Alice Stone Blackwell.

ment, her educational work among peasants, as well as the discrimination of women in regards to higher education.¹⁰ The more progressive sections of American society in particular could compare their own activities and aims with those of Breshko-Breshkovskaia. The long-lasting interest in Breshko-Breshkovskaia’s fate and the life-long contact she kept with her American friends support this deduction.

If American progressives could identify themselves with the Russian revolutionist up to this point of Breshko-Breshkovskaia’s personal development, it is of special interest how she explained the next step of her radicalization and her decision to become an outlaw. In the interview given to Poole the main turning point in her life was linked to the punishment of her husband, her father, and herself, provoked by their educational work among peasants (Poole 1905: 81). Although the punish-

¹⁰ In the Russian version Breshko-Breshkovskaia did not omit the village school and her enlightening work among the peasantry but this is confined to a few sentences (Breshkovskaia 1917: 5): “Ten years I either worked in the school for peasants or I organized in the village a loans-savings-bank, mutual help, artels or I organized the peasants before the elections for courts, administration.”

ment was rather lenient as she and her husband were simply put under police surveillance while others were sentenced to Siberian exile, Breshko-Breshkovskaia presented this incident as emblematic of the government's barbarism:

Punished as criminals for teaching the peasants their legal rights, we saw the Government as it was, the System of Corruption [sic], watching jealously through spies and secret police, that their peasant victim might not be taught anything that could make him think or act as a man. (Poole 1905: 81)

Already at an earlier stage of the interview Breshko-Breshkovskaia had portrayed the government as a medieval and barbarian regime when describing the flogging of rebellious peasants even after the liberation of the serfs (Poole 1905: 80). The government was thus depicted as the exact opposite of the enlightened and compassionate revolutionaries. While the latter were portrayed as the most well-educated members of Russian society who were serious, peaceful, and hospitable, the government was presented as being corrupt, cruel, and the real fa-

natic (Breshkovskaia 1931: 8, 10). In this way, Breshko-Breshkovskaia brought accusations against the state – a formula used already by the lawyers of the Nechaev group and of Vera Zasulich (Wurr 2017: 47; Maier 2004).¹¹ In 1877, Zasulich had shot the governor of St. Petersburg, Fiodor Trepov. In the trial against Zasulich, Petr Aleksandrov skillfully presented Trepov as the real criminal because of his order to flog a political prisoner. Moreover, Aleksandrov pointed to the guilt of a state which had harshly punished Zasulich for her acquaintance with Nechaev (Barisova 2016; Siljak 2008). Correspondingly, Breshko-Breshkovskaia made the Russian autocratic regime responsible for her radicalization. The regime had shown its cruel nature in its handling with peasants; it had turned both women who sought for higher education and reformers who tried to educate the peasants into criminals. Breshko-Breshkovskaia's conclusion was that not reforms but radical means alone could change the system. This counter-accusation was successful in the trial against Zasulich, who was acquitted by the

¹¹ Daniel Field traces this method back to the Decembrists but ignores the resemblance to the cases of Zasulich and the Nechaevtsy (Field 1998: 329).

court.¹² Furthermore, Breshko-Breshkovskaia's American audience eagerly integrated this narrative into its prejudices towards tsarist despotism and Russian backwardness (Philipps 2016: 250).

It seems rather unlikely that the forced closing down of her peasant school and police surveillance were the only triggers for Breshko-Breshkovskaia's step underground. Moreover, the question is, how harmless had her activities been in reality? Good and Jones argue that Breshko-Breshkovskaia's sole intention was to educate the peasants and to reform the political system and that only the interference of the government with her "perfectly legal reform project" in 1871 turned her into a revolutionist (Good/Jones 1991: 24). They give no plausible explanation as to why she had already been agitating among students in Kiev in 1869 (Ibid: 22). Breshko-Breshkovskaia herself confused the process of her radicalization in her various autobiographical writings. In *Avtobiografiia* as in «The Outlook» interview Breshko-Breshkovskaia legitimizes her radicalization by

¹² Barisova denies any political dimension of the decision (ibid 2016: 228). The counter-accusation was also practiced in the trial against the 193 (Breshkovskaia 1931: 159).

the closing down of her school but adds:

This [the shutting down of the school] forced me to search for another path, another means to work for the benefit of my beloved people, and at the end of the 1860s I decided to travel through Russia to search for people to turn with them onto the path of an illegal, that is a by tsarist legislature forbidden, fight.

(Breshkovskaia 1917: 6)

Most probably, Breshko-Breshkovskaia had already turned to illegal activities by the end of the 1860s, perhaps even in the mid-1860s when she traveled to St. Petersburg and came into contact with radical student circles (Good/Jones 1991: 17-19). Seemingly, Breshko-Breshkovskaia was already illegally active before she experienced state repression. However, linking her radicalization to state repression provided her with a persuasive legitimizing narrative.

Some of Breshko-Breshkovskaia's other statements stress that she was far more radical than often maintained. She repeatedly presented herself as an adherent of the Bakuninist branch of Russian liberals. The

Bakuninists favored revolutionary agitation by deed over the distribution of books and pamphlets (Poole 1905: 81; Good/Jones 1991: 35). Breshko-Breshkovskaia also admitted her dedication to Sergei Nechaev's ideas on revolutionary organizations and terror. In the interview given to Poole, Breshko-Breshkovskaia confessed that she had been influenced by the literature of the Nechaev circle (Poole 1905: 81). In *Hidden Springs* she adds personal contacts to Nechaev's followers. According to this version of her memoirs she traveled to St. Petersburg in 1873 in order to meet "members of the Nechaev organization" to discuss with them:

the use of nitroglycerine, its terrible effects when exploded, the possibility of concealing some of it in the Winter Palace, and the possible influence on the policy of the government which a successful explosion might have.

(Breshkovskaia 1931: 24)

At that time, the inner circle of Nechaev's organization and Nechaev himself had already been arrested and put on trial. However, their ideas on terror and revolution lived on among young Russian radicals (Wurr

2017: 45-46). "Members of the Nechaev organization" is thus probably a code for revolutionaries devoted to terrorism.

Breshko-Breshkovskaia also claimed that she took part in plans to carry out an act of terrorism in 1873 but was arrested before these plans materialized (Breshkovskaia 1931: 25). In 1878, Maria Kolenkina visited Breshko-Breshkovskaia in prison to discuss the assassination attempts on Trepov and the prosecutor in the trial of the 193, Vladislav Zhelikhovskii (ibid: 155). Furthermore, Breshko-Breshkovskaia was in contact with Valerian Ossinskii in Kiev, who reported his terroristic plans to her (ibid: 156). Indeed, one wonders how and if she could talk and correspond with revolutionary comrades about terrorist ambitions whilst incarcerated. Whether she was involved in any terrorist activities or not, these sequences stressed Breshko-Breshkovskaia's general willingness to include terrorism in the strategy of the revolutionary program and revealed her radicalism even within the revolutionary movement. She had been an advocate of terrorism at a time when the majority of Russian revolutionaries was discussing the issue but remained hesitant about the use of terror

(Saburova/Eklof 2016: 207-208; Ekaterina 1910: 2).

In «The Outlook» interview, the presentation of her radicalization process stops with the agitation among the peasants in the summer of 1874. Instead, a large part of the interview is dedicated to the description of Breshko-Breshkovskaia's life in prison and exile adding to the stories of George Kennan about the barbarous Russian exile system already familiar to the American public. Although Breshko-Breshkovskaia mentioned the terrorist branch of the Russian revolutionary movement in the interview, she distanced herself from its orientation. While she was quoted as saying "some believe in the efficiency of 'terror,'" her own view on this issue was omitted (Poole 1905: 87). The terroristic branch of the movement was marginalized ("few believe in assassination", *ibid*: 88) in contrast to its central position within the program of the Socialist Revolutionary Party in 1904, whose founding member was in fact Breshko-Breshkovskaia. Obviously, Breshko-Breshkovskaia adapted her life story to the American readership as she did not conceal her commitment to terror in face-to-face conversations. Statements of her

closer American friends show this.¹³

Overall, Breshko-Breshkovskaia's life story contains elements we find in most autobiographies of Russian revolutionaries, and in particular in memoirs of the more radical part of the revolutionary movement. The reminiscences of Petr Kropotkin (Kropotkin 1899), of Vera Zaslulich, Vera Figner (Rindlisbacher 2014), and others who approved terrorism present a similar pattern of personal development (Engel 2000) that is largely consistent with the mechanisms of political activism and radicalization (Kelly/Boutilier 1978; McCauley/Moskalenko 2008:415-433). At the same time, this pattern reflects the individual's need to integrate their life path into a linear narrative and, thus, to make sense of it. Cultural and literary influences are added to the construction of the narrative as the following will show.

Ascetic martyr:

modeling the ideal revolutionary
Of course, Breshko-Breshkovskaia's autobiographical statements did not end with her turn to an illegal life. She also described her life in the under-

¹³ Alice Stone Blackwell spoke freely of Breshko-Breshkovskaia's affirmation of terrorism in her book about the latter (Blackwell 1918: 108).

ground and her experiences in prison and exile. In these descriptions we find traces of her concept of a revolutionary life. In several instances her own personal traits and lifestyle were interlaced with those of other revolutionists and presented as common for the revolutionary movement. According to Breshko-Breshkovskaia, the revolutionaries had disentangled themselves from all material and social amenities. They lived a spartan life whereby they sacrificed their lives and all of their possessions to the revolutionary cause (Poole 1905: 88).¹⁴ In Breshko-Breshkovskaia's account, Russian revolutionists had a strong character, an impressive strength of will and an exceptional capability for self-control. They were willing to leave family and friends as well as conventions behind (Poole 1905: 81; Breshkovskaia 1931: 4, 8, 23, 75, 96, 104, 112). They realized clearly "the dignity and responsibility of the duties they had undertaken" (Breshkovskaia 1931: 112). They were so con-

¹⁴ In a programmatic paper written in June 1904 for the foreign committee of the Social Revolutionary Party, Breshko-Breshkovskaia also emphasized the importance of putting aside one's own needs in favor of the interests of society as a whole. International Institute for Social History, Amsterdam, PSR Archive, Folder 188.

vinced of the righteousness of their chosen path as well as of their social and political aims that they did not even fear punishment or death (Breshkovskaia 1917: 7). In prison, the revolutionaries were "brutally treated" by the tsarist government. Some broke down but others "endured unshaken months of this brutality". They never lost faith and courage, no matter how badly they were treated by the regime, "for a Revolutionist must smile though the heart be torn" (Poole 1905: 83). To these general descriptions, Breshko-Breshkovskaia added an exposition of her personal traits: an uncompromising nature and a pronounced notion of honor and dignity (Breshkovskaia 1931: 75).

The characteristics of the revolutionists together with the schematic presentation of the pathway of radicalization resemble a pattern rooted in Christian hagiography. In the middle of the 19th century, stories of religious saints and martyrs had been secularized and adopted into the image of the ascetic hero (Morris 1993). This hero resembled in many aspects the religious martyr and was involved in a fight against evil. Chernyshevskii's novel *What is to be done?* introduced such a profane hero in one of his protagonists. The figure of

Rakhmetov – as well as the heroine Vera Pavlovna – eminently influenced Russian revolutionaries of that time (Stites 1978: 89-114), as did the female version of Rakhmetov presented in Stepniak-Kravchinskii's *Underground Russia*. Here, the terrorist Sofia Perovskaia appeared as the “female incarnation of Rakhmetov” (Patyk 2009: 775): ascetic and tough, with a strong and fiery character (Stepniak 1883: 116). Perovskaia's and other revolutionaries' life stories depicted by Stepniak served as a kind of “manual for revolutionary self-fashioning” (Patyk 2009: 771).

When Stepniak wrote and published his *Underground Russia*, Breshko-Breshkovskaia and the first generation of *narodniki* had already encountered a revolutionary life. Therefore, his ‘manual’ had no influence on the life path of this elder generation of revolutionaries; rather this generation was the archetype of his profiles. This first generation of revolutionaries referred to role models prevalent in religious and secular literature (Rindlisbacher 2011; Boniece 2003: 580-581). Accordingly, Breshko-Breshkovskaia stressed the influence of Christian legends on her development. She was affected by “the biographies of great men” from which she learned, “that aspirations toward

high ideals always lead to cruel penalties.” Influenced by these biographies, her mind was “completely occupied with the thought of the sacrifice that I could yet place on the altar of the idealistic movement” (Breshkovskaia 1931: 104). The general outline of her life-path presented in her autobiographical statements followed the pattern of separation, initiation, and no-return prevalent in the examples of these “great men” and in Chernyshevskii's Rakhmetov (Morris 1993). Breshko-Breshkovskaia had separated herself from society: “I had burned all my old bridges and rejected conventionalities forever”. She had found initiation in the life as a revolutionary as she had “crossed from the old to the new life alone” (Breshkovskaia 1931: 8). She rejected any resumption of her contacts and of her former privileges (Breshkovskaia 1931: 95-96). She refused to return into society until her goal had been reached. Additionally, Breshko-Breshkovskaia almost schematically presented herself as self-sacrificing and austere, as renouncing any material goods, privileges, and social benefits and, thus, as an ascetic heroine (Breshkovskaia 1931: 23, 96, 104). In her self-representation as a martyr-like heroine of the revolutionary movement, Breshko-

Breshkovskaia could not only draw on Christian and literary models but also on a vast variety of role models which existed in Russian history. The examples of the Decembrists' wives (Holmgren 1994: 129; Engel 2000: 19) came after a century long tradition of oppositional autobiography in Russia. Moreover, the revolutionaries themselves perpetuated the image of the self-sacrificing hero(ine) before court, in their revolutionary periodicals, as well as in other statements in written or oral form, thus presenting "behavioral texts" (Engel 2000: 155; Boniece 2003: 573). Publications concerning the nature of the revolutionary movement followed, as in for example Sergei Nechaev's *Catechism of a Revolutionary*. Written in 1868, the *Catechism* was quickly circulated among the radical milieu and strongly influenced the revolutionaries of the 1870s – and beyond.¹⁵ The title of the document already hints at the fact that Nechaev's *Catechism* was rooted in Christian legends, as was Chernyshevskii's novel. Breshko-Breshkovskaia's narrative is, in the same vein, a fusion of the influences and role models presented in the Bible, in

What is to be done? and in the *Catechism of a Revolutionary*. Not all of Breshko-Breshkovskaia's autobiographical publications connect to the same literary and cultural codes to such an extent. While *Avtobiografiia* is less affected by these influences, as it is less apologetic, her interview with Poole pays credit first and foremost to her American audience and to its realms of experiences. *Hidden Springs* shows the most references to Chernyshevskii's novel and to Nechaev's *Catchism* in particular. Many sequences in part one of *Hidden Springs* resemble different paragraphs of the *Catechism* as for example, the renunciation of Breshko-Breshkovskaia's family and past life, the primacy of the cause over her own desires and aspirations – she even left her newborn child behind – (paragraph 1 and 6 of the *Catechism*), the shift in moral attitudes when legitimizing terror (paragraph 4), the indisputable suffering of poverty and confinement for the higher cause of revolution (paragraph 5).

Like Nechaev, although less ruthless, Breshko-Breshkovskaia was more radical than many of the other revolutionaries and often showed little understanding for those who did not share her radicalism. Wearing "shabby,

¹⁵ For an English translation of the *Catechism* see Dmytryshyn 1967: 241-247.

almost beggarly clothes” (Breshkovskaia 1931: 23, 63) herself, Breshko-Breshkovskaia was for example, dismayed when one of her fellow revolutionaries, Barbara Ivanova Vahovskaia (sic), dressed in smart clothes. For Breshko-Breshkovskaia this came close to a violation of the revolutionary code. Breshko-Breshkovskaia interpreted smart dress as symbolic of a fickle and non-revolutionary character although she was, in the end, convinced of Vahovskaia’s sincerity. In Breshko-Breshkovskaia’s understanding, the revolutionary – as the ascetic hero in the novels and the Christian martyr – had to stand above material well-being and fashionable clothes for he/she was “pledged to higher, more spiritual things” (Breshkovskaia 1931: 112).¹⁶ All together the revolutionaries formed a kind of holy order. They recognized each other without words, only by their behavior, by their appearance, or, in Breshko-Breshkovskaia’s words:

spiritual relationships produce spiritual signs and [...] people belonging to the same ethical plane can recognize each other without any special tokens. [...] Only those joined the organization [of revolutionaries] that felt themselves capable of paying the price for their audacity in entering into an open battle with the hundred-headed dragon whose teeth and claws were eternally renewed. (Breshkovskaia 1931: 103-104)

At the same time, this order of revolutionaries followed a strict distinction between friend and foe. According to Nechaev’s *Catechism* for a revolutionary only “that individual is dear and friendly who truly supports the revolutionary cause as he himself does” (paragraph 8). Similarly, there was “no need to talk about solidarity among revolutionaries. In it centers the entire strength of the revolutionary cause” (paragraph 9). In all of Breshko-Breshkovskaia’s autobiographical writings we find these two paragraphs of Nechaev’s *Catechism* actively applied. She always spoke warmly of her fellow revolutionaries, emphasized their mutual trust, love, and un-

¹⁶ In her article *Iz moikh vospominaniakh*, written in 1903, Breshko-Breshkovskaia appears in a similar way irritated by the fact that Nikolai Ishutin, who had been involved in Karakozov’s attempt on the Tzar’s life in 1866, still fancied theaters, beautiful girls and other worldly things (Breshkovskaia 1905: 189).

derstanding (Breshkovskaia 1931; Breshkovskaia 1921: 25). Separated from society, the revolutionaries replaced for each other family and friends. Obviously, Breshko-Breshkovskaia found shelter in the community of revolutionaries. Solidarity, hospitality, and freedom stood in contrast to the relationship she had experienced with her mother (Kelly/Boutilier 1978: 236). However, her affection and empathy were directed exclusively at her fellow revolutionaries and at the ordinary Russian population. Tsarist dignitaries, henchmen of the regime, and in particular police officers were subject to her contempt: "I felt degraded even when I had merely been in the same room with them or anywhere near them. I have maintained this attitude all my life" (Breshkovskaia 1931: 76).¹⁷ Here, the shift in moral attitudes, which in the end legitimized terrorist attacks, is already evident (Maier 2004: 329). It seemed a moral necessity to attack the "hundred-headed dragon," as it was "despotic and cruel" (Breshkovskaia 1931: 75). It fits into the image of revolutionaries that Breshko-Breshkovskaia had dis-

¹⁷ At the same time, however, she describes herself as generally polite to other people and shows compassion for prison wardens who received little pay (ibid: 106).

cussed. In particular, those revolutionaries who had accomplished terroristic acts: Sofia Perovskaia, Vera Figner, Sergei Stepniak-Kravchinskii, Ivan Kablits, Maria Kolenkina, Egor Sazonov, Ivan Kaliaev or Zinaida Konopliannikova (Breshkovskaia 1931: 25, 27, 154, 162-171, 344-347). Although Aleksandr Kerenskii stressed the fundamental difference between the "amoral tendency of hatred and destruction" of Nechaev and the love and devotion of *babushka* in his foreword to *Hidden Springs*, Breshko-Breshkovskaia clearly positioned herself within the most radical grouping of revolutionaries exactly by the references to Nechaev's *Catechism*.

Conclusion

The whole ambivalence of the Russian radical movement is personified in the personality of Breshko-Breshkovskaia. On the one hand, she appeared as an amiable, educated lady willing to help the poor and oppressed. On the other hand, she was a relentless adherent of political violence and of a strict revolutionary life away from society. In order to bring these two traits together, Breshko-Breshkovskaia drew on a vast variety of cultural and literary models prevalent in Russia at that time. Influenced both by her Christian roots and

by revolutionary literature, Breshko-Breshkovskaia constructed her life path according to the example of the ascetic martyr: she separated herself from society, lived a life sacrificed to a non-material, spiritual cause, and would only return into society if the goals of revolution, freedom, and equality were reached. Her radicalism was exculpated by this role model of the ascetic hero and by a counter-accusation against the tsarist regime. In her and in other revolutionaries' perceptions, the Russian radicals, thus, stood above morality because it was not them but the despotic regime that was to blame for their turn to political violence. Although this explanation is rather hypocritical, it was accepted by an audience far beyond the radical milieu of the revolutionists. As this case study has shown, autobiographies of Russian radicals must be seen, first and foremost, as exculpatory narratives directed at a wider audience but also at the radical self in form of self-legitimization. In line with behavioral texts already available, Russian radicals restructured their personal development with all its turning points in retrospective according to a linear and thus inevitable path. They gave meaning and structure to their lives. By draw-

ing on these models, Breshko-Breshkovskaia situated herself within the different spectra of the Russian revolutionary movement. She clearly positioned herself within the most radical part both regarding her concept of the ideal revolutionary that came extremely close to Nechaev's *Catechism* and regarding her affirmation of violence. Accordingly, her autobiography fits into the autobiographies of other women revolutionaries and in particular those who had committed acts of terrorism. Although she was never actively involved in the realization of a terrorist assault, Breshko-Breshkovskaia's autobiographical writings echo the pathways to radicalism and the self-legitimizing stories of Sofia Perovskaia and Vera Figner. Moreover, Breshko-Breshkovskaia's autobiographical statements are interlinked with influences from culture, literature, and personal relationships. In this regard, they are almost a prime example for narrative psychology.

Overall, Breshko-Breshkovskaia's and other Russian radicals' autobiographies should be seen and analyzed as products of the fight over the prerogative explanation for and interpretation of the Russian revolutionary movement. As in court or in ar-

ticles, revolutionaries used autobiographical statements to stage their life in order to explain the revolutionary movement in general and their life path in particular. With this constructed nature of radical autobiographies in mind, historians of the Russian revolutionary movement should question themselves about the innocent character of the revolutionaries presented. François Furet has warned his colleagues to uncritically incorporate the narrative of the revolutionaries when explaining the French revolution (Furet 1981: 3, 14). Regarding the Russian revolutionary movement, though, the martyr-like image of the revolutionaries painted in their autobiographies is reproduced by scholars even today.¹⁸

¹⁸ According to Lynn Ann Hartnett even in a post 9/11 world it is possible “to justify and understand the use of violence and murder by the People’s Will” (Hartnett 2014: xvii).

Bibliography

Barisova 2016: T. Barisova, *Public Meaning of the Zasulich Trial 1878: Law, Politics and Gender*, «Russian History», 2016, XLIII, pp. 221-244.

Blackwell 1918: A. S. Blackwell (Ed.), *The Little Grandmother of the Russian Revolution. Reminiscences and Letters of Catherine Breshkovsky*, Little Brown and Company, Boston, 1918.

Boniece 2003: S. A. Boniece, *The Spiridonova Case: Terror, Myth, and Martyrdom*, «Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History», 2003, IV, 3, pp. 571-606.

Breshkovskaia 1903-1904: E. Breshkovskaia, *Vospominaniia propagandistki*, «Byloe», 1903-1904, II, pp. 30-56.

Breshkovskaia 1905: E. Breshkovskaia, *Iz moikh vospominaniakh*, «Vestnik Russkoi Revoliutsii», 1905, 4, pp. 187-224.

Breshkovskaia 1906: E. Breshkovskaia, *Vstrecha s N.I. Kibal'chichem*, in F. Dedov et al. (Ed.), *Nikolai Ivanovich Kibal'chich*, V. Raspopov, SPb., 1906, pp. 51-57.

Breshkovskaia 1917: E. Breshkovskaia, *Avtobiografiia Babushki Russkoi Revoliutsii*, Petrograd, 1917.

Breshkovskaia 1921: E. Breshkovskaia, *Tri anarkhista: P.A. Kropotkin, Most i Luiza Mishel (Vospominaniia)*, «Sovremennye Zapiski», 1921, reprinted in «Literatura russkogo zarubezh'ia: Antologiiia», 1990, I, 2, pp. 20-34.

Breshkovskaia 1929: E. Breshkovskaia, *Pamiati druga*, in A. Titov (Ed.), *Nikolai Vasil'evich Chaikovskii. Religioznye i obshchestvennye iskaniia*, Rodnik, Paris, 1929, pp. 3-11.

Breshkovskaia 1931: E. Breshkovskaia, *Hidden Springs of the Russian Revolution. Personal Memoirs of Katerina Breshkovskaia*, Stanford University Press, Stanford, 1931.

Broido 1978: V. Broido, *Apostles into Terrorists. Women and the Revolutionary Movement in the Russia of Alexander II*, Maurice Temple Smith, London, 1978.

Dmytryshyn 1967: B. Dmytryshyn, *Imperial Russia. A Source Book, 1700-1917*, Holt, Rinehart and Winston, New York et al, 1967.

Eakin 2008: P. J. Eakin, *Living Autobiographically. How we use Identity in Narrative*, Cornell University Press, Ithaca and London, 2008.

Ekaterina 1910: *Ekaterina Konstantinovna Breshkovskaia*, «Znamia Truda», 1910, XXVII, pp. 1-3.

Engel 2000: B. A. Engel, *Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth Century Russia*, Northwestern University Press, Evanston Ill., 2000.

Field 1998: D. Field, *Vospominaniia E.K. Breshko-Breshkovskaia*, in L.G. Zakharova et al. (Ed.), *P. Zaionchkovskii, 1904-1983gg. Stat'i, publikatsii i vospominaniia o nem*, Rosspen, M., 1998, pp. 320-334.

Frolova 2004: E. Frolova, *Istoricheskie portrety. Ekaterina Konstantinovna Breshko-Breshkovskaia*, «Voprosy Istorii», 2004, VIII, pp. 70-82.

Furet 1981: F. Furet, *Interpreting the French Revolution*, Cambridge University Press, Cambridge, 1981.

Geifman 2000: A. Geifman, *Entangled in Terror: The Azef Affair and the Russian Revolution*, Scholarly Resources, Wilmington, 2000.

Good and Jones 1991: J. E. Good and D. R. Jones, *Babushka: The Life of the Russian Revolutionary E. K. Beshko-Breshkovskaia*, Oriental Research Partners, Newtonville Ma., 1991.

Hartnett 2014: L. A. Hartnett, *The Defiant Life of Vera Figner. Surviving the Russia Revolution*, Indiana University Press, Bloomington/Indianapolis, 2014.

Hildermeier 2000: M. Hildermeier, *The Russian Socialist Revolutionary Party Before the First World War*, Palgrave Macmillan, London, 2000.

Kelly and Boutilier 1978: R. M. Kelly and M. Boutilier, *The Making of Political Women. A Study of Socialization and Role Conflict*, Nelson Hall, Chicago, 1978.

Kropotkin 1899: P. Kropotkin, *Memoirs of a Revolutionist*, Houghton Mifflin Company, Boston and New York, 1899.

Maier 2004: L. Maier, *Terror, Religion und Justiz. Vera Figners Lebenserinnerungen wiedergelesen*, «Rechtstheorie», 2004, XXXV, pp. 323-333.

Merriman 2016: J. Merriman, *The Dynamite Club. How a Bombing in Fin-de-Siècle Paris Ignited the Age of Modern Terror*, Yale University Press, New Haven/London, 2016.

Morris 1993: M. A. Morris, *Saints and Revolutionaries. The Ascetic Hero in Russian Literature*, State University of New York Press, New York, 1993.

Patyk 2009: L. E. Patyk, «The Terrorism»: *Sergei Stepniak-Kravchinskii's "Underground Russia"*, «Slavic Review», 2009, LXVIII, 4, pp. 758-781.

Perrie 1977: M. Perrie, *The Agrarian Policy of the Russian Socialist-Revolutionary Party: From its Origins Through the Revolution of 1905-1907*, Cambridge University Press, Cambridge, 1977.

Phillips 2016: B. Phillips, *Political Exile and the Image of Siberia in Anglo-Russian Contacts Prior to 1917*, unpublished PhD thesis, University College of London, 2016.

Poole 1905: E. Poole, *Katherine Breshkovsky: A Russian Revolutionist*, «The Outlook», 7 January 1905, pp. 78-88.

Rindlisbacher 2011: S. Rindlisbacher, *Literature, the Radical Milieu, and Terrorist Action in Nineteenth-Century Russia: The Case of Vera Figner and Vera Zasulich*, in T. Austenfeld, D. Daphinoff and J. Herlth (Eds.), *Terrorism and Narrative Practice*, LIT Verlag, Wien et al., 2011, pp. 99-115.

Rindlisbacher 2014: S. Rindlisbacher, *Leben für die Sache. Vera Figner, Vera Zasulič und das radikale Milieu im späten Zarenreich*, Harrassowitz-Verlag, Wiesbaden, 2014.

Saburova and Eklof 2016: T. Saburova and B. Eklof, *Druzhba, sem'ia, revoliutsiia: Nikolai Charushin i pokolenie narodnikov 1870-ch godov*, Novoe literaturnoe obozrenie, M., 2016.

Siljak 2008: A. Siljak, *The Angel of Vengeance. The Girl Who Shot the Governor of St. Petersburg and Sparked the Age of Assassination*, St. Martin's Press, New York, 2008.

Stites 1978: R. Stites, *The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism, and Bolshevism 1860-1930*, Princeton University Press, Princeton/New Jersey, 1978.

Vassilieva 2016: J. Vassilieva, *Narrative Psychology. Identity, Transformation, and Ethics*, Palgrave Macmillan, London, 2016.

Wurr 2017: T.-L. Wurr, *Terrorismus und Autokratie. Staatliche Reaktionen auf den Russischen Terrorismus 1870-1890*, Schöningh, Paderborn, 2017.

Stephan Rindlisbacher

Living for a 'Cause'

Radical Autobiographical Writing in Russia at the Beginning of the 20th Century

The ambiguous term *delo* (thing, matter, act or cause) was fundamental for the Russian radical autobiographical writers at the beginning of the 20th century. The dedication to a cause was the 'leading star' to frame one's own biography, as it proved one's reputation within the radical milieu. Therefore, it was important not only to choose which parts of one's radical past needed to be emphasised, but also which deeds were better to silence, omit or vindicate. While radical writers often framed the topics of their autobiographies in a similar way, polemics and debates generated among the senior radicals. This article proposes basic guidelines on how to read and analyse the numerous Russian radical autobiographical writings by identifying the most common authors' choices of framing and emplotment.

Every one of them is a man, dauntless, firm, unwavering, capable of undertaking any matter [umeiushchii vziat'sia za delo]; and if he undertakes it, he adheres so resolutely to it that it cannot slip out of his grasp. This is one side of their nature. Another side: each one of them is a man of irreproachable integrity, so much so that the question never even enters our mind, "Is it possible to rely on this person unconditionally?" It is as clear as the fact that he breathes with his lungs; as long as the lungs breathe, such a heart is warm and unchanged. You can lean your head upon such a chest, you can rest upon it. These general features are so prominent

that the personal peculiarities are covered over by them.

It is not long that this type has been in existence among us. In former times there were only isolated individuals, who gave promise of it; they were exceptions, and as exceptions they felt lonely and powerless, and for that very reason they were inactive, or they fell into despair, or they felt exalted, or became romantic or fanciful; that is, they could not possess the chief characteristic of this type; they could not show any cool practicability, an even, well-regulated activity, or active, sound good sense. (Chernyshevskii 1886: 198-9; 1975: 148-9)

This is how Nikolai Chernyshevskii described the ‘new people’, who were forming a just, honest and rational society. His novel *What is to Be Done?*, written in 1863, was a pivotal work, inspiring the young educated people who were growing up in the Russian Empire. During the Great Reforms under Alexander II, Russian society began to change at a faster pace: press censorship was reduced, serfdom was abolished, the juridical system was reformed and local autonomy introduced. In the first years of Alexander’s reign, almost everything seemed to be possible. Progressive thinkers like Chernyshevskii, Dobroliubov or Pisarev brought these tendencies to their extreme. However, at the beginning of the 1860s, Alexander’s regime considered such tendencies more and more of a threat; therefore, representatives of the most radical tendencies were repressed. Chernyshevskii, for instance, was arrested and exiled to Siberia, becoming the most prominent ‘martyr’ among the progressive circles. His novel became a ‘bible’ for many generations (Paperno 1988: 26-37; Mogil’ner 1999: 28-31; Drozd 2001: 9). Catching the *Zeitgeist* and influencing the formation of underground radical circles, Chernyshevskii helped to form the

radicals’ imagery, behaviour and values. More broadly, his novel affected the ways in which the revolutionaries wrote about themselves. It provided patterns on what to tell, what to emphasise and what to silence.

In the following pages, I will focus on how the Russian radicals of the 1870s and 1880s perceived their own lives retrospectively. Most of their memoirs and autobiographies were published in the early 20th century, before and after the revolutions of 1917. At the beginning of the century, journals like «Byloe» (The Past, 1900-1926) or «Golos Minuvshego» (Voice of the Past, 1911-1922) gave the veterans of the radical movement a chance to publish and discuss their memories. Close to the Socialist Revolutionaries, these people were fundamental for the formation of a common sensibility about how to commemorate their shared radical past (Henderson 2017: 106-107; 122-123). After 1917, the Bolsheviks established their own journals: in the early Soviet period, «Katorga i ssylka» (Conviction and Deportation, 1922-1935), «Proletarskaia revoliutsiia» (Proletarian Revolution, 1921-1941) or «Krasnyi arkhiv» (Red Archive, 1922-1941) would be in charge of the commemoration of the revolutionary past, while veterans, Bolsheviks and early

Soviet historians were competing in writing the history of the Russian revolutionary movement (Saburova, Eklof 2016: 371-376). The Soviet state spent large sums and efforts in a welfare program for the revolutionary veterans, regardless of their former party affiliation. The “Society of Former Political Convicts and Deportees” (1922-1935) was the main institution to take care of the senior radicals. It would also take care of the interpretation of the revolutionary history (Junge 2009). Up to the 1930s, radical autobiographic writings were heavily influenced by such attempts by the Soviet state. However, after seizing power, Stalin condemned historiography based on ‘documents’, ‘facts’ and ‘experience’ in favour of a monolithic interpretation of Soviet History, where he was the only “master editor” (Stalin 1931: 15). Such policy reached its apogee with the infamous *Short Course on the History of the Communist Party* in 1938. It set an end to every debate on how to write Russian revolutionary history until Stalin’s death in 1953 (Yurchak 2006: 39-44). Before Stalin prevented any pluralistic approach to the radicals’ history, its protagonists had taken the opportunity to create a meaningful narrative out of their own life (Smith, Watson 2010,

102; Eakin 1999, 99-102; Bourdieu 1994: 81-9). I will focus on a few prominent veterans of the movement radicalised in the late 1860s and in the 1870s such as Vera Zasulich, Lev Deich, Ekaterina Breshkovskaia, Anna Kornilova-Moroz or Vera Figner. These veterans’ autobiographies were widespread and influential within the debate on the revolutionary past, as their autobiographies have been positively received by young radicals. They were among the first generation of revolutionaries and perceived themselves as fighters for good against an absolute evil (Brower 1975: 22). I will also take into consideration the autobiographical writings of the most famous radical ‘apostate’, Lev Tikhomirov, as his texts interacted closely with the other radical autobiographies.

Based on these documents, I will depict how the revolutionaries perceived and sketched their own biographies and their participation in the revolutionary movement, and how they made sense of their lives. Hilde Hoo-genboom has already analysed the autobiographical writings by Russian radicals under the aspects of genre and gender by underlining the differences in the self-perception, e.g. how male and female radicals perceived their childhood and the

reasons for their radicalisation (Hoogenboom 1996: 79-80). While revolutionary women associated their personal sacrifice for the revolutionary cause with their loss of rank and privilege, men associated it rather with their loss of career opportunities (Hoogenboom 1996: 85-86). However, in my article I will not emphasise what separated the veterans' narratives, but point out what they had in common. On the one hand, I will focus on why they believed it to be crucial to be a member of the radical circles and the radical community as a whole. On the other, I will seek to understand if they had problems in dealing with their own life stories, as they could potentially endanger their whole narrative. I will therefore point to the processes of silencing, omission and apology. Finally, I will outline the reasons for the numerous polemics among the senior radicals from the 1900s up to the 1930s. My concluding thesis is that despite common framing of the topics, the veterans were struggling on what Hayden White called the modes of "emplotment" (White 1973: 7-11), i.e. the way the story of the radical movement is told. White's four modes of emplotment (tragedy, comedy, ro-

mance and satire)¹ can help to analyse the veterans' narratives beyond certain ideological frames, like (neo-)narodnichestvo, Marxism or Anarchism. Vera Figner's autobiography would be an example of a tragic emplotment. She was a leading member of 'Narodnaia Volia' (People's Will), an organisation best known for the terrorist campaign it led against the Tsar from 1879 to 1881. In her autobiographic texts (1922; 1932), she emploted her life story as a gradual story of moral development that led her to armed resistance against the regime. Though she and her comrades failed, she nevertheless saw her biography as an example for future generations of radicals. In contrast to Figner, Lev Deich's

¹ While in a romantic mode the forces of good triumph over evil, in the tragic one the protagonists fail this task. However, in the latter there is still hope for a change for the better. The narrative mode of comedy was absent in the radical autobiographies due to the prevailing Manichaean mind-set of them. This mode implies the possibility of (temporary) reconciliation of the forces at play, whereas in the radicals' eyes – including the 'apostates' – there was no chance of compromise between traditional and modern life, between autocracy and revolution. Finally, the satiric mode "presupposes the ultimate inadequacy of the visions of the world dramatically represented in the genres of Romance, Comedy, and Tragedy alike" (White 1973, 10).

writings (1908; 1926) are an example of a romantic emplotment. One of the 'founding fathers' of the Russian Social Democracy, he focused on the adventurous parts like his escapes from prison, but he also recounted the failure of 'Narodnaia Volia' and its terrorist campaign as one necessary prerequisite for the growth of Russian Marxism. Last but not least, in the first three decades of the 20th century the autobiographic writings of 'apostates' like Lev Tikhomirov (1927) were also part of the discourse. In his satiric emplotment he made fun of the radicals' silly behaviour. Such struggles for the 'right' emplotment came to an end in the mid 1930s, when the romantic Bolshevik narrative suppressed any alternative to tell the radicals' history (Saburova, Eklof 2016: 384). Considering the limited space at my disposal, I consider this a preliminary analysis for further investigation.

1. Framing a Radical's Life

From the 1850s, the term *delo* (pl. *dela*) had been crucial for a progressive or revolutionary discourse among the Russian intelligentsia, particularly inside the forming radical circles. The Russian word *delo* is highly ambiguous. One can translate it as

thing, but also as *matter*, *act* or *cause*. According to the dominant intelligentsia discourse it was important that a person had to be looking for a *delo*. In the end of the 1850s and at the beginning of the 1860s, this enigmatic term would be used to fool the Tsarist censors and therefore to allow the public discussion of radical or even revolutionary topics. Depending on the context, the adept readers could decipher *delo* as *useful social activity*, *progress* or *revolution*, as for instance in Chernyshevskii's novel. *Delo* was always read in opposition to passive, conservative traditional values (Müller 1971, 324). The term expressed the possibility that men forge their own destiny, that they were not dependent on a god, master or Tsar. *Delo* became a symbol in radical discourse. Later, in the autobiographical texts of the people radicalised in the 1860s and 1870s, it was a marker for the revolutionary community (Rindlisbacher 2014: 19-20, 48-52).

Delo symbolically opened to everyone – men and women, nobleman or peasant – a new, self-determined perspective on things. In retrospect, this word seemed fundamental for radical men and for women like Vera Zasulich. Zasulich grew up

in a poor noble family. Her destiny in accordance to the traditional social frame seemed to be sealed, since her relatives tried to train her as a governess. However, she decided to become a famous revolutionary as well as a founding member of the Russian Social Democracy. Zasluch later imagined her longing for a *delo* as a starting point of her radical career:

Even before my revolutionary dreams, [...] I was planning how to escape all this [i.e. fate as a governess]. A boy in my position could easily find a solution. Planning the future would be an open space. But there, the spectre of revolution equated me with a boy. I could dream about the cause [*delo*], about heroic deeds, about the great battle [...]. (Zasluch 1931: 15)

This word inspired thousands of young people like Vera Zasluch, to whom writers like Chernyshevskii, Nekrasov or Turgenev gave ideas on how the ‘new people’ should portray their own lives.

The desire to devote him- or herself completely to a cause was essential to the radicals’ identity. They described such a

dedication with the word “*samooverzhennost*”, another crucial term in the radicals’ perception. When a radical was accepted as ‘devoted to the cause’, he or she had the respect of his comrades (Lavrov 1907: 67-8; Kornilova-Moroz 1926: 11), as their biographies could serve as examples for other sympathisers. For instance, Berta Kaminskaia and Mariia Subbotina, who died in 1878 in prison, were immediately canonised by «*Obshchina*» (The Commune), an underground journal, as ideal representatives of the radical milieu:

No one could outshine Kaminskaia and Subbotina. On the one hand, they shared a deep and unconditional love for the cause [*delo*] [...], and on the other, a dedication [*samooverzhennost*] that was in all their acts. (Nekrologi 1878: 9)

Ever since the beginning, social distinctions among different categories of ‘new people’ grew more and more visible. At first, there was a distinction drawn between the radicals – devoting their life for the cause ‘in the underground’ – and their sympathisers, who remained in the ‘legal world’. Almost all radicals

mentioned the importance of this threshold between legality and illegality. Many of them described the act of initiation into the revolutionary circle as a personal point of no return (Breshkovskaia 1931: 8; Deich 1926: 146-8; 215; Figner 1932, vol. 1: 353). Their motivations differed: Vera Figner described her decision as a logic consequence of her moral background (Figner 1932, vol. 5, 95-6), while Lev Deich or Vera Zasulich insisted on the importance of experiencing adventures among like-minded people (Zasulich, in: ADP (RNB), f. 1098, ed. khr. 29, ll. 1-3; Deich 1926, 187-90).

As time went on, a proper hierarchy within the radical networks developed. The authority or the political capital of a person depended on his or her revolutionary prestige (on capital see: Bourdieu, Wacquant 1992: 118-9). This prestige could be built on the ability to organise radical circles, the intimate knowledge of radical writings, successful propaganda among the peasants or the cold-bloodedness during the confrontation with the police (Rindlisbacher 2014: 96-7). Extraordinary people, successfully promoting the revolutionary cause in public, could become venerated idols of the whole community. Such outstanding

examples were Ippolit Myshkin thanks to his speech in the 'trial of the 193', Vera Zasulich after her attempt to shoot the chief commander of St. Petersburg Fedor Trepov in 1878, or Piotr Karpovich after he assassinated the minister of education Nikolai Bogolepov in 1901. Their names were well known and venerated among the radicals and later emphasised in many autobiographies (e.g. Breshkovskaia 1931: 158-9; Figner 1932, vol. 2: 30; Plekhanova 1925, 82-87)

The revolutionary prestige led to a hierarchical differentiation between minor and major activists in the radical circles, even though organisations like 'Zemlia i Volia' and even 'Narodnaia Volia' stated in their charters that all members were equal (Volk 1965, vol. 2: 200-204). Major activists of a high revolutionary prestige were well known in the radical underground milieu and could influence its policies more effectively. Later, these 'celebrities' could gain attention with their autobiographical writings and therefore influence the emplotment of the revolutionary history. They were undoubtedly considered trustworthy, whereas minor activists had to fulfil minor duties, such as the delivery of messages. They had virtually no voice in the decision making

process and always had to demonstrate their trustworthiness (Džabadari 1907: 170; Figner in: RGALI, f. 1185, op. 1, ed. khr. 167, l. 24).

2. *Topics of Silencing, Omitting or Apology*

Major failures challenged the heroic and immaculate status of radical narratives. In a heroic narrative, there was no place for weakness, personal failure or serious doubts. Many radicals agreed to cooperate with the state organs after their arrest, having in return a reduction of their sentence. These were mostly radicals of minor prestige, as for instance Mariia Kaliuzhnaia, a young student who joined the terrorist group 'Narodnaia Volia' in 1882 and became a close assistant of Vera Figner in Khar'kov. After her arrest, Kaliuzhnaia collaborated with the police (GA RF, f. 102, 7-0e del-vo, 1884 g., op. 181, d. 747, ch. 10, l. 45). Vera Figner omitted that Kaliuzhnaia was an essential part of her radical activity.

If leading members of the radical circles defected from the radical cause, silencing was no more possible. Lev Tikhomirov, the chief ideologist within 'Zemlia i Volia' and later within 'Narodnaia Volia', begged Alex-

ander III for pardon in 1888 due to his miserable life in exile. After his return to Russia, he became a prominent supporter of the Orthodox Church and the autocratic regime. Since Tikhomirov was too well-known to be simply silenced or omitted by the radical writers, his former comrades tried to discredit him and his behaviour at any cost. They portrayed him as a sinister conspirator or simply as mentally ill (Deich 1923, 48-51; Figner 1927: XXXVI).

While minor activists who were considered traitors by the radicals were often killed as means of deterrence for the others, double agents among the upper ranks of the radical milieu enjoyed their comrades' protection. This posed tremendous difficulties for radicals' autobiographers, as such cases of treason were the proof that they were fooled by people who they considered fully trustworthy comrades. Two traitors shocked the radical milieu in particular: Sergei Degaev and Evno Azef. They were in top positions, the first within 'Narodnaia Volia' in 1882 and 1883, the latter within the Combat Organisation of the Socialist revolutionaries from 1903 to 1908. Most comrades ignored rumours that they could be working with the secret police. In the underground life, com-

plete mutual trust was indispensable among the leading radicals, even despite ideological differences. The danger of arrest was pervasive. This unconditional trust was useful in general, but fatal in this case. Only when evidence against Degaev and Azef became obvious, their comrades ostracised them. The radical movement was heavily damaged by the scandals following these acts of treason (Geifman 2000; Pipes 2003). Vera Figner was fooled even twice. In 1883 she was arrested because of Degaev's denunciation. After her release from Shlisselburg prison in 1904, she became a leading member of the Socialist Revolutionaries. She also supported its Combat Organisation and Azef in particular. Until the end, she believed in Azef's innocence (Savinkov 2002: 354). In her memoirs, there was virtually no space for reflection on the episode.

Repression against minor activists who were considered traitors could cause propagandistic damage for the whole revolutionary cause. In 1876, a young student, Nikolai Gorinovich, was trying to join the circle of the 'Iuzhnye Buntari' (Southern Rebels). In the eyes of the other radicals, Gorinovich was a coward and not worthy to join the movement. Later the 'Buntari'

suspected him to be a traitor, because he was arrested in 1875 but released soon after. That is why Lev Deich proposed to make a warning for future traitors:

If he was again able to sneak into the radical milieu, then Gorinovich could probably bring even more damage to the cause [delo] and the people than the first time if he is arrested again. The circumstances made it necessary to put him away, or this is how we have perceived them. We were drooling over action [delo] and we were somewhat trigger-happy. (Deich 1926: 274).

In the end, Gorinovich was beaten by Deich and two of his comrades. As they thought that he was dead, they spilt acid over his face so that it would be impossible to identify his body. However severely injured, Gorinovich survived, his face disfigured. This incident was like a present for the tsarist propaganda (Geifman 1993: 86), as Gorinovich's fate proved the radicals' cruelty and arbitrariness. Therefore, it was important for Deich to find in his autobiographical writings a sound apology for his act against Gorinovich. He tried

to show that Gorinovich was indeed guilty of treason. After 1917, he searched the archives of the secret police for incriminating documents against Gorinovich. In the end, he managed to present to his readers the evidence that Gorinovich was talking with the police in 1875. His own act of 'defence' was thereby justified (Deich 1926: 272; GARF, f. 109, 3-ia eks-ia, op. 159, 1874 g., ed. khr. 144, ch. 136, A, ll. 13-14.).

Another aspect that was often silenced or omitted in the revolutionary autobiographies were private feelings, love affairs and unexpected offspring (Hoogenboom 1996: 84; Engel 1983: 192-194). In the narrow underground world, the radicals began to form couples. Sofiia Perovskaia and Andrei Zheliabov, leading members of 'Narodnaia Volia', were the most prominent of them. Other couples were Nikolai Morozov and Ol'ga Liubatovich, Fanni Lichkus and Sergej Karvchinskii as well as Georgii Plekhanov and Rozaliia Bograd (later Plekhanova). Though radical women mentioned that they gave birth to children, these children did not play any role in their mainly political narrative (Liubatovich 1906: 129; Plekhanova 1928: 103-5).

Personal problems, hardships and failed relationships were also silenced or omitted in auto-

biographical writings. For example, Vera Figner married the progressive lawyer Aleksei Filippov and went with him to Zurich in order to study together medicine. However, due to political and personal quarrels their relationship deteriorated. Finally, they got divorced in 1876. In Figner's autobiography, Filippov plays only a marginal role. She avoids every reflection on the reason why their marriage failed. In general, she perceived such topics as not suitable for a revolutionary biography (Figner 1932, vol. 7: 215).

Only a few autobiographers wrote about their comrades' depression or personal crisis. Vera Zasulich and Lev Deich formed a couple at the beginning of the 1880s. After Deich's arrest in Germany in 1883 and his following extradition to Russia, Vera Zasulich felt so lonely that her comrades feared that she could commit suicide (Visconti 1924: 155). Since Deich had fallen in love with another woman during his Siberian exile, Zasulich went through an even deeper depression. She became more and more addicted to Chloral, without which it was impossible for her to fall asleep (Savel'ev 2009: 481). In her and her comrades' autobiographical writings, this failed relationship and her addiction were silenced, as Zasu-

lich was considered an outstanding heroine and founding mother of Russian Marxism (e.g. Haimson 1987: 110).

3. *Struggling for the Emplotment of the Revolutionary History*

Though such struggles for details were daily business in autobiographical literature, they were only the superficial part of the question how to emplot the history of the revolutionary movement as a whole. Within these polemics, ‘facts’ as such did not really matter. The honour or the prestige of a comrade seemed much more important. In his autobiographical writings, Lev Tikhomirov used the same strategies of the other radical veterans, but in his emplotment he made fun of the radicals, their values and their actions. In his eyes, they were stuck in adolescence and were simply looking for “revolutionary action” (revoliutsionnoe delo) without deeper intellectual reflection. From this perspective, he interpreted the turn to terrorist violence in the late 1870s as a result of the radicals’ failure to initiate a broad social movement (Tikhomirov 1890: 89-96; 1927: 30-1; 60). Nevertheless, he perceived the longing for action as something completely normal

for young people, but perverted in the case of the Russian radicals:

It is necessary to understand this point: the young people were not interested in reading, science or even the truth [...], but in action [*deiatel’nost’*], in the use of their abilities. I do not make any judgement here because, in the end, this is a normal thing. Only their form of activity was stupid, but not their intention. (Tikhomirov 1927: 50)

With such an emplotment, Tikhomirov was the outcast, as his critical approach intended to discredit the radicals’ life stories as misled and morally failed. It was no wonder that writers who underlined the importance of radical life stories were more successful. Vera Figner was one of the most prominent among them, as her 1922 autobiography *Zapechatlennyi trud* (Accomplished work) was positively received. Thus, she was able to set the tone on how to write the memoirs among the radical veterans, and could influence the way the history of the revolutionary movement in general was recounted (Saburova, Eklof 2016: 361-366; Goodwin 2010:

232-3; Volk 1966: 41-2). In her old age, she was not only reviewing the encyclopaedic biography *Deiateli revolutsionnogo dvizheniia Rossii* (Activists of the Russian revolutionary movement; Figner 1989), but was also contributing comments to the works of early Soviet historians like Dmitrii Kuz'min (Kuz'min 1931: 231-275). Therefore, she aimed to tell her readers a heroic story with herself as its iconic figure (Hartnett 2001: 266-8). Although her and her comrades' revolutionary actions failed, their biographies were in her eyes examples to inspire future generations. Thus, she emphasised that their struggle for the 'cause' were tragic, but not in vain (RGALI, f. 1185, op. 1, ed. khr. 133, l. 16). This is why she rejected all doubts and criticism on the revolutionary cause. She upheld such a revolutionary rigor in private up to her old age as her niece later remembered: "She was demanding that one's word [*slovo*] is always in accordance with one's act [*delo*]. Thus, she was remorseless towards herself and her fellows" (Margarita Figner 1980: 212).

This tragic emplotment of the early revolutionary history was challenged not only by a satiric alternative, but also by a romantic one. The polemic between Lev Deich and Osip Aptekman

in the mid-1920s is illuminating. This polemic revolved around the evaluation of the split of 'Zemlia i Volia' (Land and Freedom) in the terrorist 'Narodnaia Volia' and the propagandist 'Chernyi peredel' (Black Repartition). According to Aptekman, a leading member of 'Chernyi peredel', the latter organisation was simply one big disappointment:

If 'Zemlia i Volia' is linked with my best thoughts and with my bravest hopes, then already after the formation of 'Chernyi Peredel' I lost them all. This is not because I was in such a bad shape [*mrachno nastroen*] in that time, but because our situation – because of objective reasons, not depending from us – was from the beginning hopelessly sad. I took part in the birth of this heavily sick child. I was also witnessing how it got sicker and sicker. I was observing its agony and death. (Aptekman 1924: 401)

Lev Deich opposed this tragic view. He had also been a member of 'Chernyi peredel'. Unlike Aptekman, he put the failure of 'Chernyi peredel' into the ro-

mantic narrative of Russian Marxism:

[...] everyone who is familiar with the transitory phase of our revolutionary movement must agree – of course, if he is not blinded by prejudices. I can definitely underline that if ‘Chernyi peredel’ would not have existed, then our first Marxist party cell – the Group ‘Liberation of Labour’ – would not have emerged at the beginning of the [18]80s. (Deich 1926: 270)

For Deich the failure of ‘Chernyi peredel’ was one step forward in the victory of Russian Marxism, leading to the revolutionary events in 1917. But in the eyes of Aptekman who had not become Marxist, this failure was related with a strong personal and political disappointment.

The same discord occurred also around the issue of the evaluation of the assassination of Alexander II on 1 March 1881 by ‘Narodnaia Volia’. For instance, Ivan Teodorovich, editor of «Katorga i ssylka» interpreted it in 1931, as a failed attempt by the intelligentsia to mobilise the peasantry. The members of ‘Narodnaia Volia’ misunderstood the mood of the peasant masses,

but opened the way for the only real revolutionary class, the proletariat (Teodorovich 1931: 70). However, in the same volume of «Katorga i ssylka», Pavel Argunov, who in 1881 was a young student, added his own tragic testimony on this event. For Argunov, Alexander’s assassination had a mobilising effect among the radical students and their sympathisers. Although ‘Narodnaia Volia’ was defeated, its ideological legacy brought together new young radicals for a new heroic battle against autocracy (Argunov 1931: 143-4).

4. Conclusion

Radical autobiographies shared a common set of ideas and values, influenced by the discourse within the Russian intelligentsia after the death of Nikolai I. Writers and intellectuals like Nekrasov, Turgenev, Dobroliubov or Pisarev formulated a general mindset. Chernyshevskii grasped these ideas and merged them in his influential novel *What is to be done?* This novel offered a picture on how radicals perceived themselves and how they later wrote their own life stories. The necessity to devote oneself to a certain *delo* (thing, matter, cause or act) was at the heart of this mindset. This term was the marker of the radical

identity, because the way in which someone dedicated him or herself to the 'cause' and the appreciation of this effort by their peers or group defined their prestige within the radical world: sympathiser, minor activist or major activist.

As the dedication to a *delo* was the leading guide for their autobiographies, private life, personal feelings and relationships were placed at the margins or were completely omitted. Failures and essential doubts over the *delo* were also subjected to silencing. The radicals did not want to put the story of the heroic revolutionary movement in jeopardy. How to deal with famous traitors or 'apostates' or with obvious mistakes was a delicate task, as silencing seemed to be no option. Radical autobiographies had to answer to a certain degree on how former leaders like Tikhomirov or trustworthy dedicated activists like Degaev and Azef could change sides.

Despite common structures and procedures of silencing, omission and apology, radical autobiographies were battlefields on how to interpret one's own life story in an accurate way. Though personal animosities and loyalties played also a role, the main point of discord was how to emplot the story of the

revolutionary movement in Russia. Should it be a tragedy, like in Vera Figner's autobiography? Should it rather be an adventurous tale towards the victory of Marxism, like in Lev Deich's? Or was it after all a piece of satire like in Lev Tikhomirov's? The modes of framing and emplotment outlined in the present article can serve as a starting point for the interpretation of the veterans' enormous amount of autobiographical documents in the first three decades of the 20th century. In the mid-1930s, Stalin put an end to this heterogeneous debate and to the flourishing culture of public autobiographical writings about the history of the Russian Revolution. He also used already established structures to legitimise his demand:

Apart from desperate bureaucrats, who can rely on paper documents only? Apart from rats in archives, who does not understand that we have to assess the party and its leaders primarily by their acts [*dela*] and not by their statements? [...]

In my opinion, the task of [a Soviet historian] is to take the issues of Bolshevik history up to its appropriate sublimeness. He

has to put the matter [*de-lo*] of our Party's historical research on scientific Bolshevik tracks [...]. (Stalin 1931: 15; 18)

clusive prerogative. Russian revolutionary history and autobiography had to dedicate themselves completely to Stalin's *de-lo*.

Stalin claimed the interpretation of Soviet history as his own ex-

Bibliography

Bourdieu, Wacquant 1992: P. Bourdieu, L. Wacquant, *An Invitation to Reflexive Sociology*, Polity Press, Cambridge, 1992.

Bordieu 1994: P. Bourdieu, *Raisons pratiques: Sur la théorie de l'action*, Editions du Seuil, Paris, 1994.

Breshkovskaia 1931: E. Breshko-Breshkovskaia, *Hidden Springs of the Russian Revolution*, Lincoln Hutchinson (ed.), Stanford University Press, Stanford, 1931.

Brower 1975: D. R. Brower, *Training the Nihilists. Education and Radicalism in Tsarist Russia*, Cornell University Press, London, 1975.

Chernyshevskii 1886: N. Chernyshevskii, *A Vital Question or What is to Be Done?*, N. Haskell Dole, S. S. Skidelsky (transl.), T. Y. Crowell, New York, 1886.

Drozd 2001: A. Drozd, *Chernyshevskii's What Is to Be Done? A Reevaluation*, Northwestern University Press, Evanston, 2001.

Eakin 1999: P. J. Eakin, *How our Lives Become Stories. Making Selves*, Cornell UP, Ithaca, 1999.

Engel 1983: B.A. Engel, *Mothers and Daughters. Women of the Intelligentsia in Nineteenth-Century Russia*, Cambridge UP, Cambridge, 1983.

Geifman 1993: A. Geifman, *Thou Shalt Kill. Revolutionary Terrorism in Russia 1894-1917*, Princeton UP, Princeton, 1993.

Geifman 2000: A. Geifman, *Entangled in Terror: The Azef Affair and the Russian Revolution*, SR Books, Wilmington, 2000.

Goodwin 2010: J. F. Goodwin, *The Afterlife of Terrorists: Commemorating the People's Will in Early Soviet Russia*, in A. Anemone (ed.), *Just Assassins: The Culture of Terrorism in Russia*, Northwestern University Press, Evanston, 2010, pp. 229-246.

Haimson 1987: L. H. Haimson, *The Making of three Russian Revolutionaries: Voices from the Menshevik Past*, Cambridge University Press, New York, 1987.

Hartnett 2001: L. A. Hartnett, *The Making of a Revolutionary Icon: Vera Nikolaevna Figner and the People's Will in the Wake of the Assassination of Tsar Aleksandr II*, «Canadian Slavonic Papers», 2001, XLIII, 1, pp. 249-271.

Henderson 2017: R. Henderson, *Vladimir Burtsev and the Struggle for a Free Russia. A Revolutionary in the Time of Tsarism and Bolshevism*, Bloomsbury Academic, London/New York, 2017.

Hoogenboom 1996: H. Hoogenboom, *Vera Figner and Revolutionary Autobiographies. The Influence of Gender and Genre*, in: R. Marsh (ed.), *Women in Russia and Ukraine*, Cambridge/New York 1996, pp. 78-93.

Junge 2009: M. Junge, *Die Gesellschaft ehemaliger politischer Zwangsarbeiter und Verbannter in der Sowjetunion: Gründung, Entwicklung, Liquidierung*, Akademie Verlag, Berlin, 2009.

Müller 1971: O. W. Müller, *Intelligencija. Untersuchungen zur Geschichte eines politischen Schlagworts*, Athenäum, Frankfurt a. M., 1971.

Paperno 1988: I. Paperno, *Chernyshevsky in the Age of Realism: A Study in the Semiotics of Behaviour*, Stanford UP, Stanford, 1988.

Pipes 2003: R. Pipes, *The Degaev Affair: Terror and Treason in Tsarist Russia*, Yale UP, New Haven, 2003.

Rindlisbacher 2014: S. Rindlisbacher, *Leben für die Sache: Vera Figner, Vera Zasulič und das radikale Milieu im späten Zarenreich*, Harrassowitz, Wiesbaden, 2014.

Smith, Watson 2010: S. Smith, J. Watson, *Reading Autobiography. A Guide for Interpreting Life Narratives*, Minnesota UP, Minneapolis 2010 (2nd edition).

White 1973: H. White, *Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*, Johns Hopkins UP, Baltimore/London: 1973.

Yurchak 2006: A. Yurchak, *Everything was Forever, until it Was no More: The Last Soviet Generation*, Princeton UP, Princeton, 2006.

Аргунов 1931: П. Аргунов, *В дни глубоких переживаний: Из воспоминаний о 1881 году*, «Каторга и ссылка», LXXVI, 3, с. 139-144.

Висконти 1924: М. Висконти, *Члены группы 'Освобождение труда': Воспоминания* // Л. Дейч (ред.), Группа 'Освобождение труда': Из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча, Госиздат, т. 2, М., 1924, с. 149-159.

Волк 1965: С. Волк (и др. ред.), *Революционное народничество 70-х годов XIX века*, т. 2, Наука, М./Л., 1965.

Волк 1966: С. Волк, *Народная воля 1879-1882*, Наука, М., 1966.

Фигатнер 1989: Ю. Фигатнер (ред.), *Деятели СССР и революционное движения России: Энциклопедический словарь Гранат*, М., 1989 [reprint from 1927].

Дейч 1908: Л.Г. Дейч, *Четыре побега*, Изд. Ладыжникова, Берлин, 1908.

Дейч 1923: Л.Г. Дейч, *О сближении и разрыве с народолюбцами. К истории о возникновении группы 'Освобождение труда', «Пролетарская революция»*, 1923, XX, 8, с. 5-54.

Дейч 1924: Л. Дейч, *Черный передел* // В. Невский (ред.), *Историко-революционный сборник*, Госиздат, т. II, Л., 1924, с. 267-317.

Дейч 1926: Л. Дейч, *За полвека*, Госиздат, М., 1926.

Джабадари 1907: И. Джабадари, *Процесс 50-ти: Всероссийская Социально-Революционная Организация 1874-77 гг.*, «Былое», XXI, 9, с. 169-192.

Засулич 1931: В. Засулич, *Воспоминания*, Б. Кузьмин (ред.), Политкаторжан, М., 1931.

Корнилова-Мороз 1926: А.И. Корнилова-Мороз, *Перовская и основание кружка чайковцев*, «Каторга и ссылка», XXII, 1, 9-30.

Кузьмин 1930: М. Кузьмин [Е. Колосов], *Народолюбческая журналистика: Послесловие В.Н. Фигнер*, Политкаторжан, М., 1930.

Любатович-Джабадари 1906: О. Любатович-Джабадари, *Далекое и недавнее: Воспоминания из жизни революционеров*, «Былое», 1906, VI, 6, с. 108-154.

Могильнер 1999: М. Могильнер, *Мифография 'подпольного человека': Радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиографического анализа*, Новое литературное обозрение, М., 1999.

Некрологи: М.Д. Субботина и Б. Каминская, «Община», 1878, VI-VII, с. 9-10.

Плеханова 1925: Р. Плеханова, *Страница из воспоминаний о В.И. Засулич* // Л. Дейч (ред.), Группа 'Освобождение труда': Из архи-

вов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча, Госиздат, т. 3, М., 1925, с. 82-87.

Плеханова 1928: Р. Плеханова, *Наша жизнь до эмиграции. Отрывок из воспоминаний* // Л. Дейч (ред.), Группа 'Освобождение труда': Из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча, Госиздат, т. 6, М., 1928, с. 65-119.

Сабурова 2011: Т. Сабурова, *Коллективная автобиография. Поколение 1880-х в воспоминаниях и перспективе А. В. Амфитеатрова*, «AutobiografiЯ», I, 1, с. 145-165.

Сабурова, Эклоф 2016: *Дружба, семья, революция. Николай Чапушин и поколение народников 1870-х годов*, Новое литературное обозрение, М., 2016.

Савинков 2002: Б. Савинков, *Вспоминая террориста, Конь бледный, Конь вороной: Автобиографическая проза*, Захаров, М. 2002.

Савельев 2009: П. Савельев (ред.), *Из архива группы 'Освобождение труда': Переписка Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча, 1883-1897*, Памятники исторической мысли, М., 2009.

Сталин 1931: И. Сталин, *О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакции журнала 'Пролетарская Революция', «Каторга и ссылка», 1931, LXXXIV-LXXXV, 11-12, с. 7-10.*

Теодорович 1931: И. Теодорович, *1 марта 1881 года*, «Каторга и ссылка», 1931, LXXVI, 3, с. 16-72.

Тихомиров 1890: Л. Тихомиров, *Начала и концы: Либералы и террористы*, Университетская типография, М., 1890.

Тихомиров 1927: Л. Тихомиров, *Воспоминания Льва Тихомирова*, Госиздат, М. 1927.

Фигнер 1922: В. Фигнер, *Запечатленный труд*, Задруга, М., 1922.

Фигнер 1927: В. Фигнер, *По поводу записов Л. Тихомирива* // Воспоминания Льва Тихомирова, Госиздат, М., 1927, с. XXII-XXXVI.

Фигнер 1932: В. Фигнер, *Полное собрание сочинений в семи томах*, Политкаторжан, М., 1932.

Фигнер 1980: М. Фигнер, *После Шлиссельбурга* // В. Фигнер, В борьбе, «Детская литература», Л., 1980, с. 177-215.

Чернышевский 1975: Н. Чернышевский, *Что делать? Из рассказов о новых людях*, Т. Орнатская (ред.), Наука, Л., 1975.

Archives

GA RF / ГА РФ	Государственный Архив Российской Федерации, Москва
ADP RNB / АДП РНБ	Архив Дома Плеханова, Российская Национальная Библиотека, Санкт-Петербург
RAGLI / РГАЛИ	Российский Государственный Архив Литературы и Искусства, Москва

Ольга Эдельман

Декабристская автобиография: проблемы источниковедческой интерпретации

Decembrists' autobiography: problems of interpretation of sources

The similarity of the memoirs of the Decembrists originates not only from the common social, cultural and ideological background of the authors, but also from the fact that they all discussed their prison term in Siberia. This way, their individual memory melted into a collective one. However, the memoirs allow us to see some specific features of the protagonists of the Decembrist generation.

Давняя исследовательская традиция, сложившаяся вокруг декабристской проблематики¹, как раз в силу своей давности позволяет иногда менять ракурс и, пользуясь актуальными подходами и новыми методами, задавать казалось бы хорошо изученному материалу свежие вопросы, рассматривать его под иным углом. Декабристская мемуаристика традиционно интересовала исследователей прежде всего в рамках классического источниковедения, то есть для определения полноты, достоверности, информационных возможностей этой группы

мемуарных текстов и затем использования их сведений для выстраивания истории декабризма. Попутно авторы работ о декабристских воспоминаниях, разумеется, высказывали более или менее общие суждения о характере и особенностях каждого из мемуаристов. Представляется, однако, что при современном пристальном и специальном интересе к автобиографии как жанру и повествовательным стратегиям как отдельной исследовательской проблеме разговор о декабристской мемуаристике далеко не исчерпан. Собственно, традиционно эти тексты не рассматривались специально как автобиографические. В некотором роде, речь идет о том, чтобы 'перевернуть наоборот' привычную источниковедческую методику: вместо разбора особен-

¹ К настоящему времени изданы четыре обобщающих библиографических указателя по теме: Ченцов, Пиксанов 1929, Эймонтова 1960, Эймонтова 1983 и Дробышевская, Мищенко, Мордвинова, Стельмашок, Шишкина 1994.

ностей повествования для того, чтобы определить информационные возможности текста, напротив, основываясь на установленных информационных возможностях сосредоточиться на логике и целях повествования (зачастую не вполне артикулированных мемуаристом перед самим собой). Отдавая себе отчет в невозможности исчерпать эту тему в рамках одной статьи, так же как и в том, что воспоминания каждого из декабристов заслуживают отдельного анализа, позволю себе высказать ряд наблюдений об этом мемуарном комплексе.

Любой разговор о мемуарах и иных источниках по истории движения декабристов сталкивается с одним и тем же фундаментальным затруднением, связанным с составом корпуса наличных документов. Его необычность, по сравнению с документацией более поздних политических и революционных течений, заключается в том, что декабристские тайные общества почти не оставили письменных следов своей деятельности².

² Можно назвать только рукописи конституционных проектов Павла Пестеля и Никиты Муравьева, Устав Союза Благоденствия и несколько частных писем, в которых политиче-

Они не выпускали прокламаций и листовок, не издавали газет, не вели протоколов съездов и пленумов; декабристы не занимались политической публицистикой (их выступления в печати были литературными и литературно-критическими), не вели конспиративной переписки. Наконец, в ожидании ареста большинство из них благоразумно сожгли свои бумаги. Таким образом, основными видами источников о декабризме как общественно-политическом феномене являются мемуаристика и следственные материалы. Исследователь вынужден сопоставлять их, взаимно проверяя мемуары показаниями, а показания мемуарами и то и дело вспоминая об уроборосе, кусающем зубами собственный хвост. Сложность этих видов источников очевидна: от показаний на следствии странно ожидать полноты и правдивости, а мемуары пишутся спустя значительный промежуток времени и несут следы влияния прожитых лет и сменившейся исторической эпохи. Но отсутствие других видов документов заставляет тем

ские дела присутствуют лишь намеком.

более пристально подходить к анализу имеющихся.

Многие исследователи, обращавшиеся к декабристским мемуарам, так или иначе обсуждали их как источник. Особенно следует отметить обстоятельные и во многом образцовые вступительные статьи к томам иркутской серии 'Полярная звезда', посвященной публикации воспоминаний и писем декабристов. Н.П. Матханова посвятила главу в своей книге анализу сибирской части декабристской мемуаристики (Матханова 2010: 150–171).

Работая над книгой о следствии по делу декабристов (Эдельман 2010: глава 5; Эдельман 1995), я предприняла попытку решить упомянутый источниковедческий ребус, сравнив ту часть декабристских записок, где говорится о следствии как таковом, со следственными делами мемуаристов и таким образом верифицировать воспоминания, фактографически подтвердить их или опровергнуть³. Сравнение позволило

³ Следственные дела декабристов опубликованы в томах документальной серии 'Восстание декабристов', основанной в 1925 г. специально для издания материалов следствия над декабристами (*Восстание декабристов 1925–2016*). В настоящее время вышло 23 тома, составителем послед-

заметить ряд особенностей каждого рассказчика: степень точности его памяти, правдивость, подробность рассказа. Вместе с тем, как раз воспоминания о следствии показывают наличие и значение формирования 'сибирского предания' как коллективного комплекса воспоминаний. По замечанию Н.П. Матхановой, "в казематском сообществе произошли превращение индивидуальной памяти в социальную, идентифицирующую группу, выработка 'коллективной истории'" (Матханова 2010: 160).

Осужденные в каторжные работы декабристы оказались в длительном совместном заключении в Сибири, сначала в Чите, затем в Петровском Заводе. Основой для приговора послужили их собственные показания, которые так или иначе давали все декабристы. Каждый имел причины и винить товарищей, и чувствовать себя виноватым. Между тем, им предстояло провести годы в тесном общении друг с другом и изоляции от остального мира. Известно, что они сумели держаться с удивительным достоинством, со-

них трех является автор настоящей статьи, работа над следующими томами (запланировано еще два) продолжается.

хранить между собой мир и доброе согласие, дух товарищества и взаимопомощи. Это разительно отличается от того, что известно о более поздней политической ссылке, расколотой на враждующие группы и группки, полной ссор и дразг, зачастую выдаваемых за принципиальные разногласия. Сами декабристы сообщали чрезвычайно скромный рецепт сохранения добрых товарищеских отношений, ссылаясь на то, что запретили в своей среде пьянство и азартные игры. Несомненно, этого не могло быть достаточно. Ключ к пониманию феномена их взаимоотношений в том, каким образом они распорядились болезненными воспоминаниями о следствии и допросах. В Сибири, особенно на первых порах, они не могли не обсуждать происходившее во время следствия, им необходимо было каким-то образом изжить этот трагический этап, достичь прощения и примирения. Для этого послужила сложившаяся у них версия о нечестности следствия и 'подложных показаниях'. Вряд ли она была придумана намеренно, но легко представить, как она родилась из стремления одних оправдать себя, говоря о том или ином эпизоде ли-

цом к лицу с пострадавшими от их излишней откровенности товарищами, и готовности других принять эти оправдания как удобный для всех способ изжить травму и сохранить возможность общежития, тем более что почти каждый из декабристов мог многократно оказаться в обоих ролях. Декабристы с большей или меньшей степенью осознанности освободили друг друга от чувства вины и взаимных упреков, возложив всю ответственность на Следственный Комитет, приписав ему неблагоприятный способ действия, а также убедив себя в том, что происходившее на допросах вообще было не столь важно, поскольку участь мятежников была предreshена заранее. Таким образом им удалось перешагнуть, преодолеть взаимные обиды и претензии, ужиться вместе в длительном заключении. Это было тем легче проделать, поскольку степень осведомленности обвиняемого об общей картине следствия всегда ограничена, мотивы и методы действия обвинения неизбежно остаются для него лишь угадываемыми. А при той законодательной неопределенности, в которой происходил процесс декабристов, сфера домысливания оказывалась

особенно обширна. Я хочу подчеркнуть: речь не идет о лживости декабристского коллективного предания, но о логичных в их положении психологических уловках. Сам по себе факт существования сибирской версии истории допросов достоин внимания как существенная часть механизма позитивного коллективного переживания проблемного прошлого.

Это коллективное, консенсусное декабристское предание о следствии зафиксировано в воспоминаниях зачастую даже в ущерб личной памяти авторов. Практически все они подчеркивали, что участь их была предрешена заранее, суд и следствие являлись не более чем ширмой, а следствие было не только предвзятым, но и нечестным, на допросах узникам предъявляли вымышленные признания их товарищей. В.И. Штейнгейль писал, что “восстанавливали одного против другого, объявляя, будто бы тот показывает в его обвинение” (Штейнгейль 1985: 165). Н.И. Лорер об “обманчивых, лживых” вопросах, М.С. Лунин, М.А. Фонвизин, Н.А. Бестужев, А.М. Муравьев – о вымышленных следствием признаниях (Лорер 1984: 97; Лунин 1987: 67; Фонвизин 1982: 195; Бестужевы 2005: 38–39;

Муравьев 1931: 128–129). В.И. Штейнгейль, А.М. Муравьев, М.С. Лунин, М.А. Фонвизин вовсе свели свой рассказ к изобличению недобросовестности Следственного Комитета, причем излагали эпизоды, случившиеся с кем-то из товарищей, но не собственные, непосредственные воспоминания, или считая их чем-то менее интересным, или же избегая углубляться в этот пласт тяжелых переживаний.

Однако, при изучении всей совокупности следственных материалов найти среди них ‘подложные показания’ не удастся. Весь ход следствия был тщательно документирован, показания всегда писались декабристами собственноручно (за исключением первого допроса, который проводил и записывал генерал В.В. Левашов). Документы следствия вполне ‘прозрачны’, источник появившейся в вопросах информации всегда прослеживается. Приводимые в воспоминаниях эпизоды, связанные с предъявлением на допросе подложных показаний, следственными делами не подтверждаются. Характерный случай – записки П.И. Фаленберга, который утверждал, что обвинение против него целиком было построено на его собственном опромет-

чивом самооговоре: деморализованный арестом и поверив в возможность заслужить прощение откровенностью, он объявил, что якобы разделял намерение цареубийства. Изложение этой истории со слов Фаленберга можно найти в ряде декабристских записок. Однако его следственное дело рисует совершенно иную картину, как убедительно показал еще в 1931 г. публикатор записок Фаленберга А.В. Предтеченский (Предтеченский 1931: 205–222).

Кажется вероятным, что одним из главных бенефициаров или даже создателей сибирской коллективной версии о нечестности следствия мог быть С.П. Трубецкой. Его записки (Трубецкой 1983), как и сама личность князя, вызывали в историографии неоднозначные суждения. Н.М. Дружинин, автор написанной в 1932 г. статьи *С.П. Трубецкой как мемуарист* (Дружинин 1985: 370), назвал записки “тенденциозно-публицистическим произведением”, направленным среди прочего на самооправдание автора. С Дружининым согласился М.К. Азадовский, полагавший, что в воспоминаниях Трубецкого “очень часто извращается историческая действительность”, а пером де-

кабриста “руководило стремление двойной реабилитации: и “реабилитации” самого заговора, и своей роли в нем” (Азадовский 2005: 663). Сходного мнения придерживалась М.В. Нечкина (Нечкина 1955: 47). Напротив, публикатор наследия Трубецкого В.П. Павлова пришла к выводу, что “достоверность излагаемых Трубецким фактов подтверждается в большинстве случаев” (Трубецкой 1983: 355–356)⁴. Парадоксальным образом и те, и другие суждения обоснованы. С.П. Трубецкой-мемуарист не столько искажал факты, сколько отбирал их. Любой эпизод его записок, поддающийся проверке другими источниками, как верно замечала В.П. Павлова, оказывается вполне достоверным и точным. Проблема в том, как ловко и умно Трубецкой отбирал информацию, манипулируя ею и выстраивая удобный для себя образ.

Даже по форме повествования видно, что следствие было для Трубецкого особенной проблемой. Эта часть его записок выделяется более личным характером и написана от первого лица, тогда как в остальном тексте Трубецкой говорит

⁴ Мнение В.П. Павловой встретило серьезные возражения Е.М. Даревской (Даревская 1990: 151–160).

о себе в третьем лице. Все, что он рассказывает о допросах, подтверждается следственным делом детально. Но оно же демонстрирует, о сколь многом декабрист умолчал, причем избирательность его памяти была далеко не случайна и тщательно продумана.

В записках С.П. Трубецкой предстает как уверенный в правоте своих убеждений, мужественный человек, замученный тяжелыми допросами, старающийся не выдавать товарищей, при этом понимающий, что Комитет и следствие “ничто более как комедия”, участь мятежников решена заранее и они обречены на долгое заточение. Он признавался с сожалением, что иногда вырывались у него “неосторожные слова”, которые могли навредить товарищам (Трубецкой 1983: 264). Следственное дело Трубецкого показывает совсем другую картину. Он защищался упорно и расчетливо, пытался переложить ответственность за 14 декабря на ближайших сподвижников – К.Ф. Рылеева, И.И. Пущина, Е.П. Оболенского. Трубецкой старался уверить Комитет, что хотя входил в число ведущих и давних членов тайного общества, но давно в нем разочаровался и оставался в нем только, чтобы следить за опасны-

ми действиями радикально настроенных членов, в первую очередь П.И. Пестеля. Против Пестеля он по собственному почину дал впечатляющие показания. В записках Трубецкой не только не обмолвился об этом ни словом, но и лицемерно писал, как удивлялся, что не получал вопросов о Южном обществе (Трубецкой 1983: 263). Вместе с тем, характеристика, которую он дал своему поведению на следствии, тоже в какой-то мере справедлива. Трубецкой действительно старался не вредить товарищам и не говорить лишнего, если того не требовалось для защиты себя.

Трубецкой-мемуарист искусно манипулировал фактами, создавая видимость точности и подробности рассказа, которая отчасти могла даже выдержать проверку фактами. Зачем ему это было нужно? Почему он не предпочел просто обойти неудобные страницы прошлого молчанием? Объяснение следует искать в трудном положении, в какое Трубецкой попал в Сибири, в общей тюрьме с товарищами. Не явившийся на Сенатскую площадь 14 декабря, несостоявшийся диктатор Трубецкой, должно быть, морально чувствовал себя не очень уютно. Ему хотелось оправдаться. Пи-

сать записки он начал, по предположению исследователей, живя в ссылке на поселении, но устная их версия могла появиться значительно раньше, в разговорах с товарищами, когда складывалось их коллективное предание. Одним из его активных творцов и мог быть Трубецкой, поскольку манипулирование обстоятельствами в его записках намного более мастерское и ловкое, нежели у других декабристов.

В целом, поскольку наиболее проблемной частью декабристской памяти была ситуация следствия, то именно с ней сопряжено и наибольшее число поддающихся выявлению случаев отклонения мемуаристов от строгой правды. В остальном все они, включая Трубецкого (но исключая Д.И. Завалишина), отличались несомненной искренностью, честностью, добросовестностью.

Высока степень точности и достоверности воспоминаний А.Е. Розена (Розен 1984), который не только очень отчетливо помнил события, но даже – что редкость для мемуаров – не ошибался в датах. У таких искренних и правдивых мемуаристов, как А.П. Беляев (Беляев 1882; Беляев 1990) и А.С. Гангеблов (Гангеблов 1888),

память была не столь точной, изложенные в их мемуарах события зачастую путаются и наслаиваются друг на друга.

И.Д. Якушкин, по выражению публикатора его записок С.Я. Штрайха, имел репутацию “правдивейшего человека своего времени” (Якушкин 1951: 516). И.А. Миронова также отмечала обстоятельность, достоверность и правдивость его записок (Миронова 1963: 147), хотя оба исследователя указывали и на ряд фактических неточностей и ошибок. Сопоставив записки И.Д. Якушкина (Якушкин 1951; Якушкин 1993) с его следственным делом, можно убедиться, что он описал следствие очень добросовестно и даже даты указал довольно точно. Из содержания допросов декабристу запомнилось главное и самое опасное, о так называемом ‘Московском заговоре’ 1817 года, когда он вызвался совершить царубийство. Свое поведение на следствии Якушкин оценивал весьма сурово: давая какие бы то ни было показания, совершаешь “ряд сделок с самим собою”, это “тюремный разврат”. Между тем, в реальности на допросах Иван Дмитриевич держался так, что особых причин упрекать себя у него не было. Строгость декабриста к себе и сдержан-

ность в описаниях своих переживаний не позволяют читателю его записок узнать о душевном кризисе, пережитом Якушкиным в тюрьме. Он, до того и позднее называвший себя атеистом, под влиянием тюремного заключения накануне Пасхи 1826 года высказал желание причаститься. Когда священник П.Н. Мысловский доложил об этом в Комитет, с Якушкина по случаю его раскаяния сняли кандалы (*Восстание декабристов*, т. 16: 165). В записках декабрист представил согласие причаститься как формальный жест для облегчения своего положения. С Мысловским у него сложились дружеские отношения, и он с легкой иронией говорил о тщеславии священника, рапортовавшего об обращении неверующего. По натуре правдивый и сдержанный, Якушкин не пожелал описывать в мемуарах чувства, которые позднее сам расценивал как слабость, но и умолчать о них вовсе не считал возможным. В результате можно сказать, что записки И.Д. Якушкина рисуют автора человеком более твердым, неколебимым, менее эмоциональным, чем он был в жизни. Члены Южного общества Н.И. Лорер и Н.В. Басаргин оставили яркие, интересные воспо-

минания (Лорер 1984: 97–99). При сравнении их со следственными делами заметно, что Н.И. Лорер, описывая свои допросы, опустил ряд деталей, объединил события, несколько упростил ход дела. Он умолчал о двух написанных им письмах в Следственный Комитет, в которых просил о прощении и уверял, что внутренне давно отошел от тайного общества. Из-за этих умолчаний декабрист выглядит в мемуарах более стойким, чем то было в реальности. Н.В. Басаргин был точнее в изложении событий. Воспоминания обоих сближает одно обстоятельство: оба они постарались обойти молчанием роль, которую сыграл во время следствия П.И. Пестель, дававший обширные, подробные показания и в сущности погубивший ими и себя, и товарищей.

Н.И. Лорер, друживший с Пестелем и служивший в его полку, вспоминал о нем с большой теплотой и, кажется, так и не смог поверить в то, что Пестель давал откровенные показания. В принципе, южные декабристы, получая вопросы, свидетельствовавшие об осведомленности следствия, могли догадаться, что эти сведения исходят от Пестеля, но могли также и

приписать их доносчику А.И. Майбороде, сослуживцу Пестеля и Лорера, пользовавшемуся доверием полковника. Лорер не мог осудить казненного друга, он искал Пестелю оправдания. Лорер, которого, как и других, настойчиво допрашивали о местонахождении рукописи *Русской Правды*, спрятанной незадолго до начала арестов, не признавался, пока ему не предъявили показание самого Пестеля. “До Пасхи комитет не мог открыть, где хранится *Русская Правда*, и ее нашли только тогда, когда Пестель, понимая вполне свое положение – он знал очень хорошо, что его ожидает смерть [...] и опасаясь, чтоб труд его 12-летний не погиб совершенно напрасно без следа, решился указать и место, где она хранилась, и человека, который ее туда зарыл” – объяснял Лорер в своих записках (Лорер 1984: 97–99). В действительности, показание Пестеля о месте, где спрятана *Русская Правда* было предъявлено Лореру не перед Пасхой, а уже 16 января (*Восстание декабристов*, т. 4: 122–123). Рукопись была найдена и 13 февраля привезена в Петербург. В воспоминаниях Лорера эти события смещены почти на три месяца позже, с января на апрель. Возможно, ему хо-

телось думать, что Пестель боролся до последней возможности.

В отличие от Лорера, у Н.В. Басаргина во время следствия иллюзий относительно Пестеля не было. Басаргин до конца марта 1826 г., в течение трех месяцев, отрицал, что состоял в Южном обществе, признавался только в недолгом участии в Союзе Благоденствия и утверждал, что давно отошел от тайного общества и считал его пустой затеей. Следственный Комитет стремился вынудить у него признание, что он не только состоял в Южном обществе с самого его учреждения, но и знал о планах учреждения республики и царубийства, что являлось тягчайшими пунктами обвинения. Из полученных вопросов Басаргин догадался, что сведения исходят от Пестеля, и в ответах не скрывал возмущения: заявил, что Пестель был главной фигурой в тайном обществе, втянул в него остальных, а теперь, “сделав нас жертвами несчастья, делается нашим обвинителем и даже обвинителем несправедливым, ибо обвиняет нас в таких действиях, кои были известны ему одному” (*Восстание декабристов*, т. 12: 298). В мемуарах Н.В. Басаргин постарался не сказать ничего,

что могло бы бросить тень на казненного Пестеля. Поэтому рассказ его о следствии получился уклончивым и неясным. Он предпочел рассказать о чувствах и мыслях узника и повторил общую версию о недобросовестности Следственного Комитета, который преувеличил вину обвиняемых, представив мимолетные разговоры как решения тайного общества.

Особенностью воспоминаний декабристов является избегание того, что могло бы бросить тень на товарищей. Ничего негативного и нелюбопытного о союзниках в воспоминаниях декабристов нет; тяжелые черты характеров, неприязнь, ссоры, которые не могли не случаться в течение длительного общего житья в заключении, обойдены полным молчанием. Этим декабристская мемуаристика разительно отличается от более поздней автобиографической традиции. Особенно любопытно отметить контраст с близкой по времени создания автобиографической книгой *Былое и думы* А.И. Герцена, считавшего себя ближайшим наследником декабристов, но в обсуждаемом отношении поступившего противоположным образом и подробнейшим образом описавшего и явив-

шего миру даже незначительные размолвки и несогласия в своем дружеском кругу, сокровенные интимные семейные обстоятельства, нелюбопытные портреты близких. Для декабристов принципиально важным было сохранение чести и репутации, для Герцена – малейшие оттенки личных переживаний и исповедальный тон.

Единственное среди декабристов исключение представлял оставивший записки Д.И. Завалишин, человек сложной психики, с чрезвычайно завышенной самооценкой, склонный к высокомерному хвастовству, фантазированию, болезненному преувеличению собственного значения. По заключению Н.П. Матхановой, он “стремился не описать собственную жизнь, а подчеркнуть значение и влияние своей личности и деятельности”, что только подтверждает “особую тенденциозность” мемуаров Завалишина (Матханова 2010: 170). Во время следствия эта его доминирующая черта вступила в драматическое противоречие с нуждами самозащиты: Завалишину одинаково хотелось и выставить себя самым значительным из деятелей тайного общества, и оправдаться. Его воспоминания отличаются от

остальной декабристской мемуаристики выразенной субъективностью и готовностью сообщать негативные, а то и несправедливые вещи о товарищах (Завалишин 1906; Завалишин 2003). Это ставит исследователя в сложное положение: может быть, как раз Завалишин откровенно рассказал то, о чем остальные умалчивали? Но различить, в каких случаях ему стоит доверять, а в каких – нет, практически невозможно.

Совсем иного свойства характер искажения реальности свойственен мемуарному наследию братьев Николая и Михаила Бестужевых (Бестужевы 2005). Записки М.А. Бестужева настолько хорошо написаны и увлекательны, что неизменно очаровывали исследователей и имели у них великолепную репутацию. Их очень высоко оценил М.К. Азадовский, публикатор и автор обстоятельного исследования бестужевских мемуаров, отметивший их точность, достоверность, а также литературные достоинства. На мой взгляд, как раз литературные достоинства и являются главной проблемой воспоминаний М.А. Бестужева. Как всякий хороший рассказчик он понимал, что красивую, увлекательную историю можно со-

здать, лишь дополнив, приукрасив реальность. А как литератор, находился под влиянием романтизма. Проверив несколько эпизодов, можно видеть, как преображались события под его пером.

Хорошо известен рассказ Михаила Александровича об изобретении ‘тюремной азбуки’, способа переговариваться, перестукиваясь через стену. Во время следствия Михаил и Николай Бестужевы сидели в соседних камерах Алексеевского рavelина Петропавловской крепости. По словам Михаила Александровича, перестукиваться они начали незадолго до Пасхи и использовали этот новый способ коммуникации для согласования показаний (Бестужевы 2005: 121, 396). Одно обстоятельство портит эту красивую историю: Михаила Бестужева в то время уже не допрашивали, его вообще допрашивали немного, причем за все следствие братья ни разу не получили сходных вопросов, которые бы имело смысл согласовывать. Само по себе существование азбуки сомнения не вызывает, Бестужевы пользовались ею в Петропавловской крепости, а позднее научили товарищей в Шлиссельбургской крепости, где их содержали до отправки в Сибирь. Об азбуке упомина-

ют их сестра Е.А. Бестужева, И.И. Пущин (поведавший о ней в одном из писем к отцу), Д.И. Завалишин (Азадовский 2005: 651). Но для согласования показаний она не могла послужить Бестужевым.

Можно обнаружить и другие подобного рода преувеличения в рассказах М.А. Бестужева. Он был человеком добросовестным, правдивым, в отличие от Трубецкого, не имел нужды скрывать что-то из обстоятельств следствия, он держался твердо, дал минимум показаний, спас многих офицеров, умолчав об их причастности к восстанию, словом, у него были все основания гордиться своим поведением. Приукрашивание событий в его записках имело сугубо литературные причины. Дело было не только в стремлении сделать рассказ более занимательным, желании обосновать правильность своего жизненного выбора, наконец, некоторой склонности к идеализации своей молодости. Главное, на мой взгляд, в том, что М.А. Бестужев ориентировался на готовые литературные образцы. Сам он неоднократно упоминал книгу итальянского революционера Сильвио Пеллико, которая произвела на него сильное впечатление. Бестужев при-

знался, что брал ее за образец, принимаясь за свои мемуары, и даже заимствовал у Пеллико название *Мои тюрьмы* (Азадовский 2005: 651). Какие еще книги повлияли на него и определили характер его записок, мы в точности не знаем, поскольку нет точных сведений о круге его сибирского чтения. К тому времени в европейской литературе уже существовала и богатая мемуаристика разнообразных политических узников, и традиция поэтического и беллетристического описания жизни в тюрьме, от *Шильонского узника* Дж. Байрона (1816) до *Графа Монте-Кристо* А. Дюма (1844–1845). Что из этого могли прочесть братья Бестужевы, мы в точности не знаем.

Проблема литературных влияний на жанр воспоминаний довольно широка и не сводится к заимствованию каких-то определенных повествовательных приемов. Скорее речь идет об отборе тем и сюжетов повествования, представлениях о том, какими должны быть хорошо написанные мемуары и что интересно читателю. Например, М.А. Бестужев, как и большинство декабристов, описывая период заключения в Петропавловской крепости, довольно мало говорит о допросах как таковых, в центре

его внимания – сама тюрьма, условия заключения, чувства и переживания узника. И здесь, на перекрестье представлений декабристов о самих себе и о деле, приведшем их в Сибирь (а эти представления у некоторых из них за годы ссылки претерпели существенные изменения), о задачах самопрезентации и ориентации на литературные образцы, причем последнее зачастую современникам кажется самоочевидным и не нуждающимся в артикуляции, – рождается неочевидная специфика декабристской мемуаристики.

В самом деле, о чем конкретно должен писать воспоминания переживший сибирское изгнание декабрист? Нам декабристы интересны как участники первого в России общественно-политического движения. Несомненно, сами они также именно в этом видели свою историческую миссию, о которой следовало оставить свидетельство. Парадокс в том, что в общей массе декабристских мемуарных текстов рассказы о тайных обществах, а особенно об идеях и идейной эволюции их участников, занимают не так много места. К тому же авторы обстоятельных воспоминаний М.А. Бестужев, А.П. Беляев, А.С. Гангелов в тайном обществе со-

стояли сравнительно недолго, а А.Е. Розен примкнул к нему только накануне 14 декабря. Авторы воспоминаний с удовольствием повествовали о семье, родителях и родне, о своей военной службе, участии в войнах, и особенно подробно – о сибирском периоде жизни, более близком ко времени работы над записками и потому лучше помнившимся. Где-то между этим присутствуют страницы о тайном обществе. Оставивший прекрасные записки С.Г. Волконский основное внимание уделил своему боевому прошлому и военной службе. Из трехсот книжных страниц его записок на период, когда он был членом тайных обществ, приходится около полусотни страниц, причем включая службу, путешествия, женитьбу и проч. Волконский довел повествование до сцены первого допроса, на этом записки обрываются (Волконский 1991). В сумме, декабристские воспоминания не так уж много рассказывают собственно о тайных обществах, и еще меньше об их идейной стороне.

Как ни странно, в мемуарах практически не содержится ответа на вопрос, каким образом и почему эти молодые, преуспевавшие офицеры, герои наполеоновских войн, со-

ставили тайное общество, как формировалось их мировоззрение. Что привело в ряды мятежников князя Сергея Волконского, отпрыска одной из знатнейших фамилий, флигель-адъютанта императора и героя, ставшего генералом в 25 лет? Сам он обмолвился об этом буквально несколькими фразами, заметив, что события 1814 и 1815 годов заронили в его мысли “зародыш обязанностей гражданина”, вытеснивших привычку “слепого повиновения, отсутствия всякой самостоятельности”, что оказавшись в 1819 г. в Киеве в кружке М.Ф. Орлова, где обсуждали недавние европейские события и “параллель с нашим государственным бытом, с ничтожеством наших народных прав, скажу, гнета нашего государственного управления резко выказалась уму и сердцу многих” и оказалась созвучна чувствам самого Волконского. “Я понял, что преданность отечеству должна меня вывести из душного и бесцветного быта ревнителя шагистики и угоднического царедворничества” (Волконский 1991: 348, 358–359). Более развернутого описания своей внутренней эволюции декабрист не оставил. Аналогичную особенность отметил М.К. Азадовский, гово-

ря о записках М.А. Бестужева, которые “не дают полного представления о том, как сложился и рос у братьев Бестужевых революционный образ мысли, приведший их всех, одного за другим, в ряды Тайного Общества. М. Бестужев говорил о своем участии в нем как о чем-то само собой разумеющемся и безусловном” (Азадовский 2005: 595). Действительно, протекшие десятилетия, исподволь существенно изменившийся интеллектуальный климат русского общества сделали вопрос о причинах создания тайных обществ, формировании вольного образа мыслей как бы самоочевидным. В воспоминаниях декабристов можно найти рассказ о тех или иных чертах государственного быта, вызывавших их возмущение, но не изложение давнего хода мысли. Пожалуй, единственный из них, кто попытался описать эту эволюцию, был И.Д. Якушкин. Если Волконский противопоставил “обязанности гражданина” – “отсутствию самостоятельности”, то Якушкин зафиксировал некую остро ощущаемую смену ритма эпохи: “В 1814 году существование молодежи в Петербурге было томительно. В продолжение двух лет мы имели перед глазами

великие события, решившие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо смотреть на пустейшую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариков, выхваляющих все старое и порицающих всякое движение вперед. Мы ушли от них на 100 лет”. И прибавил к этому усиливающую ремарку: “У многих из молодежи было столько избытка жизни при тогдашней ее ничтожной обстановке, что увидеть перед собой прямую и высокую цель почиталось уже блаженством” (Якушкин 1993: 79, 84). Заметим, что честные перед собой, оба декабриста старались передать именно трудноуловимое настроение того времени, тогда как повествовательно гораздо легче было бы перевести его на язык более поздней социальной критики, написав, что их возмущали неравенство людей, крепостное право, беззаконие и пр. Якушкин, собственно, и ввел в повествование такой эпизод, сцену с крестьянином, наказанным за то, что бросился наперерез лошади, на которой скакал император Александр; более того, как раз Якушкину легче других было сделать такого рода повествовательную подмену, поскольку он лично предпринял попытку

освобождения своих крестьян, о чем и говорил в записках (Якушкин 1993: 78–79, 81). Но он постарался в точности выразить именно умонастроение описываемой эпохи. И был действительно весьма точен, поскольку на следствии, отвечая на вопрос о причинах распространения вольнодумства, сказал именно об осознании пагубности крепостного права, а также свойственной ему тогда “молодости, необузданной пылкости нрава, страсти и вместе с сим ощущаемый какой-то избыток жизни” (*Восстание декабристов*, т. 3: 44). Параллелью к этому ощущению Якушкина служат знаменитые слова Пестеля о том, что “дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать [fait bouillir les esprits]” (*Восстание декабристов*, т. 4: 105). Совпадение, возвращающее нас к столь сложной разновидности автобиографического жанра, как показания на следствии. С этой точки зрения упомянутые развернутые автобиографические показания П.И. Пестеля заслуживают нового прочтения. Представляется, что несмотря на многократное цитирование, этот текст недооценен, а интеллектуальная биография Пестеля нуждается в новом, современном осмыс-

лении, которое могло бы выявить нетривиальную логику мышления этого неординарного человека⁵.

Мемуарные тексты декабристов имеют ряд общих черт, обусловленных как общностью судьбы, так и сходством их моральных установок. Показательно, что даже беглое сопоставление их с *Былым и думами* А.И. Герцена выявляет глубокое различие в подходе к самопрезентации, в понимании того, что подлежало или не подлежало публичному рассказыванию. Индивидуальное выстраивание каждым из декабристских мемуаристов автобиографического нарратива могло бы стать предметом отдельного исследования.

⁵ В последней из изданных научных биографий декабриста его интеллектуальному облику уделено прискорбно мало внимания (Киянская 2002).

Библиография

Азадовский 2005: М. Азадовский, *Мемуары Бестужевых как исторический и литературный памятник* // М. Азадовский (Ред., статья и комм.), *Воспоминания Бестужевых*, Наука: Лит. Памятники, СПб., 2005 (репринтное воспроизведение издания 1951 г.).

Беляев 1882: А. Беляев, *Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом*, Изд. А. С. Суворина, СПб., 1882.

Беляев 1990: А. Беляев, *Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом*, Красноярское книжное изд., Красноярск, 1990.

Бестужевы 2005: М. Азадовский (Ред., статья и комм.), *Воспоминания Бестужевых*, Наука: Лит. Памятники, СПб., 2005 (репринтное воспроизведение издания 1951 г.).

Волконский 1991: С. Волконский, *Записки*, Сост. А. Тихановская, Н. Караш, Б. Капелюш, Вост.-Сиб. кн. изд., Иркутск, 1991.

Восстание декабристов: *Восстание декабристов. Материалы*, М.-Л.; М., 1925-2016, тт. 1-23.

Гангеблов 1888: А. Гангеблов, *Воспоминания*, Университетская тип.-фия, М., 1888.

Даревская 1990: Е. Даревская, *Завершен ли спор о С.П. Трубецком?*, «История СССР», 1990, V, с. 151-160.

Дробышевская, Мищенко, Мордвинова, Стельмашок, Шишкина 1994: Н. Дробышевская, Т. Мищенко, В. Мордвинова, Г. Стельмашок, В. Шишкина (Сост.), С. Мироненко (науч. ред.), *Движение декабристов: Указ. лит., 1977-1992*, ГПИИБ, М., 1994.

Дружинин 1985: Н. Дружинин, *С.П. Трубецкой как мемуарист* // Н. Дружинин, *Революционное движение в России в XIX веке: Избранные труды*, Наука, М., 1985, с. 357-383.

Завалишин 1906: Д. Завалишин, *Записки*, Тип. Сириус, СПб., 1906.

Завалишин 2003: Д. Завалишин, *Воспоминания*, Захаров, М., 2003.

Киянская 2002: О. Киянская, *Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик*, Параллели, М., 2002

Лорер 1984: Н. Лорер, *Записки декабриста*. Публ. М. Нечкина, Восточно-Сибирское книжное изд., Иркутск, 1984.

Лунин 1987: М. Лунин, *Письма из Сибири*. Публ. И. Желвакова, Н. Эйдельман, Наука, М., 1987.

Матханова 2010: Н. Матханова, *Сибирская мемуаристика XIX века*, Изд. СО РАН, Новосибирск, 2010.

Миронова 1963: И. Миронова, *Записки И.Д. Якушкина как исторический источник // Проблемы источниковедения*, вып. 11, Изд. АН СССР, М., 1963.

Муравьев 1931: А. Муравьев, *Мой журнал // Ю. Оксман, С. Чернов (Под ред.), Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов*, Изд. политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М., 1931, т. 1, с. 131–151.

Нечкина 1955: М. Нечкина, *Движение декабристов*, Изд. АН СССР, М., 1955, т. 1.

Предтеченский 1931: А. Предтеченский, *Декабрист П.И. Фаленберг // Ю. Оксман, С. Чернов (Под ред.), Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов*, Изд. политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М., 1931, т. 1, с. 231–245.

Розен 1984: А. Розен, *Записки декабриста*. Вост.-Сиб. кн. изд., Публ. Г. Невелев, Иркутск, 1984.

Трубецкой 1983: С. Трубецкой, *Материалы о жизни и революционной деятельности*. Публ. В. Павлова, Вост.-Сиб. кн. изд., Иркутск, 1983, т. 1.

Фонвизин 1982: М. Фонвизин, *Обозрение проявлений политической жизни в России // М. Фонвизин, Сочинения и письма*. Публ. С. Житомирская, С. Мироненко, Вост.-Сиб. кн. изд., Иркутск, 1982, т. 2.

Ченцов, Пиксанов 1929: Н. Ченцов (Сост.), Н. Пиксанов (ред.), *Восстание декабристов: Библиография*, Гос. Изд., М.–Л., 1929.

Штейнгейль 1985: В. Штейнгейль, *Сочинения и письма*, т. 1: *Записки и письма*. Публ. Н. Зейфман, В. Шахеров, Вост.-Сиб. кн. изд., Иркутск, 1985.

Эдельман 1995: О. Эдельман, *Воспоминания декабристов о следствии как исторический источник*, «Отечественная история», 1995, VI, с. 34–44.

Эдельман 2010: О. Эдельман, *Следствие по делу декабристов*, Модест Колеров, М., 2010.

Эймонтова 1960: Р. Эймонтова при участии А. Соленниковой (Сост.), М. Нечкина (под общ. ред.), *Движение декабристов: Указ. лит., 1928–1959*, Изд. Всесоюз. книжной палаты, М., 1960.

Эймонтова 1983: Р. Эймонтова (Ред.-сост.), В. Барашкова, А. Лисман, Ю. Струков и др. (сост.), М. Нечкина (Отв. ред.), *Движение декабристов: Указ. лит., 1960–1976*, Наука, М., 1983.

Якушкин 1951: И. Якушкин, *Записки декабриста*, Сост. С. Штрайх, Изд. АН СССР, М.; Л., 1951.

Якушкин 1993: И. Якушкин, *Мемуары. Статьи. Документы*, Изд. подгот. В. Порох, И. Порох, Вост.-Сиб. кн. изд., Иркутск, 1993.

Papers

Duccio Colombo

Len'ka Panteleev and the traditions of Van'ka Kain: Criminal Biography in XXth Century Russia

The Fighter against the myth, or the memoirist who considers himself a Hercules (*Anton Pavlovich Chekhov: an attempt at a characterization* by N.M. Ezhov).

The vast corpus about the 1920s Petrograd bandit Len'ka Panteleev, comprised of different texts – such as newspaper articles, fiction, film and song, with a complex and often ambiguous interplay between factual accounts and fictional adaptation – seems untypical for the era. A useful term of comparison is the similar corpus concerning the 18th century Moscow rogue Van'ka Kain. The latter shows all the typical features of 18th century criminal biographies, which at the time were popular throughout Europe. According to Michel Foucault, this genre paves the way to the detective novel, where the punitive mechanisms are substituted by the disciplinary ones.

The deeds of the 1920s Petrograd bandit Len'ka Panteleev inspired an impressive corpus of texts belonging to a whole set of different genres, spanning from news to literature, film and song. We can hardly imagine a similar corpus related to any other Russian criminal from the same era. A useful term of comparison can be found instead in the – likewise vast and controversial – corpus concerning the famous 18th century Moscow rogue Van'ka Kain. The comparison reveals remarkable similarities and leads to unexpected conclusions concerning the generic status of contemporary Russian criminal fiction – a largely unexplored field. It is important to

underline that the cases discussed are not the actual stories of the two characters involved¹, but the two corpora of texts concerning them and the cultural myths they express.

Van'ka Kain was born Ivan Osipov in 1714 (or 1718, according to a different version).² A runaway

¹ One writer, however, compares Panteleev directly to Kain: “Panteleev became a sort of Van'ka Kain turned upside-down – there was in Moscow in the 18th century this genius of theft, treason and detection. Only Kain from a thief rose to become a detective, and Len'ka the other way around, but I feel the personalities of these two scoundrels have something in common” (Konstantinov 2004: I, 51).

² The main historical source about Kain is Esipov 1869.

serf, he led a gang of burglars robbing rich houses and merchant estates. In 1741 he presented a petition to the authorities, offering to use his knowledge of the criminal underworld to catch thieves. His proposal was accepted, and the results were so outstanding that his past crimes were pardoned and he was appointed detective (or, as documents state, “official informer”: see Esipov 1869: 307). With his squad, he became the terror of Moscow outlaws. However, he used the almost unlimited power that his new position gave him predominantly as an opportunity to accumulate wealth in any way possible until 1749, when he was arrested. After a five-year long trial, he was sentenced to death, but the condemnation was eventually commuted to forced labour.

A first, short account of his feats appeared in print in 1775; the first edition of Kain’s purported autobiography came out in 1777 and in 1782 one of the pioneers of Russian popular literature, Matvei Komarov, published his own version of the story. Together, these three versions amounted to 15 editions in the 18th century alone (Sipovskii 1902: 98)³. During the following

century, Kain was the hero of dozens of pamphlets – “appearing up to the present day”, wrote V. V. Sipovskii in 1902 (*ibidem*), while Jeffrey Brooks mentions “one of the last works of popular commercial fiction published in Russia” dated 1918 (Brooks 2003: 201), i.e. an anonymous series of ten issues dedicated to Kain in which, however, the original story had become almost unrecognizable – in the words of a contemporary scholar, “in about one hundred years literature went as far as to transform this questionable character into an incarnation of Cossack freedom, a righter of wrongs or a champion of national pride” (Raï-Gonneau 2007: 101). In today’s Russia, the name ‘Van’ka Kain’ still seems to be eponymous with bandit – or is it perhaps now becoming eponymous because of the wave of criminal literature flooding the book market in the post-soviet years? For example, Mikhail Grachev’s 2005 work on the history of Russian criminal slang is entitled *From Van’ka Kain to Mafia* and the second part of *The Valley of Death* – Anatolii Pristavkin’s memoirs of his years as chairman of the presidential Grace commission – came out in 2001 as *The Passion according to Van’ka Kain*. As late as 1998, the writer Anatolii

³ Sipovskii’s work contains detailed bibliographical data.

Rogov published a new historical novel dedicated to Kain.⁴

Len'ka Panteleev was born (probably) Leonid Pantelkin in 1902 (or 1893, according to a different version). Different sources give very different accounts of his life, but they tend to agree that he was a typography worker before the revolution, took part in the civil war, and after being discharged from the Red Army served in the ChK. After being dismissed, he formed a gang in early 1922 robbing not only the apartments of the new bourgeoisie of the NEP period, but also common streetwalkers. He was arrested and convicted in the autumn of 1922, but he escaped from the *Kresty* prison and became the terror of Petrograd until, in March 1923, he was shot dead in a gunfight with the police.

The first texts devoted to his deeds – crime-news sections of the Petrograd newspapers excluded – appeared in 1925: the magazine «Sud idet» published a detailed account of the case (De-lo 1925), and Elizaveta Polonskaia's short narrative poem *V petle*, dated 1923 and dedicated to him, was printed in the «Kovsh» almanac. There is a sto-

⁴ A second edition was published in 2003.

ry about Panteleev, dated 1939, in Lev Sheinin's famous *An Investigator's notebook*⁵ and the memoirs of Leonid Dimitriev, a member of the team that captured him, were published in 1967, in a collection titled *Chekisty*. In 1974, the third episode of the TV serial *Rozhden-naia revoliutsiei*, dedicated to the history of the Soviet militia, was centered on Panteleev.⁶ Two books about him, Maksim Tokarev's *Len'ka Panteleev: The terror of the detectives* and Michail Kniazev's *Len'ka Panteleev, the King of Robbers* appeared in 2000 and 2001. By this time, the flood of histories and encyclopedias of Russian crime, which rarely overlook this case, had already begun,⁷ and a number of articles started to appear in the

⁵ I was not able to trace the first printing of the story; it has been included in every edition of the book, since Sheinin 1957 at least.

⁶ The novel written by the authors of the screenplay (Nagornyi-Riabov 1984) is usually referred to as 'the book upon which the serial is based', but is, more likely, based itself on the screenplay (although the possibility that it was published somewhere in the periodical press before the shootings cannot be totally ruled out).

⁷ A necessarily incomplete list of texts of this kind containing Panteleev's story includes: Konstantinov 2004, Razzakov 1996, Khrutskii 2004, Tarasov 2005, and Kolesnik 2012.

periodical press.⁸ In 2006 Panteleev was the hero of the second episode of the successful television 'documentary series' *Sledstvie veli* (*The investigation was conducted by...*), and in the same year an eight-part series, *Life and Death of Len'ka Panteleev* (screenplay by V. Akimov, director E. Iasan) was broadcast.

In 2009, the writer Elena Khaetskaia, under the pen name of Elena Tólstaia, published a two-part novel: *Len'ka Panteleev, the lucky man – Len'ka Panteleev, the son of ruin*. In 2012, at the Petersburg Young Spectator Theater, M. Didenko and N. Dreiden staged an award-winning musical about him.

The name of Panteleev also became eponymous; in 1927 two young writers from Leningrad, Grigorii Belykh and Aleksei Eremeev, published a book about their experiences in a special school for problem children, which was to become a classic of Soviet teenage literature, *The Republic of SHKID*. While the former signed it with his actual name, the latter used the pseudonym L. Panteleev. Aleksei Erofeev, an obviously autobiographical character, bears this as his school nickname, given to

him when he told his new schoolmates his turbulent story:

Then the Gipsy softly said:

- Yeah, quite a life. Full of adventures and risk. You're not Erofeev, Len'ka, you're a real Panteleev. A tough guy. (Belykh-Panteleev 1927)⁹

The pseudonym would remain with Eremeev (1908-1987) throughout his long career. Although he insisted that his books should be signed simply 'L. Panteleev', some of them came out displaying the form 'Leonid' or even 'Leonid Ivanovich'. In 2003, an apparently cheap criminal novel, *Pulp Fiction in Russian*, appeared under the signature of Leonid Panteleev.¹⁰

Numerous songs have been dedicated to both Kain and Panteleev which creates yet another similarity. In both cases, controversial questions arise.

Komarov's book (Komarov 2008) included a songbook, *Songs sung by Kain*. Every new edition

⁹ In the 1961 revised edition, the writer sensibly altered this chapter; the character's real last name is now Panteleev, and this is why he is nicknamed Len'ka.

¹⁰ Some critics reacted with anger: how could the author associate his mediocre work with the name of a respected children's writer? See Vasilevskii-Kriuchkov 2004.

⁸ The list of articles is also necessarily incomplete: Stepanov 2002, Khrutskii 2002, Nikitin 2005, Liubvin 2007, Lur'e 2012.

of the ‘autobiography’ appearing from this moment on also included songs, and their number grew in every new printed edition of both texts (see Rai-Gonneau 2007: 101), while several collections of folk songs from the late 18th and 19th centuries included a *Kain songs* section. It is now clear (and probably it was already at the time) that most of these songs (if not all of them) were not originally related to Kain (see Rai-Gonneau 2007: 101); their constant presence in the book corpus, however, merits attention. Folklorist P. Besonov commented in 1872:

In any case, of these songs there is one that stuck to Kain so strongly that nowadays it is still impossible to separate it from his name. It is the famous *Ne shumī, mati zelenaia dubravushka*. For the connoisseur it is enough to take a look at it or to listen to it once and it is easy to realize that in its origins it is very much more primordial and old than Kain. (...) Such is every similar case in which a song belongs to a well-known epic or historical person, it is for a while his property, and then it passes, together with his

name, in the public domain (Pesni 1872: 71).

The case in point, indeed one of the best-known Russian folk songs, refers clearly to a country setting, and its connection to Kain, a typical city bandit (although he purportedly moved his gang to the Volga for a while, where they spent some time as mounted raiders), appears problematic; Kain’s best friends could hardly be the “good steed” and “taut bow” mentioned in the song, evidence suggesting his favourite weapon is the stick. Making this a ‘Kain song’ is a step towards turning the character into a highwayman, a peasant bandit, a Cossack. Cossacks can be classed among what Eric Hobsbawm (1985: 70) called “social bandits”. The historian considered this kind of banditry a typical peasant phenomenon; however, he admitted that:

where for one reason or another social banditry did not flourish or had died out, suitable criminal robbers might well be idealized and given the attributes of Robin Hood (...). Thus, in eighteenth-century France, England and Germany celebrated underworld characters like Dick Turpin, Cartouche

and Schinderhannes substituted for the genuine Robin Hoods who had disappeared from these countries by that time (Hobsbawm 1985: 39).

Kain was called “The Russian Cartouche” by Komarov, who published his story under the same cover as the translation of a German life of the latter.¹¹ Applying the same interpretive categories to Panteleev would

¹¹ D. Mordovtsev, a historical novelist who wrote an essay about Kain in the second half of the 18th century, thought that he was somehow envious of the glory of the Volga highwaymen and tried consciously to become one of them: “The mob Kain had joined was not such – they were simple city thieves. In their environment you can see nothing poetic, nothing charming, while in the Volga highwayman’s environment there really was something charming for a daredevil, and this charm constituted in a sense the moral force of the Volga highwaymen. Kain himself felt this difference between the modest role his fate provided him and the one the Volga highwaymen played, and consequently, aiming to raise his status in his own eyes and in the others’, did not restrain from posing: he wanted to present himself as a ‘gallant rogue’; he loved to sing daring songs (...); but in any case he was not able to raise himself to that ideal position where, in the eyes of the people, and first of all of the ragged, stood the *atamans* of the Volga highwaymen Zametaev, Berkut, and, further off, Razin, Ermak, Kudeiar, Kol’tso and so on” (Mordovtsev 1876: 31-32).

be, of course, a risky operation – social banditry, according to Hobsbawm, flourished in preindustrial societies, and the not-so-few songs about Panteleev are mostly pop songs by well-known authors produced for commercial purposes.¹² There is one interesting, albeit dubious, exception: many versions of Panteleev’s story mention a song, allegedly widespread in Petrograd at the time:

Len’ka Panteleev,
The terror of the
detectives,
Bracelets on his wrist,
Blue eyes...¹³

These lines are from Polonskaia’s poem. The poem is clearly modeled on Blok’s *Twelve*, and it is of course possible that the author included lines from an existing song, just as Blok used lines from the *Var-*

¹² There are at least two Panteleev songs in the corpus of the contemporary, impressively popular, *blatnaia pesnia* or criminal song: one, written by Anatolii Polotno, appeared in his 1990 album *Privet ot Len’ki Panteleeva*, the second was sung by Vika Tsiganova in her 1991 *Guliai, anarkhiia* album; another one is included in a 2007 record by one of the senior Russian rap groups, Bad Balance, titled *Legends of Gangsters*.

¹³ See, for instance, Stepanov 2002, Tarasov 2005: 80-81; Lur’e 2012. Even in the *Sledstvie veli* documentary these lines are read, not sung.

shavianka. Or, if they were actually written by her (using a clearly recognizable song-like, rhythmical pattern to give the feeling of a real street-song), they could have been turned into a song by the common people. However, while the ‘song’ is quoted quite often, we were not able to discover any clues as to its tune. A definitive answer is hardly likely to be reached, but a realistic one might be found by turning the problem upside down: those who wrote about Pantelev merely needed a song, possibly a folk song, in order to construct the image of a social bandit, “the kind of outlaws about whom men sing ballads: champions, heroes and avengers” (Hobsbawm 1985: 36). In the stories about Pantelev almost all the characteristic attributes of the social bandit as outlined by Hobsbawm are present, albeit often under discussion (we read that Len’ka “was no Robin Hood” more often than the contrary – this means, however, that authors felt compelled to discuss the possibility); he was famed, if not for stealing from the rich and giving to the poor, for at least not robbing proletarians (that is to say, members of his community). He had turned outlaw because he was a victim of injustice (in many of the different accounts

of his dismissal from the ChK) and he was believed to be invulnerable; according to some versions he abstained from harming women (“*s babami ia ne voiuu*”).¹⁴ Finally, according to Hobsbawm, social banditry “seems to occur in all types of human society which lie between the evolutionary phase of tribal and kinship organization, and modern capitalist and industrial society, but including the phases of disintegrating kinship society and transition to agrarian capitalism” (Hobsbawm 1985: 18); Pantelev is a hero at the time of the temporary restoration of capitalism during NEP. It is, of course, hazardous to apply this kind of model to such different conditions (Hobsbawm himself repeatedly warns against it). However, the coincidences, nevertheless, are striking. Every text about Pantelev calls him the hero of a myth spread through the lower classes of Petrograd, but it is now virtually impossible to test the veracity of this information. It is in any case likely that Robin Hood, Van’ka Kain, the ‘social bandit’, may simply have been the only blueprint available to writers looking for a way to tell Len’ka’s story. Various additional traits are de-

¹⁴ According to the *Sledstvie veli* documentary.

veloped in the corpus, and they often passed from one text to the other to grow closer to the actual model. In the following pages, we will pursue this hypothesis to its rational conclusion: it is here that the comparison with the case of Kain can become the source of useful insights.

Genre is the issue in question and the Kain stories doubtless belong to a specific one, that of criminal biography, which was at the time well established in Europe. The English case is the best known, perhaps because, as some scholars maintain, criminal biography had its greatest development there, or perhaps because its relationship with Defoe's work drew the attention of researchers. These texts may well be interpreted as a Russian import of a European genre (See Rai-Gonneau 2007: 101). The Panteleev corpus is less easily defined, as it is composed of texts belonging to different genres, from poems to newspaper articles. The complex relationship between them, however, contributes to a blurring of the differences. Two examples may help clarify this point.

Sheinin's work is ambiguous in its generic characteristic. It belongs to a collection of texts that present themselves as factual:

Zapiski, Notebook, a definition which usually applies to memoirs.¹⁵ The bulk of the collected texts are first-person tales with exact names and dates that, be they true or false, are no doubt intended to be taken as factual. This, however, does not concern every single one of them – in the introduction, the author refers to the texts comprising the book as *ocherki* and *rasskazy*, 'sketches' and 'stories' (Sheinin 1984: 16) – and *Len'ka Panteleev* is one of the cases most likely to fit more easily into the second class. Sheinin's *Len'ka* is a gentleman outlaw, appearing at parties of the wealthy in a dinner suit, robbing the guests whilst displaying excellent manners, proposing toasts to the hostess and even leaving a visiting card with a greeting to the police. The scene repeats itself, after his escape from jail, at the fashionable Donon restaurant, where he flirts with his lawyer's partner. At Donon, according to the account published in the «Sud idet» magazine, Panteleev with one of his gang had been arrested for drunkenness.¹⁶ We might

¹⁵ A partial translation of this book has appeared in English as *Diary of a Criminologist* (Sheinin 2003).

¹⁶ He managed, however, to escape before reaching the police station thanks to the fact that he had not been recognized as the widely-sought bandit.

therefore consider Sheinin's work as an exercise in pure and traditional fiction, and his use of the name of a historical character more or less casual; but then, how to explain the fact that some of the episodes and details he first mentions reappear in purportedly factual accounts? Even the most obviously literary detail – the visiting card, which, of course, comes from the tales about Arsène Lupin – is presented in the *Sledstvie veli* serial and in Andrei Kolesnik's *Banditskii SSSR* as fact and dinner jacket raids on parties and restaurants found their way into 'documentary' accounts long before. Sheinin's story, therefore, has been treated as a fully legitimate source by writers working after him and the corpus appears to have more and more details of spurious origin, which pass freely from one text to another, irrespective of their generic specificity.

Kniazev's book is defined as a novel on the title page; why then the continual mention of exact dates of events and of exact addresses where they took place, why the repeated inclusion of documents, with no guarantee of their authenticity, but in a form that gives the impression that they might well be real? In general, even the more overtly fictional texts in the corpus

(such as Khaetskaia's novel or the *Life and death* TV serial) takes great care in showing that Len'ka's first raid was on the apartment of the fur-trader Bogachev, on 39, Kazanskaia street, on 3rd March 1922, at four (or three) in the afternoon, when Mr. Bogachev and his wife were not at home, although their daughter Emilia was sick in bed. Panteleev's partners-in-crime bear the same names everywhere: Belov, Gavrikov, Varshulevich and so on, though often they have very different biographies and characteristics. On the other hand, this obsession with concrete details at times generates comical effects: from the very first account, i.e. the «Sud idet» article, we know that, after Len'ka's killing, his body was displayed for some days at the morgue, so that city dwellers could be assured that the fiend was indeed dead. Subsequent reports go as far as to specify the location of the hospital and its morgue, however sometimes it is the Mariinskaia, other times the Obukhovskaia, other times again the Aleksandrovskaia.

Recent Panteleev texts tend to include (with increasing frequency) allegedly original documents, the real status of which is usually unclear. This happens even in a rap song, where an ar-

ticle from «Krasnaia gazeta» (republished in «Sud idet») is quoted but introduced as a secret report to Dzerzhinskii. The general impression that modern versions of Panteleev's story leave is that their sources are rather to be sought in previous texts – both fictional and factual. The Panteleev corpus, moreover, offers a rare occasion to observe *in situ* the process of creating fiction on the basis of factual accounts. Unsurprisingly, coincidence is one of the devices most frequently used: in the *Rozhdennaia revoliutsiei* serial, the head of security of the State bank, killed by Panteleev while running from the police, is the detective hero's neighbour and friend, whereas the bandit is recognized at the Donon restaurant by the hero's wife. In the *Life and Death* serial the detective, Kondratev, was Len'ka's colleague and friend at the time that the latter worked in the ChK. Based on the fact that Kondratev was the last name of both the detective leading the search for Len'ka and the prison guard who helped him escape from prison, Kniazev makes them cousins. However, the same strategy is adopted, for instance, in the *Sledsvtie veli* documentary: every account mentions the fact that, when he was arrested for the first time at the

Kozhtrest shoe-store on the Nevskii prospekt, Panteleev killed the head of the third department of the Petrograd militia, Pavel Bardzai (or Borzoi, or Barzai). The latter had entered the store to buy himself a pair of sandals and had fallen upon the bandit. Barzai, about whom much detail is given (and a photograph is shown) was in charge of the search for Panteleev. This may be the truth; but how curious that Kondratev, passing by, ends up putting handcuffs on Len'ka!

Both Sheinin's and Kniazev's texts, therefore, are untypical of the fictional genres to which, individually taken, they appear to belong. While factual accounts of the case display fictional features, the difference appears blurred in the corpus. The features of the individual texts could be better explained if we include them all together in the same category – that of criminal biography.

The case of Kain is not very different: research has proved that “the autobiography is not a reliable historical source” (Raï-Gonneau 2007: 104), however historians used it as such throughout the 19th century. As for Komarov's book, it is usually read as a novel, or proto-novel. In the introduction, the author reveals his sources; he had spo-

ken to Kain when the latter was detained for questioning in Moscow and to people who knew him well. The decision to write came after he had read the autobiography (most likely, in fact, the short text), which "...although [...] copyists committed big mistakes [...] however, based on the content, we should think that the original must have been written either by Kain himself or by someone else according to his [oral] narrative" (Komarov 2008: 283). Komarov, therefore, vindicates the reliability of his writing, while criticizing a preexisting text on the same subject.

Such vindications are almost ubiquitous in 17th- and 18th-century criminal biographies (see Faller 1987: 197-200), as well as in early novels, whose connection to the genre of criminal biography has already been demonstrated (see Davis 1980: 116-118). In fact, Lennard Davis, a specialist on early English novel, maintains that the genre could originally have been one for all – that of prose narrative (what he calls the "news/novel discourse"), where "no narrative form had become the locus of what we might call today nonfiction" (Davis 1978: 125-27), where "the factuality or fictionality of a work was not crucial to defining the genre of that work before

approximately the second quarter of the eighteenth century" (*ibid.*: 130). This is merely a hypothesis, and it is for historians of 17th-18th century English literature to discuss it. However, if we accept it as true, the Panteleev corpus should be considered as proof that, in Russia (as regards, of course, popular literature, a category to which, anyway, the texts considered by Davis doubtlessly belonged as well) this distinction has not yet been firmly established: there appears to be no elements, neither in the paratexts, nor in the texts, allowing to finally identify an unambiguous pact, either referential or fictional (see Lejeune 1989: 22), nor does this appear to be the authors' aim.

There is another way in which the Panteleev corpus appears to be archaic: according to Michel Foucault, "broadsheet literature" on crime disappeared together with the punishment as spectacle, and was substituted, in the new disciplinary society, by newspapers and the crime novel, constituting together

...a patient attempt to impose a highly specific grid on the common perception of delinquents: to present them as close by, everywhere present and

everywhere to be feared. This was the function of the *fait divers*, which invaded a part of the press and which began to have its own newspapers. The criminal *fait divers*, by its everyday redundancy, makes acceptable the system of judicial and police supervisions that partition society; it recounts from day to day a sort of internal battle against the faceless enemy; in this war, it constitutes the daily bulletin of alarm or victory. The crime novel, which began to develop in the broadsheet and in mass-circulation literature, assumed an apparently opposite role. Above all, its function was to show that the delinquent belonged to an entirely different world, unrelated to familiar, everyday life. This strangeness was first that of the lower depths of society (*Les Mystères de Paris*, *Rocambole*), then that of madness (especially in the latter half of the century) and lastly that of crime in high society (Arsène Lupin). The combination of the *fait divers* and the detective novel has produced for the

last hundred years or more an enormous mass of 'crime stories' in which delinquency appears both as very close and quite alien, a perpetual threat to everyday life, but extremely distant in its origin and motives, both everyday and exotic in the milieu in which it takes place (Foucault 1991: 286).

Developing a possible parallel between this phenomenon and the formation of the modern distinction between fact and fiction as outlined by Davis would be a very delicate endeavour, which will not be pursued here. What appears to be particularly relevant for the purpose of this article is the political interpretation of the transition from '*ancien régime*' criminal biography to the modern crime novel. The former was, in the words of Foucault, an essential component of the punitive system:

In one sense, the broadsheet and the death song were the sequel to the trial; or rather they pursued that mechanism by which the public execution transferred the secret, written truth of the procedure to the body, gesture and speech of the

criminal. Justice required these apocrypha in order to be grounded in truth (*Ibid.*: 66).

This kind of literature, however functional, contained serious flaws and would have been of little use because of the development of the disciplines involved:

But the effect, like the use, of this literature was equivocal. The condemned man found himself transformed into a hero by the sheer extent of his widely advertised crimes, and sometimes the affirmation of his belated repentance. Against the law, against the rich, the powerful, the magistrates, the constabulary or the watch, against taxes and their collectors, he appeared to have waged a struggle with which one all too easily identified (*Ibid.*: 67).

Hence its substitution by the detective novel/news pairing.¹⁷ Its

¹⁷ An interpreter of English criminal biographies points out – coming close to Foucault’s time scale – that “From the 1750s onwards... a new strand of crime literature emerged in which the detection process was the main, sometimes

survival well into the twentieth century appears to be closely connected to the peculiar situation of Soviet Russia.¹⁸ Pantelev’s story is loaded with political overtones, and there is hardly a text that avoids a political interpretation. Their conclusions, however, strongly differ from one another.

Polonskaia’s poem set the tone by presenting Len’ka’s criminal choice as the reaction of a revolutionary to the restoring of capitalism during NEP:

We stood against the
palace.
I was in the first line at the
storm
For freedom! For bread!
For peace!
War to the capitalists!
“Go die, old world!”

They shivered, the bitches
At the sight of our flags!
And now they just laugh,

the only, topic” (Rawlings 1992: 25). Jeffrey Brooks (2003: 208) underlines the substitution of tales of banditry by detective stories in Russia after the revolution of 1905.

¹⁸ Foucault’s own interpretation of the Soviet penitentiary system was somewhat hesitant (see Plamper 2002); tentative readings in Foucaultian terms of both this system (Dobrenko 2001) and of the Soviet system as a whole (Engelstein 1993) constantly underline their contradictory nature.

They disdain the sailors!
(Polonskaia 1925: 114).

NEP is depicted as the paradoxical situation in which the Bolshevik police are protecting the bourgeoisie:

The leather jackets will
stand guard over the city
For the fat and rich to sleep
peacefully.

[...]

Sleep safe, jeweler!
The old word won't die out!
The revolution is here to
protect you... (*Ibid.*: 115)

Robbing them, therefore, becomes the logical thing to do for an old communist.¹⁹

This paradox, played down in different ways, repeats itself at the core of every text. In Sheinin's story, after the robbery at

the Donon restaurant, a significant scene takes place:

For a minute a heavy silence reigned in the restaurant, then a corpulent, aged man in a dinner suit jumped up from a table and, pulling off his fashionable pince-nez with a golden chain, eyes wide open with strain, gave off a heart-rending yell:

- The police! The police right now... Hey, boy, phone the police...

A gray-haired, skinny waiter respectfully bent down towards him and said, quietly but distinctly:

- It's six years already that there's no police anymore, sir. The militia I will phone right now... (Sheinin 1984: 167)

The author's position is self-evident; so self-evident, in fact, that a disclaimer had to be added to the story:

The fact is that all these romantic details and eccentric tricks were just cheap props and a cynical game.

Under the roughly and fondly painted mask of the 'gentleman robber', the

¹⁹ Eighty years later, Kniazev explicitly maintains the same stance. During NEP, he writes, a class system emerged again, "And if there are two classes, there is also class hatred. And people will always be found who, out of desperation or as a matter of principle, will decide to 'again expropriate what has been expropriated' by any means. There were not so few of these people, and, like a dark cloud, they kept the whole town in a state of fear" (Kniazev 2001: 6).

valiant knight, the boy next door and the 'terror of the NEP' hid and lived a circumspect, greedy, cold-blooded and very dangerous criminal, ready to the most horrid crimes (*Ibid.*, 157).

Given his peculiar position as head of the investigative section of the Soviet State Procuracy, Sheinin's contradictions are particularly enlightening. Of all Soviet crime writers, he can be considered the closest to the government positions. His *Notebooks* are filled with sympathy for the criminals, the "socially friendly element" as compared to the bourgeoisie (and the intelligentsia, constantly suspected of sympathizing with the bourgeoisie) – they also feature many stories exemplifying their conversion to conscious builders of the socialist future (see Fitzpatrick 1999: 78-79).

The identification of the reader with the criminal, in this context, should not necessarily be avoided; to a certain extent, in fact, it is even to be sought after. Sheinin's paradox is the paradox of Soviet power – a revolutionary power becoming state power whilst pretending to remain revolutionary.

Decades later, the state approach has become dominant,

and, in the *Rozhdennaia revoliutsiei* serial, Len'ka becomes a counterrevolutionary. Every account mentions the fact that a prison guard helped him escape from the Kresty prison; the usual suggestion is that he did this for money. It is often hinted that the militia attempted to ensnare Pantelev at the place that he was supposed to meet and pay the guard. In this version, the guard has become a member of the socialist-revolutionary party, freeing Len'ka for ideological reasons – he considers his criminal career a political act, an 'example'. "Do you promise to carry on the fight until the end?" (In the novel version, even more explicitly: "In essence, you are a terrorist", see Nagorny-Riabov 1984). In this guard's words, criticism of the NEP becomes a party slogan: "The Bolsheviks sold out the revolution", and robbing the NEP bourgeoisie is an anti-communist undertaking.

A similar version, but with a contrasting evaluation, appears in an article in 2002 in the National-Bolshevik «Limonka» newspaper. Here, the guard helping Pantelev is "of peasant origin, filled with fiery hatred for the rich" (Stepanov 2002). This article is entirely aimed at a positive political interpretation of Len'ka's feats: "the *Nepmany* lose their sleep and their peace,

and in the workers' quarters they rejoice".

The «Limonka» interpretation is explained by the journal's peculiar political stance. Compared with the majority of texts of the corpus, here several details are altered and no source is mentioned; e.g. Chmutov, the head of *Gosbank* security killed by Panteleev while running from the police, here becomes "a former workman, now an important *Gosbank* functionary"; Manulevich, robbed of a bag full of money at the corner of Morskaia Street and Pochtamtskii Alley, usually referred to as a member of a cooperative carrying from the bank the money for his comrades' pay, becomes here "the rich man Manuilov". Here, once again, the bandit is on the side of the people fighting against the rich. The governmental position is again highly contradictory: when he comes to the special ChK squad in charge of the search for Panteleev, the author comments: "Yes, this clash emerged when these straight-out fighters for social justice were ordered to catch and destroy others fighting ferociously for the same thing".

The same contradiction can lead to a completely different reading. Eduard Khrutskii remember

his puzzled reaction after reading, as a child, Sheinin's story:

...I pictured a tall, elegant, fine-looking man, taking the money away from the damned bourgeois, and there was no way I could understand why the militia defended the *nepmany* who, how they explained us at school, "drew buckets of blood from the working class" (Khrutskii 2002).

His adult self has a tentative explanation: Len'ka might in fact have been working for the Soviet powers, robbing the NEP bourgeoisie to finance the government. This would help explain why, if he was arrested when working for the ChK, he was only fired, and not executed. It would also explain why he robbed only private apartments and shops, and never a governmental enterprise, and, perhaps, even his escape from prison.

Khrutskii's hypothesis becomes the key around which the plot of the *Life and Death* series revolves. Here, the good, honest Len'ka is tricked by an overtly bad commissar, who has Len'ka working for him and then fails to take responsibility; in a post-Soviet reading, the government is no longer on the side of the people. Even in post-Soviet

times, the serial sparked a reaction – an article in «The Shield and Sword», the Ministry of Internal affairs magazine reads:

Here the film creators seem just the winners over the “false and too hasty Soviet court”. They want to condemn such a noble bandit! The authors of the serial wanted so badly to make a Robin Hood or a Vladimir Dubrovskii out of him.

Thus, the wolfish nature of the bandit and of his accomplices, their cynicism, their cruelty, their impertinence, their greed finally remained off-screen (Liubvin 2007).

Panteleev’s story, therefore, is still the object of discussion even in a fictional reworking. The Petrograd bandit is still the object of political reworkings, including a rap song (where our hero is “At the head of the bare-foot mob” in “The swamp city” which “doesn’t spare the bourgeois”) and even a musical, with a pastiche of songs from the 1920s and with retro-constructivist set design, the plot being overtly inspired by the *Threepenny Opera*. Once again, we encounter the bandit,

the rich, the lower classes, power relations and so on.

Can this unresolved political tension help explain the archaic, Van’ka Kain-like nature of the Panteleev corpus? One more detail can be read through a Foucaultian interpretation: the punitive technique, in the words of Foucault, implied a visible manifestation of power inscribed on the body of the condemned. We mentioned the fact that, after Panteleev’s death, his body was left exposed (though at the morgue and not on the gallows) “at the *nepmany’s* instance”, writes the «Limonka». Moreover, his head was allegedly cut off and preserved in alcohol a fact which, according to Konstantinov’s 1995 book, was a hard-to-believe legend (Konstantinov 2004: 57). However, the fact appears to be true. According to *Sledstvie veli*, the original jar was found some years ago at the St. Petersburg State University (and was shown in the TV show), while a reproduction of it is on display at the city’s militia museum.²⁰ If true, this offers the most impressive

²⁰ The writer Elena Kaetskaia published a report (with photographs) of her visit to the museum on her blog – <http://haez.livejournal.com/650223.html>, 19 November 2017. The head is mentioned on the museum’s website – <http://kcguvd.spb.ru/museum.htm>, 21 February 2014.

testimony to the mechanisms of the NEP era; in any case, given the insistence on this detail in numerous texts in the corpus, it offers a striking testimony to the

way in which Russian culture perceives itself.

Bibliography

Belykh-Pantelev 1927: G. Belykh, L. Pantelev, *Respublika Shkid: povest'*, Gos. Izd-vo, M.-L., 1927; http://www.respublika-shkid.ru/book/1927/ljonka_pantelev/, 19 November 2017.

Brooks 2003: J. Brooks, *When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861/1917*, Northwestern University Press, Evanston, 2003.

Davis 1978: L. J. Davis, *A Social History of Fact and Fiction: Authorial Disavowal in the Early English Novel*, in E. W. Said (ed.), *Literature and Society: Selected Papers from the English Institute, 1978*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore and London, 1978.

Davis 1980: L. J. Davis, *Wicked Actions and Feigned Words: Criminals, Criminality, and the Early English Novel*, «Yale French Studies», 1980, LIX, pp. 106-118.

Davis 1983: L. J. Davis, *Factual Fictions: The Origins of the English Novel*, Columbia University Press, New York, 1983.

Delo 1925: *Delo shaiki Len'ki Panteleeva*, «Sud idet», 1925, IX-X.

Dmitriev 1967: L. Dmitriev, *Konets Len'ki Panteleeva*, in A. Saparov (ed.), *Chekisty*, Lenizdat, L., 1967.

Dobrenko 2001: E. Dobrenko, *Nadzirat' – nakazyvat' – nadzirat': Sotsrealizm kak pribavochnyi produkt nasiliia*, «Révue des études slaves», 2001, LXXIII, 4, pp. 667-712.

Engelstein 1993: L. Engelstein, *Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial and Soviet Russia*, «American Historical Review», 1993, XCVIII, 2, pp. 338-353.

Esipov 1869: G. Esipov, *Van'ka Kain*, in P. Bartenev (ed.), *Osmnadtsatyi vek: istoricheskii sbornik, kniga tret'ia*, T. Ris, M., 1869, pp. 280-342.

Faller 1987: L. B. Faller, *Turned to account: the forms and functions of criminal biography in late seventeenth- and early eighteenth-century England*, Cambridge University Press, Cambridge, 1987.

Fitzpatrick 1999: S. Fitzpatrick, *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*, Oxford University Press, Oxford and New York, 1999.

Foucault 1991: M. Foucault, *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, Penguin, London., 1991.

Grachev 2005: M. Grachev, *Ot Van'ki Kaina do mafii: Proshloe i nastoiashchee ugolovnogo zhargona*, Azbuka-klassika, Avalon, M., 2005.

Hobsbawm 1985: E. J. Hobsbawm, *Bandits*, Penguin, Harmondsworth, 1985.

Khrutskii 2002: E. Khrutskii, *Krasivyi mif*, «Sovetskaia Belorussia», 07/06/2002, <http://www.sb.by/articles/krasivyy-mif.html>, 19 November 2017.

Khrutskii 2004: E. Khrutskii, *Tainy ustavshego goroda*, Detektivpress, M., 2004.

Kniazev 2001: M. Kniazev, *Len'ka Panteleev: Korol' naletchikov*, Eksmo, M., 2001.

Kolesnik 2012: A. Kolesnik, *Banditskii SSSR: Samye iarkie ugolovnye dela*, Eksmo, M., 2012.

Komarov 2008: M. Komarov, *Obstoiatel'noe i verное opisanie dobrykh i zlykh del rossiiskogo moshennika, vora, razboinika i byvshego moskovskogo syshchika Van'ki Kaina*, in S. Baranov (ed.), *Van'ka Kain*, Eksmo, M., 2008.

Konstantinov 2004: A. Konstantinov, *Banditskii Peterburg: Dokumental'nye ocherki*, Neva, SPb., 2004.

Lejeune 1989: P. Lejeune, *On Autobiography*, University of Minnesota Press, Minneapolis, 1989.

Liubvin 2007: R. Liubvin, *Geroem sdelali bandita*, «Shchit i mech», 2007, IX, <http://www.simech.ru/arhive-nomerov/2007/2447/>, 19 November 2017.

Lur'e 2012: L. Lur'e, *Brat – o: kak lovili Len'ku Panteleeva*, «Ogonek», 03/12/2012, p. 48.

Mordovtsev 1876: D. Mordovtsev, *Van'ka Kain: Istoricheskii ocherk*, Tip. Gratsianskogo, SPb., 1876.

Nagornyi-Riabov 1984: A. Nagornyi, G. Riabov, *Povest' ob ugolovnom rozyske*, Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, Tula, 1984.

Nikitin 2005: A. Nikitin, *Petrogradskii labirint*, «Sekretnye materialy XX veka (X files)», 2005, XIII, 166, p. 115.

Pesni 1872: *Pesni, sobrannye P. V. Kirevskim, izdannye obshchestvom liubitelei russkoi slovesnosti, pod redaktsiei i s dopolneniiami P. A. Bessonova*, vyp. 9, M., 1872.

Plamper 2002: J. Plamper, *Foucault's Gulag*, «Kritika», 2002, III, 2, pp. 255-280.

Polonskaia 1925: E. Polonskaia, *V petle: Liricheskaia fil'ma*, in S. Semenov (ed.), *Kovsh: literaturno-khudozhestvennye al'manakhi, kn. 1*, GIZ, L., 1925, pp. 113-119.

Pristavkin 2001: A. Pristavkin, *Dolina smertnoi teni: kniga 2: Strasti po Van'ke Kainu*, AST, Astrel', Olimp, M., 2001.

Rai-Gonneau 2007: E. Rai-Gonneau, *Van'ka Kain, le Cartouche russe: Essai de biographie criminelle dans la Russie de Catherine II*, «Revue des études slaves», 2007, LXXVIII, 1, pp. 99-105.

Rawlings 1992: P. Rawlings, *Drunks, Whores and Idle Apprentices: Criminal Biographies in the Eighteenth Century*, Routledge, London and New York, 1992.

Razzakov 1996: F. Razzakov, *Bandity vremen sotsializma: Khronika rossiiskoi prestupnosti 1917-1991 godov*, EKSMO, M., 1996.

Rogov 1998: A. Rogov, *Van'ka Kain*, OLMA-press, M., 1998.

Sheinin 1957: L. Sheinin, *Staryi znakomyi: Povesti i rasskazy*, Goslitizdat, M., 1957.

Sheinin 1984: L. Sheinin, *Zapiski sledovatel'ia*, Glavnaia redaktsiia Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii, Alma-Ata, 1984.

Sheinin 2003: L. Sheinin, *Diary of a Criminologist*, University Press of the Pacific, Honolulu, 2003.

Sipovskii 1902: V. Sipovskii, *Iz istorii romana XVIII v. (Van'ka Kain)*, «Izvestiia Otdela russkogo iazyka i slovesnosti Akademii nauk», 1902, VII, 2, pp. 97-191.

Stepanov 2002: V. Stepanov, *Len'ka Panteleev – syshchikov groza*, «Limonka», 2002, CLXXXVII.

Tarasov 2005: A. Tarasov, *Bandity v Rossii*, AST-Astrel', M., 2005.

Tokarev 2000: M. Tokarev, *Len'ka Panteleev: Syshchikov groza*, Detektiv-press, M., 2000.

Tolstaia 2009: E. Tolstaia, *Len'ka Panteleev: Kn. 1: Fartovyi chelovek; Kn. 2: Syn pogibeli*, Amfora, SPb., 2009.

Vasilevskii-Kriuchkov 2004: A. Vasilevskii, P. Kriuchkov, *Periodika*, «Novyi mir», 2004, 2, http://www.magazines.russ.ru/novyi_mi/2004/2/v22.html, 19 November 2017.

Лия Бушканец

Борец с мифом, или мемуарист, считающий себя Гераклом (Антон Павлович Чехов: Опыт характеристики Н.М. Ежова).

The Fighter against the myth, or the memoirist who considers himself a Hercules (*Anton Pavlovich Chekhov: an attempt at a characterization* by N.M. Ezhov).

The article is devoted to the scandalous memoirs of Nikolai Ezhov about Chekhov, in which the author was considered an average writer and a greedy and petty man. The memoirs are analyzed in the context of the history of the formation of the literary reputation of Chekhov. The article is based on archival resources, newspapers and journals of the early twentieth century. The aim is to show that these kinds of memoirs try to resist the idealization of the writer by the public. However, this strategy often brings to reduction and simplification.

В 1909 г. журналист и весьма средний беллетрист Н. Ежов опубликовал значительную по объему и программную по содержанию мемуарную статью *Антон Павлович Чехов: Опыт характеристики*. Он сразу же предупредил читателей, что все материалы, появлявшиеся в печати после смерти Чехова, недостоверны: письма Чехова литературны, т.е. фальшивы, ценность записок “гг. воспоминателей” он еще более отрицал: они “представляют собой сплошной хвалебный хор”, потому досадно и обидно за Чехова, “когда читаешь белиберду какого-нибудь исступленного воспоминателя” (Ежов 1909а: 500-501). А вот его, Ежо-

ва, цель – полная объективность честного биографа, желание установить “истинный размер” Чехова как человека и писателя. В сущности, он поставил перед собой героическую задачу: он один своими воспоминаниями хотел изменить сложившееся к этому времени представления о Чехове.

Популярность Чехова среди интеллигентной и полунинтеллигентной публики уже со второй половины 1890-годов была огромна. Чехова узнавали на улицах, искали встреч с ним: “Обаяние личности Чехова в Ялте было так велико, что перед ним на улице снимали шляпу совершенно незнако-

мые люди, а он страшно при этом конфузился. Но часто назойливым приставанием ему причиняли прямо страдания. Помню такой случай. Сидим мы на скамеечке в Александровском сквере, разговариваем, смотрим на морской простор... Мимо проходит какой-то студентик с двумя барышнями. Увидав писателя, он о чем-то шушукается со своими спутницами, потом быстро подходит к Чехову, снимает фуражку и спрашивает: 'Вы – Чехов?..' – 'Да, Я!..' – растерянно отвечает А.П. – 'Больше мне ничего не нужно!..' И я видел, как краска залила бледные щеки Чехова. 'Как неделикатно и назойливо!' – прошептал он мне" (Менделевич 1914).

Сразу после смерти Чехова на Россию обрушился настоящий вал мемуаров. "Ни об одном русском писателе еще не появлялось в короткий срок одного года после его кончины такого количества воспоминаний о нем, рассказов о встречах с ним, случайных разговоров и подхваченных на лету 'словечек', отрывков из писем и т.д.", – писал в 1906 г. критик и литературовед Ф. Д. Батюшков (Батюшков 1906: 3). Мемуары сразу стали предметом активного обсуждения в периодической печати через

рецензии, полемические отклики, фельетоны и пародии, многочисленные перепечатки. Но мемуаристы не могли не учитывать ситуации 'всемирной любви к Чехову', были вынуждены смягчать личные, идейные и литературные разногласия. Рассказывая о случайной встрече, они с восторженным пафосом восклицали: каким 'деликатнейшим человеком' был наш 'незабвенный писатель', 'певец сумерек', которого так мучила тоска за свою больную родину и серую русскую жизнь: "Все воспоминания и характеристики свидетельствуют прежде всего о необыкновенном обаянии Чехова, которому подчинялись лично его знавшие, об его умении с каждым обойтись не только приветливо, но с какой-то задушевной лаской, и лишь в редких случаях он давал отпор, уходил в себя, старался отделаться, приняв сухой тон или прибегая к насмешке" (Батюшков 1906: 4). А рецензенты, попавшие под гипноз 'тихого и теплого обаяния', ревностно следили за сохранением идеального образа мягкого, доброжелательного, исключительно правильного и добродетельного человека с 'кроткой душой' и утверждали, что в интересах памяти писа-

теля те или иные факты просто не должны попадать в печать.

И. Анненский в письме от 5 июля 1905 г. Е. М. Мухиной отреагировал на сложившуюся ситуацию так: “Газеты полны теперь воспоминаниями о Чехове и его оценкой или, точнее, переоценкой. Даже «Мир Божий», уж на что, кажется, Иван Непомнящий из пересыльной тюрьмы, и тот вспоминает.. Любите ли Вы Чехова?.. О, конечно, любите... Его нельзя не любить, но что сказать о времени, которое готово назвать Чехова чуть-что не великим? Я перечел опять Чехова... И неужто же, точно, русской литературе надо было вязнуть в болотах Достоевского и рубить с Толстым вековые деревья, чтобы стать обладательницей этого палисадника... Ах, цветочки! Ну да, цветочки... А небо? Небо?! Будто Чехов его выдумал. [...] Я чувствую, что больше никогда не примусь за Чехова. Это сухой ум, и он хотел убить в нас Достоевского – я не люблю Чехова и статью о *Трех сестрах*, вернее всего, сожгу... Господи, и чьим только не был он другом: и Маркса, и Короленки, Максима Горького, и Щеглова, и Гнедича, и Елпатьевского, и актрис, и архиереев, и Батюшкова... Всем угодил – ласковое теля... И все это теперь об нем

чирикает, вспоминает и плачет, а что же Чехов создал? [...]

Простите мне ненужную желчность этих страниц... Боюсь их перечитывать, боюсь их посылать... Никогда не говорите мне об этом письме, пожалуйста” (Анненский 1905).

Понятно, что в этом контексте статья Н. Ежова была воспринята как вызов и спровоцировала практически всероссийский скандал. Одобрительных отзывов Ежов получил немного – несколько читательских писем, опубликованных им же самим, но против мемуаров выступили все крупные газеты и критики.

С Ежовым Чехов был знаком с середины 1880-х гг., помог устроиться московским корреспондентом газеты «Новое время» (где он, в основном, вел фельетон *Московская жизнь*). В конце 1880-х гг. имена Чехова и Ежова как многообещающих молодых талантов в некоторых рецензиях стояли рядом, затем, естественно, разошлись – хотя Ежов и не был с этим согласен.

Первые мемуары о Чехове, скромный фактографический очерк, он опубликовал уже в июле 1904 г.: “Не как простой обозреватель московской жизни, по обязанности отмечающий события текущих дней, а как старый товарищ, горячий

поклонник и человек, много обязанный и глубоко благодарный, хочу говорить о Чехове”. И рассказал об идеальном человеке: Чехов изумительно красив (волнистые волосы, задумчивое лицо, мечтательные глаза, ласковая улыбка), восхитительно добр, удивительно справедлив. Начинающие беллетристы, драматурги, поэты начинали “кишеть в его кабинете”, но в любое время Чехов давал товарищеские советы, ободрял. Литературная слава его росла, его стали окружать актеры-премьеры, генералы, известные писатели, но к бывшим сотоварищам он всегда относился ласково и внимательно: “Быть может, у него несколько кружилась голова от этого успеха, но гордости, надменности никогда не было”. Первые свои рассказы мемуарист писал под влиянием бесед и советов Чехова, тот правил их перед отправкой в «Новое время». Ежов торжественно пообещал, что та помощь и дружеское участие, которые он, когда-то начинающий писатель, одинокий, встретил со стороны большого писателя, создали вокруг Чехова в его глазах такой “лучезарный ореол”, который не померкнет для него до конца дней (Ежов 1904). Мемуарист, пожалуй, слегка переусерд-

ствовал в елейной интонации, чем и вызвал иронию известного театрального критика А. Кугеля: “Он все визиты к Чехову помнит. Частенько-таки бывал, и всякий раз какое-нибудь свое произведение в подарок Чехову привезет, а тот все читал и читал их. В рукописи! Наслаждений-то сколько! От переизбытка наслаждений, может быть, и умер так рано!” (Кугель 1904)

На несколько лет «Новое время» потеряло интерес к Чехову – без внимания осталась даже первая годовщина со дня его смерти. И вот появляется нашумевшая статья. Мемуары Ежова 1909 года интересны с трех точек зрения: важно понять, насколько они достоверны, на их материале можно выявить технологию создания мемуарного текста, задача которого – борьба с мифами о писателе, показательна также реакция общества, критики и литературоведения на такого рода тексты.

Жизнь и литературную деятельность Чехова Ежов традиционно для критики начала XX века делит на три периода: сотрудничество в *Осколках*, «Петербургской газете» и «Новом времени»; сотрудничество в «Русской мысли» и «Северном вестнике»; сотрудничество с Художественным театром.

Наиболее плодотворным он, естественно, считал первый период. Вопреки сложившейся 'либеральной версии' (первый период – юмористический, второй – сотрудничество в солидных изданиях: короткий период «Нового времени» и основной в «Русской мысли»), он рассматривал Чехова юмористических изданий и Чехова «Нового времени» вместе, чтобы доказать, что талант был замечен, развит, отшлифован в «Новом времени», что Чехов попал в газету благодаря 'недреманному оку' ведущего критика газеты В. Буренина, который рекомендовал писателя Д. Григоровичу и А. Суворину. С утверждением либеральных изданий, что Чехова открыл Григорович, он решительно не согласен: «Новое время» принесло писателю славу – он стал самым модным писателем Петербурга. Дальнейшая его литературная карьера быстро достигла зенита, но слава совершенно изменила Чехова: «Он стал суховат с прежними благоприятелями. [...] Критиковать его произведения запросто, по-приятельски, стало уже страшно. Он постепенно отодвинул от себя авторитеты, встал в роли критика даже по отношению к большим писателям», возмнил о себе не как

о литераторе в удаче, а как о гении, чего на самом деле не было. Не мудрено, что Чехов попал 'в западню', в «Русскую мысль». Результат не замедлил сказаться – он сразу упал как писатель. В *Попрыгунье* Ежов увидел “низменные страсти”, “мелочность и злобную мстительность”, поездка на Сахалин, странная пьеса *Чайка* – это все метания из стороны в сторону, писатель, сам себя произведший в гении, искал гениального сюжета, новременские успехи показались ему мизерными, он потерял свой путь. Он сильно полевел, но и от этого как талант не выиграл. Чехов-драматург Ежову также абсолютно несимпатичен. Само обращение к драматургии объяснено выгодой этого занятия: “Чехов любил заработать побольше, любил большие гонорары...” (Ежов 1909а: 507). Основные черты Чехова-человека Ежов вывел из его мещанского происхождения (подумайте, какой Ежов марксист оказался, иронизировал один из критиков): “Но если мы вспомним детство Чехова, его торговлю в лавочке отца, его прежнюю бедность, мы многое поймем в обиходе Чехова [...]. Когда он продал Марксу свои сочинения за 75 тыс. рублей, все почему-то закричали: ‘Чехов мало взял!’ Но

Чехов недаром был по природе купец” (Ежов 1909а: 508-509).

Словом, Чехов был малообразованным, малоодаренным, до предела самолюбивым, жадным до денег человеком, который, пока им руководил Суворин, писал более-менее неплохие рассказы. Как отметил по этому поводу критик В. Крайнихфельд, “скупой торгаш (купец по природе), обуреваемый к тому же вполне низменными страстями, Чехов с портрета Ежова выглядит каким-то дегенератом, который попал не в арестантские роты, а в литературу только попустительством Суворина и неба. Глядишь на этот портрет и удивляешься – не столько даже уродству обезображенного Чехова, сколько тому сладострастию, с каким портретист выполняет свою неблагодарную работу” (Крайнихфельд 1910: 125).

Технология снижения образа писателя, мифологизированного обществом, проста и одинакова во все времена: писатель объявляется не соответствующим некоему идеальному образу в упрощенном сознании среднего человека. Он жадный, а должен быть щедрым, обижал людей, а должен был обладать всемирной отзывчивостью, пил водку, а должен был быть трезвенником, критиковал коллег-

писателей, а должен был от восхищения ими порвать свои рукописи, и так далее. А главное – он писатель средненький. Обращен такого рода текст всегда к читателю – носителю средней морали.

Но мотивы такого мемуариста не будем упрощать. Конечно, нельзя забывать о зависти, которую Ежов наверняка испытывал к Чехову: сыграло роль то, что он пытался вслед за Чеховым попасть не только в «Новое время», но и следовать за ним далее в «Русскую мысль», хотя в большую литературу его ‘не взяли’. Но главное не в личной обиде.

Во-первых, в 1909 г. Ежов попытался исправить свою былую ошибку. Противоречия между двумя выступлениями не смущали его, он даже не потрудился оправдаться за публикацию 1904 года. Теперь он горд собой, тем, что рискнул пойти против господствующей в обществе либеральной политической силы и выступить в защиту газеты, в которой служил.

Дружба Суворина и Чехова, сотрудничество последнего в «Новом времени» всегда занимали общественное внимание. Е.А. Динерштейн отметил, что не просто Чехов отошел от Суворина и газеты, но на самом деле расхождение и раздраже-

ние были взаимными. Об этом свидетельствуют, например, отзывы Суворина на произведения Чехова, написанные после ухода из газеты. Кроме того, если Суворин и не решался открыто выразить накопившееся раздражение при жизни Чехова, то ближайшее окружение, бывшее в курсе всех перипетий их отношений, хорошо знало, что они были уже не столь лучезарны, как прежде (Динерштейн 1987). Так, отрицательные рецензии В. Буренина, который связывал то, что талант писателя не развивался, с появившимися за последние годы у Чехова стремлениями писать с “солидно-либеральными тенденциями” (Буренин 1895), сопровождали практически все новые произведения Чехова, естественно, не без ведома Суворина. Но когда смерть Чехова проявила огромную читательскую любовь к нему, газете пришлось напомнить, как много дало Чехову сотрудничество с ней, и этим оправдать себя. По числу чеховских материалов газета занимала летом 1904 года одно из первых мест. Два больших некролога были опубликованы уже 3 июля, и в одном из них газета напоминала, что сотрудничество Чехова началось 15 февраля 1886 года и именно после большого успеха в газете

он начал печататься в толстых журналах.

О том, что в 1909 году Ежов попал в тон, свидетельствует одобрение его Сувориным и Бурениным. А. Амфитеатров удивлялся, почему Ежову было разрешено напечатать свои инсинуации в журнале, принадлежащем фирме Суворина, поскольку он верил, что Суворин сохранил любовь к Чехову (Амфитеатров 1910). Е. А. Динерштейн нашел архивные материалы – запись Ежовым встречи с Сувориным. Получив возмущенное письмо М. П. Чеховой, Суворин пригласил к себе Ежова: “Впрочем, он находит, что я чересчур резко напал на Чехова, что этого делать не следовало. Со мною Суворин был очень любезен, и я думаю, что он нисколько на меня не сердится за Чехова. В этом случае г-жа Чехова мне сильно помогла своим доносом” (Динерштейн 1987: 136-137). В письме Ежова от 22 сентября 1914 года читаем: “Мне придется, говоря более всего о Суворине, касаться и других лиц, в т. ч. и Ант. Чехова. Вы советуете мне воспользоваться случаем и, отдавая истине предпочтение перед личным, принести нечто вроде покаянного псалма. Извиняюсь, я этого сделать никак не могу. Если бы я это совершил, полу-

чилося бы как раз впереди личное – в ущерб истине. Я написал о Чехову одну горькую правду. Покойный С. Н. Шубинский находил мою характеристику вполне верной, В. П. Буренин прислал мне большое письмо, где советует даже издать мою статью о Чехове как статью, весьма правильно рисующую личность Чехова – и человека, и писателя. Сам А. С. Суворин в конце концов говорил: ‘Не понимаю, за что напали тогда на Ежова! Я на днях вторично прочитал его статью о Чехове. Есть в ней очень немного черточек, которые следовало бы вычеркнуть – о Книппер, например, напрасно сказано, что она еврейка. Но статья интересна. Знаете, я бы, если бы вздумал писать о Чехове, наговорил бы в десять раз хуже’. Эти слова переданы мне тем лицом, кому были сказаны. Впрочем, прошу Вас быть в покое. Ничего ‘страшного’ о Чехове я не скажу. Напротив, воздержусь от всяких критических выводов. Чехову я всегда готов отдать должное, как очень талантливому писателю, но все-таки писателю второстепенному. Недавно я говорил о нем с А. С. Сувориным, с которым очень давно не виделся. Вспоминали мы прошлое, вспомнили и Антона Павло-

вича. И, поверьте, вспомнили добрым словом” (Ежов 1914). Прямо обосновывал свою позицию мнением Суворина Ежов в своем мемуарном очерке 1915 года. Он привел восторженные рассказы Чехова о Суворине (Ежов 1915: I, 118). Десятый раздел специально посвящен тому, что Чехов был многим обязан Буренину и Григоровичу, но Суворину – всем, потому что именно он отыскал Чехова в мелкой прессе и способствовал его славе: по свойству своей природы делать людям добро, Суворин отдавал Чехову столько отцовской ласки и любви, что тот должен был до гробовой доски это ценить и помнить (Ежов 1915: II, 453). Но “откровенные и проникнутые горьким чувством упреки Суворина раздражали Ант. П. Чехова”, “он и физически был нездоров” – в результате “очень жаль, что все так вышло”. И хотя “у А.С. Суворина, говорят, был дурной характер. Что ж, разве Суворин не человек” (Ежов 1915: II, 452-455, 463), он искренно любил Чехова: “А. С. Суворин, узнав о смерти Чехова, этого цветка, пересаженного с его гряды немелкими руками, – написал горячую статью, посвященную памяти Антона Чехова. Статья эта известна всем [...]. Впо-

следствии, увидавшись с Суворониным и рассказывая ему о встрече и похоронах, я услышал от него фразу: ‘Москва умеет ценить людей, и Чехов стоит общих слез и сожалений. Беда в том, что он не так, как бы следовало, распорядился при жизни и своим дарованием, и своим здоровьем’” (Ежов 1915: III, 864).

В 1944 году в журнале «Октябрь» были опубликованы письма Чехова к Ежову, сопровождавшиеся комментариями П. С. Попова, опиравшегося на устные комментарии самого Ежова. Сообщалось, что в 1914 году мемуарист хотел переиздать воспоминания отдельной книгой и обратился к В. Буренину с просьбой написать предисловие. Книга не вышла, Буренин предисловия не написал, но воспоминания одобрил (Попов 1944: 133-134).

Так что демифологизирующие мемуары, частично порожденные личной завистью, в то же время отвечают на потребность той или иной общественной группы, которая незримо стоит за спиной мемуариста и поддерживает его. В одиночку выступить против большинства мемуарист вряд ли бы решился.

Еще один вопрос – о достоверности мемуаров.

Мемуары Н. М. Ежова в советские годы не перепечатывались и были практически забыты. В крайнем случае, о них отзывались мельком как о курьезе. В 1990-2000-е, когда возник спрос на сенсации, литературоведы и биографы В. Рынкевич (Рынкевич 1998), Д. Рейфилд (Рейфилд 2011) и др. стали активно к ним обращаться (Черменская 1995), появились и перепечатки (Среди великих 2001). Отношение литературоведов колебалось от сомнений к полному принятию того, что сообщал Ежов.

Ежов был вполне искренен в своей попытке рассказать о Чехове – но искренность намерений не является синонимом достоверности. И в то же время вопрос о достоверности в данном случае не может быть решен однозначно.

Ежов в своей статье хотел сделать “посильную оценку” литературной деятельности “покойного симпатичного писателя” и сообщить “кое-какие факты из его жизни, рисующие Чехова как человека”: “Право, вся шумиха поднята по недоразумению. Заподозрили – и даже люди очень благоразумные – развенчиванье Чехова, чего на самом деле вовсе не было. Всем моим читателям, корреспондентам и критикам я заявляю одно: приступая к

характеристике Чехова, я желал сказать о нем правдивое слово, в котором нет ни лести, ни недоброжелательства. Допускаю, что у меня есть ошибки, но и это заранее было оговорено в моей статье. Я просил меня поправить, если что не совсем верно, а меня стали поносить и ругать, особенно те, кто даже не прочитал мою статью. Да, трудно у нас теперь говорить горькую правду. Но совесть моя спокойна, и готов встретить новые нападки. На брань и гадкие ответы отвечать не буду... [...] Знакомые из Петербурга писали мне: ‘Чтобы идти вразрез с огромным большинством, надо иметь большой запас мужества. Смотрите, вам достанется от ярых чеховцев’”. Кроме того, Чехов состоял в лагере, где партийность исключает ‘всякую надежду на справедливую критику...’ (Ежов 1909б: 596 и 607) Он писал, что если бы он вычеркнул поступки Чехова с Левитаном или с моделью для искаженного портрета в *Ариадне*, то бы обманул читателей (Ежов 1909а: 508).

Какую правду имел в виду Ежов? Мемуарист знал Чехова с 1880-х гг., когда работа над собой молодого провинциала, только прибывшего в Москву из Таганрога, еще только начиналась: в Чехове сильны

были черты, связанные с мещанским мироощущением, он бывал груб и резок, побазаровски самоуверен и эпатан, иногда и невоспитан. Ежов, прочитавший десятки восторженных мемуаров об очаровательном Чехове, помнил его иным и писал: ‘Собирая материалы для биографии незаурядного деятеля, – Чехов же был деятель крупный и блестящий, – всякий должен отдать себе отчет: для кого он пишет, для друзей усопшего деятеля или для широкого круга публики: для друзей и родных пишутся панегирики, что особенно к лицу деятелю сомнительному, а для правильного понимания выдающегося писателя, артиста, художника и т.п. следует рисовать точный его портрет. Помоему, начав писать биографию Чехова, ни один биограф не имеет права утаить яркие факты жизни этого литератора, хотя бы сам по себе иной факт показывал Чехова в невыгодном освещении. Так поступил и я, собрав о Чехове все светлое, украшающее, но точно так же упомянул и о том, что не прибавляло Чехову в его достоинствах. И я не злорадовался, а скорбел, приводя примеры падения его таланта или уклонов в сторону с прямого пути. Этого, кажется,

не понял ни один критик, вступивший со мной в полемику” (Ежов 1909б: 597).

Внешняя грубость в общении была свойственна всему молодому поколению разночинцев 1880-х годов, чаще всего интеллигентов в первом поколении. Кстати, грубовато-фарсовая манера проявилась даже в тоне воспоминаний и беллетристических произведений И. Щеглова, Михаила Чехова и некоторых других: подобный тип поведения остался для них привычным, Чехов же провел огромную работу над собой. Об этих чертах раннего Чехова не принято было писать в мемуарах (о мертвых либо хорошо, либо ничего), но иногда эти черты молодого писателя отражались в романах, прототипом героев которых был Чехов. В 1895 году П. Боборыкин опубликовал в журнале «Вестник Европы» роман *Ходок*. В нем есть герой – писатель Малышев. Независимость его суждений об общественной жизни и людях не просто удивила, но потрясла практически идеального главного героя. Между ними зашел разговор об общем знакомом: “Только ведь они слишком уже наивно веруют в свои миссии. [...] Я никого и не виню, граф. Энтузиазм – хорошая штука, только надо чо-

рту прямо в глаза смотреть. Все мы, сколько нас ни есть – литераторы ли, ученые ли, земцы ли, статистики ли, педагоги ли... нас только терпят, как необходимое зло! – не больше’. Таманцев ожидал от Малышева смелости взглядов, но не того тона и не такой подкладки. [...] Малышев засмеялся довольно добродушно и показал свои большие и свежие зубы. [...] ‘Кто спорит! – продолжал все в том же тоне Малышев. – Малый он душевный; но знаете, граф, такие, как Илья Ефимович – а их целый легион, – для меня, например, как для беллетриста – менее занимательны, чем темный народ, какого я вон здесь, в полпивных и притонах Сенной откапывал. [...] Я психию каждого из них знаю до тошноты. Знаю, что он мне будет рассказывать про себя; знаю, какое он о себе мнение имеет, какие книжки читал, во что верит, чего ждет, кого считает Мессией. И все почти на один шаблон. Еще женщины выдаются покуръезнее. А мужчины для меня совершенно выдохлись. То ли дело, – одушевился он, и глаза его красиво блеснули, – то ли дело, когда встретишься с каким-нибудь махровым червонным валетом, с блистательным прошедшим! Просто

объединение! [...] Вот, который год я читаю про себя в наших честных, – он протянул слово, – органах печати. И все одна и та же канитель! Господин Малышев не показывает нам, каковы его идеалы. Печально видеть, как в молодой генерации беллетристов все уходит на культ формы'... И так далее, и так далее... И все отчего? Оттого, что вы не хотите ничего подслащивать, ни интеллигенции, ни народа, не хотите позволять себе пошлостей, в виде поучительных тирад и жалких слов” (Боборыкин 1897: 41, 43-45).

Потому многое из рассказанного Ежовым действительно могло быть. Но А. Амфитеатов дал свой комментарий к некоторым чеховским словам или поступкам:

Эпизод о Билибине, рассказанный г. Ежовым, истолкован мемуаристом, задавшимся целью ‘во всем дурное видеть’, в злобном смысле, которого не только ‘друг’ Чехова, но и человек, хоть сколько-нибудь его знавший, никогда бы этому отзыву не придал. Г-н Ежов пишет: ‘Его (Чехова) друг, покойный В. В. Билибин, рассказывал: ‘Встретил я Чехова. Не-

узнаваем. Сказал мне: вы бы выслали мне свои водевиль, я поеду скоро к Черному морю, буду их читать, прочту один – и за борт, прочту другой – туда же...’ Это очень оскорбило Бибиллина, но, как человек воспитанный и вежливый, он и виду не показал, что обижен старым приятелем по Осколкам. По-моему, тут есть только одна несомненная правда: что В. В. Билибин был действительно человек необычайно воспитанный и вежливый. Но, кроме того, он был человек с большим самолюбием, и не вздорным, не крикливым, а настоящим джентльменским. Так что, если бы Чехов сказал ему вышеприведенные насмешливые фразы с целью оскорбить, то, полагаю, г. Ежов жалобы от В. В. Бибиллина на то не услышал бы. Но г. Ежову просто угодно истолковывать в скверном для Чехова смысле обыкновеннейший товарищеский разговор в том условно-ироническом тоне, который был общим в молодых литературных компаниях 80-х и

начала 90-х годов и отголосков которого каждый из нас может найти и в своих воспоминаниях о Чехове, и в сохранившихся его письмах – сколько угодно. Но никому из нас и в голову не приходило ни вообразить, будто Чехов нас тем обижает, ни считать за то Чехова злодеем своим. Как аукалось, так и откликалось. Чехов подсмеивался и дразнился, и над Чеховым подсмеивались и дразнились. Да и сам он был мастер трунить над собою и произведениями своими и доходил в этом самоосмеянии иногда до того, что поклонников, и в особенности поклонниц, его весьма коробило, а иных и почти до слез раздражало. В то время еще не было эпидемии литературной мании величия, и человек, написав дюжину рассказов или десятка два стихотворений, не спешил вообразить себя великим творцом, если не самим богом, а писание свое – божественным таинством [...] При таком автоскептицизме, так сказать, богемный тон взаимной добродушной

насмешливости, естественно, становился господствующим, и никто никогда не думал им обижаться, ни принимать его всерьез, кроме двух-трех ‘дутиков’, носивших себя от младости, яко сосуды с драгоценною влагою, которую, ах, не расплескать бы. [...] Да если даже и серьезно Чехов сказал Билибину резкое слово свое, то он был и прав, и вправе сказать. В.В. Билибин был человек талантливый. [...] Но Билибина потянуло к авторству для сцены – и на самую убийственную для таланта отрасль ее: в водевиль. Напек он водевилей бесчисленное количество, и большинство их имело успех у публики, но в литературе не остался ни один. [...] Чего же, в самом деле, заслуживает какой-нибудь “Цитварный ребенок”, как не быть брошенным за борт по прочтении? Водевильных начинаний своих Билибин сам конфузился. [...] Так что в фразах Чехова, которые г. Ежов пытается изобразить каким-то надменным генеральским злопыхательством, не звуча-

ло решительно ничего, кроме дружеского, товарищеского предупреждения: бросил бы ты, милый человек, заниматься глупостями, – ничего хорошего из того не будет” (Амфитеатров 1909).

Многое в воспоминаниях Ежова имеет отношение к действительности. Так, Ежов говорит о грубости и резкости молодого Чехова, его неправильном образе жизни, испортившем здоровье, – в этом признавался и сам писатель, отголоски находим в его письмах: “Издание стоит 200 руб. Пропадут эти деньги – плевать... На пропивку и амуры просаживали больше, отчего же не просадить на литературное удовольствие?” (Чехов 1974: 111-112). Ежов с возмущением рассказал о том, что Чехов правил самого (!) Л. Толстого – известна стилистическая правка Чеховым рассказа В. Короленко.

И вот когда молодой грубоватый Чехов 1880-х годов стал кумиром общества, он не смог этого принять. Ежов был не пасквильантом – он был искренним защитником того, что считал правдой со своей фарисейской точки зрения (нельзя править Толстого, например), в

силу поставленных задач и личной ограниченности видел ситуацию именно так, и интерпретация мемуариста делает ‘факт’ неправдой.

Бурная полемика по поводу воспоминаний выявила показательные в отношении общества к такого типа мемуарам моменты.

Часть критиков объяснила позицию Ежова завистью. В. Кранихфельд писал, что отношение Ежова к Чехову напоминает отношение Сальери к Моцарту: “Я нахожу их выступления закономерными и нормальными и даже нахожу, что без них прославление имени Чехова было бы неполным. Как у всякого предмета, освещаемого солнцем, есть тень, так у каждой настоящей, заслуженной известности непременно есть завистник. [...] Но Ежов – типичный завистник самого низменного пошиба. [...] Сколько мне помнится, Чехов, никогда не забывавший старых связей, относился к Ежову с обычной теплотой и даже что-то для него устраивал, так что к зависти тут еще присоединилась и неблагодарность” (Кранихфельд 1910: 125 вт. паг.). “К глупости мы отнесемся с пренебрежением, а к зависти с омерзением” (Потапенко 1910), – считал И. Потапенко.

Ряд критиков связал мемуары с «Новым временем». П. Сакулин отмечал: “Об одном только не догадывается наш критик и мемуарист, что можно было знать человека и в то же время совершенно не понимать его внутренней жизни [...] ‘Сырой материал’ г. Ежова то и дело срывается на разоблачения, а его ‘характеристика’ – на плоское суждение о человеке, которого он едва сумел понять с одной внешней стороны”. Эту ограниченность позиции Ежова Сакулин прямо связывает с долгим сотрудничеством в «Новом времени» (Сакулин 1909). “Г-н П. Сакулин расправляется со мной и с истинной с полной бесцеремонностью”, – возмущался Ежов, особенно возмутил его прием пересказа своими словами: “и получается нечто грубое, нелепое. Читатели введены в заблуждение, и многие могут подумать, что это я так плохо и плоско наговорил про Чехова” – а это на самом деле Сакулин, литератор бедный и неуклюжий, пишущий вульгарным языком: “Вот хоть эта фраза, будто бы мною написанная про Чехова: ‘Захваленный и самообольщенный беллетрист захотел быть наравне с Толстым, но так и не вышло из него не только Толстого, но и Тургенева, и Гончарова, и даже

Лескова. Таланта не хватило’. С такой хлесткостью не совсем хорошего тона г. Сакулин написал всю свою статью, но ни в чем меня не опроверг”. А намек на «Новое время» вообще был назван “неопрятной выходкой”: “Честное слово, от сотрудника «Русских ведомостей» я ждал приемов несколько благороднее! пусть же читатели оценят по достоинству уловки прогрессивного сотрудника прогрессивной газеты...” (Ежов 1909б: 601).

А. Измайлов выразил общее мнение, призвав публику закрывать глаза на недостатки великих людей. Критик не сомневался в правдивости Ежова, более того, он считал, что “в воспоминаниях г. Ежова ничего нет, что было бы неудобным, неприличным в литературном смысле: ни залезания в личную семейную жизнь Чехова, ни при жизни всех ему близких неудобных разоблачений, ни оскорбительного тона. Все – в пределах строго-литературной статьи, с неоднократными заявлениями о симпатичности общего облика Чехова, об авторских добрых чувствах к нему. Может быть, совсем немного нужно было бы вычеркнуть, чтобы статья соответствовала своему подзаголовку ‘Опыт характеристики’[...]”. Он призывал: “Поща-

дите нас с вашей 'высшей справедливостью' и оставьте нам 'возвышающий обман'! Пусть образ, который мы создали по произведениям Чехова и по рассказам о нем Короленки, Горького, Куприна, Сергеенки, Тихонова, – несколько идеализирован! Но оставьте нам этот красивый образ неомраченным в укор и утешение нашей серой постылой обывательщины..." (Измайлов 1909а, Измайлов 1909б). Ежов справедливо посмеялся: во имя тезиса "тьмы низких истин нам дороже нам возвышающий обман" критик призывает забыть, что Шекспир крал дичь, Вольтер имел вставные зубы, а лорд Бэкон брал взятки, и верить, что Пифагор слышал гармонию сфер, Магомет беседовал с ангелами, а Беатриче была сверхъестественно хороша: "...я старался быть объективным, беспристрастным. Я рисовал не карикатуру, а портрет писателя [...] Дело, впрочем, вот в чем: я и г. Измайлов совершенно по-разному смотрим на Чехова. Он видит в нем первоклассного русского писателя и ставит его имя рядом с именами Шекспира, Байрона, Пушкина. Я Чехова с такими гениями не сопоставлю и называю писателем средним, отчасти подражательным. Но в своей статье я

отнюдь не уподоблялся 'толпе, жадно читающей записки о великих людях, чтобы видеть их унижение', – храни меня Бог от этого! Но вот когда чуть не в хрестоматию начали вводить, как правило, что Чехов – 'великий писатель земли русской', что он 'выше Тургенева' и 'равен Толстому', да еще, вдобавок, едва ли не Христос по прекраснодушию, я позволил себе протестовать и пробовал определить истинные размеры таланта и деятельности Чехова; я хотел дать несколько верных и характерных черточек, из которых рисуется личность писателя, и сделал это честно, не тайком, не надевая маски псевдонима. Но вот выступает деликатный г. Измайлов и зовет мои факты 'низкими истинами'. Что же должен обозначать у г. Измайлова 'возвышающий обман'? Вероятно, то, когда биограф не только 'немного' вычеркнет темных случаев из жизни знаменитости, но даже преувеличит его солидные добродетели?" (Ежов 1909б: 597-599).

Все эти авторы рассматривали воспоминания Ежова прежде всего с этической точки зрения. Но Ежов был по-своему прав, иронически высмеивая эти отзывы и отмечая неустойчивость предложенного этического критерия в оценке

мемуаров: для него Чехов не был великим человеком, соответственно, он не обязан следовать в воспоминаниях о нем моральным ограничениям.

Воспоминания Ежова А. Амфитеатров отправил М. Горькому на Капри. Тот откликнулся крайне эмоционально: “Ежова получил [...] Иногда вся Россия кажется покрытой прыщами и нарывами [...] а в толстой коже ее все шарахаются серенькие паразитики [...] творя яды гнилые” (Горький 1988: 194). А. Амфитеатров рассчитывал, что Горький напишет об этом к юбилейным дням января 1910 года, но тот ограничился этими словами о прыщах. В 1913 – 14 годы А. Лазарев-Грузинский, начинавший с Ежовым в *Осколках*, начал работать над воспоминаниями, которые должны были опровергнуть факты и мемуары Ежова в целом. Работа была закончена лишь в 1920-е годы и фактом литературно-критической жизни 1910-х годов не стала (Лазарев-Грузинский 1986).

Вопрос о достоверности мемуаров не стал актуальным для полемики 1909–1910 годов. Да и позиция мемуариста, в них высказанная, не была новой: Ежов просто довел до логического конца широко обсуждавшиеся идеи о ‘трех Чехо-

вых’, об обыкновенности и даже мелочности его натуры, о бессмысленности его драматических произведений и т.п. Практически то же самое, что написал Ежов, высказали ранее критики, мемуаристы самых разных направлений (Н. Михайловский, И. Ясинский, В. Буренин). Почему же тогда публикация Ежова вызвала взрыв негодования? Пять лет, прошедших после смерти писателя, были годами быстрой идеализации Чехова: “Мне было тошно от той сусальной одежды, в которую нарядили Чехова его чрезмерные поклонники (г. Измайлов зовет таких господ ‘безвкусушками’), и я своей статьей протестовал против ‘засахаривания’ (выражение также г. Измайлова) Чехова, против пошлости тона воспоминателей, а главное – чего не увидал ни один критик – против оскорбления и унижения светлой памяти великих писателей [...] перед которыми Чехов – былинка, озаренная этими могучими и живительными лучами. Оскорбляясь на мою статью за Чехова, господа журналисты лучше бы оскорбились за классиков русской литературы...” (Ежов 1909б: 597-599).

В посмертной литературной судьбе почти каждого писателя всегда есть ниспроверга-

тель, более или менее успешно привлечший внимание к своим выпадам. Это героические борцы с мифом о великом писателе Н. И в случае с Чеховым идеализация его породила борца за его 'честный облик'. Такой Геракл, считающий, что он разгребает 'авгиевы конюшни', выдвигается на литературную арену, когда достигает своего апогея миф о писателе – появившись эти статьи или книги раньше (когда миф еще не сложился) или позже (когда хрестоматийный глянец уже окончательно прилип), они пройдут или незамеченными, или к ним отнесутся как к курьезу. В этом процессе идеализации писателя есть момент, когда ниспровергатель чувствует, что у него по-

явилась действительная возможность повлиять на общественное мнение – чаще он ошибается и даже достигает противоположного: такие публикации сплачивают силы мифотворцев в борьбе с определенным оппонентом. Такого рода мемуары есть в комплексе воспоминаний о многих писателях и созданы они по одной и той же схеме в соответствии с задачей их авторов: попытаться противостоять идеализации писателя в публике. Но сама по себе неплохая задача часто решается не путем усложнения образа писателя, а путем его снижения и упрощения.

Библиография

Амфитеатров 1909: А. Амфитеатров, *Записная книжка* // «Одесские новости», 27 авг. и 20 сент. 1909.

Амфитеатров 1910: А. Амфитеатров, *Записная книжка* // «Одесские новости», 17 янв. 1910.

Анненский 1905: И. Анненский, *Письма Е. М. Мухиной*: <http://annensky.lib.ru/names/muhiny/muhina1904-1905.htm#5>, 25 декабря 2017.

Батюшков 1906: Ф. Батюшков, А. П. Чехов по воспоминаниям о нем и письмам. *На памятник А.П. Чехову: Стихи и проза*. СПб., 1906.

Боборыкин 1897: П. Д. Боборыкин, *Собрание романов, повестей и рассказов: В 12 тт*, издание А.Ф. Маркса, т. IX. СПб., 1897.

Буренин 1895: В. Буренин, *Критические очерки* // «Новое время», СПб., 27 янв. 1895.

Горький 1988: М. Горький и русская журналистика начала XX века. *Неизданная переписка «Литературное наследство»*, т. ХСV, Наука, М., 1988.

Динерштейн 1987: Е. А. Динерштейн, А. П. Чехов и А. С. Суворин. // *Книга: Исследования и материалы. Сб. IV*, Книжная палата, М., 1987.

Ежов 1904: Н. Ежов, *Антон Чехов: Мое с ним знакомство, встречи, впечатления*. «Новое время», СПб., 10 июля 1904.

Ежов 1909а: Н. Ежов, А. П. Чехов: *Опыт характеристики*, «Исторический вестник», СПб., 1909, VIII, с. 499-519.

Ежов 1909б: Н. Ежов, *Моя статья о Чехове: Беседа с читателями.*, «Исторический вестник». СПб., 1909, XI, с. 595-607.

Ежов 1914: Ежов Н. *Письмо от 22 сентября 1914 г.*, Российский государственный архив литературы и искусства, фонд 2567, опись 2, единица хранения 278.

Ежов 1915: Н. Ежов, А. С. Суворин: *Мои воспоминания о нем, думы и соображения*. «Исторический вестник». СПб, 1915, I, с. 110-138; II, с. 450-469; III, с. 856-879.

Измайлов 1909а: А. Измайлов, *Возвышающий обман и низкие истины*, «Русское слово», М., 15 авг. 1909.

Измайлов 1909б: А. Измайлов, *Развенчанный Чехов*, «Биржевые ведомости», СПб., 16 авг. 1909.

Кранихфельд 1910: Вл. Кр. [Рец. на кн.: Фидель. *Новая книга о Чехове: Ложь в его творчестве*] «Современный мир», СПб., 1910, I.

Кугель 1904: Квидамъ, *Воспоминания: Пародия*, «Русское слово», М., 15 июля 1904.

Лазарев-Грузинский 1986: А. Лазарев-Грузинский, *Чехов* // А. П. Чехов в воспоминаниях современников, Художественная литература, М., 1986, с. 86-121.

Менделевич 1914: Р.А. Менделевич, *Клочки воспоминаний*, «Раннее утро», М., 2 июля 1914.

Петров 1909: Г. Петров, *На барском дворе*, «Русское слово», М., 25 авг. 1909.

Попов 1944: *Письма А.П. Чехова к Н. Ежову* / Комм. П.С. Попова со слов Н. Ежова, «Октябрь», М., 1944, VII/VIII, с. 133-143.

Потапенко 1910: Фингал. *Впечатления бытия: Посмертные друзья*, «Биржевые ведомости», СПб., 2 янв. 1910.

Рейфилд 2011: Д. Рейфилд, *Жизнь Антона Чехова*, Б. С. Г.-Пресс, М., 2011.

Рынкевич 1998: В. Рынкевич, *Ранние сумерки*, Армада, М., 1998.

Сакулин 1909: П. Сакулин, *Новый взгляд на Чехова*, «Русские ведомости», М., 20 авг. 1909.

Среди великих 2001: *Среди великих: Литературные встречи* // Сост., предисл., коммент. М. М. Одесской, Российский гос.гуманит.ун-т, М., 2001, с. 193-250.

Черменская 1995: Г. В. Черменская, «Я искусил единого из малых сих...»: А. П. Чехов и Н. М. Ежов // *Чеховиана: Мелиховские труды и дни*. Наука, М., 1995, с. 278-314.

Чехов 1974: А. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем: В 30 тт. Письма: В 12 тт.*, Наука, т. I, М., 1974.

Светлана Маслинская

‘Мнимые биографии’ советских детских писателей

‘Imaginary biographies’ of Soviet Children’s Writers

This article focuses on the process of establishing the genre of the biography of Soviet children’s writer from the official autobiographies of the 1930s to the biographical essays of the 1950s-1970s based on the study of auto/biographical texts targeted to a specific circle of experts, i.e. critics, editors and pedagogues. The article aims also to identify the functions of the auto/biographical narratives of children’s writers in the Soviet literary system of the period 1930-1970.

История биографического письма о детских писателях – это история формирования самого понятия “детский писатель”. Оно появилось в последней четверти XIX века и долгое время критики и педагоги работали над тем, чтобы отделить детских писателей от взрослых. В попытках сформировать нового участника литературного процесса эксперты детского чтения предлагали промежуточные статусы: “взрослый, но пишет и для детей”, “взрослый, но читают и дети”, “собственно детский писатель” и пр. В силу ряда причин (развитие книжного рынка, появление массового детского читателя, идеологический заказ) в первые два десятилетия XX века цех детских писателей существенно расширился. Количественный рост писателей, адресующих

свои произведения детям, привел к тому, что в 1920-е годы начало складываться их авторское и групповое самосознание, а вслед за ним и необходимость облечь в нарратив жизненный и творческий путь литератора, пишущего для детей. Эта необходимость была связана и с еще одним фактором – в 1910–1920-е годы в общественном сознании деятельность на почве детской литературы решительно переосмысливается: из второстепенной она переходит в разряд эстетически значимой. В таких случаях, случаях выдвижения нового типа писателя, происходит создание различных биографических репрезентаций этого нового типа литератора (Дубин 2001). К началу 1930-х годов советские детские писатели, окрепнув и накопив портфель

опубликованных произведений для детей в профильных детских издательствах, почистив свои ряды от ‘бывших’¹, оказались готовы к тому, чтобы претендовать на биографию во всех ее жанровых разновидностях, начиная с автобиографии и прижизненного биографического очерка и заканчивая официальным некрологом в периодической печати. Сказалось и особое отношение М. Горького к Маршаку, к его работе по привлечению авторов в детскую литературу. Горький поддерживал участие детских писателей в 1934 году: они принимали самое активное участие в организации Съезда Союза писателей² и организовали в октябре свою секцию в Союзе писателей. Но биографий у них по-прежнему не было. Возникал правомерный во-

прос: кто такие нынешние детские писатели, какого происхождения те, кто по призыву партии и Маршака пришли в детскую литературу? Бывшие? Бывалые? Литкружковцы? Селькоры? Пикоры?

Наблюдалось и встречное движение: дети обращались к писателям с просьбой рассказать о себе, например, Надежда Шер, анализируя корреспонденцию, приходящую в детский отдел ГИЗа, приводит такой пример читательского запроса: “Мне очень охота видеть вас, опишите вашу жизнь и как вас зовут” (Шер 1931: 38). Писатели медлили с ответом.

В своей статье я хочу осветить процесс формирования жанра профессиональной биографии советского детского писателя: от официальных автобиографий в 1930-е годы к биографическому очерку 1950–1970-х годов. Основной материал – авто/биографические тексты, предназначенные для профессионального цеха – взрослых и детских писателей – и экспертов (критиков, редакторов, педагогов); авто/биографические произведения детских писателей для детей привлекаются в той мере, в какой они проясняют контекст формирования профессиональной биографии. Такой отбор материала обу-

1 В 1920-е по указателю И.И. Старцева общее число авторов – 2472 (Старцев 1933). Среди двух с лишним тысяч определенное место занимают дореволюционные авторы и/или школьные классики, но большинство авторов, печатавшихся до революции было вытеснено: около 60 % – это новые ‘авторы-однодневки’, опубликовавшие в 1920–1932 годы одно-два произведения и сошедшие со сцены.

2 Об участии детских писателей в организации съезда см.: Стенограмма первого организационного совещания детских писателей. 26.X.34 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 8. Ед. хр. 6.

словил второй фокус исследования – выявление функций авто/биографического нарратива детского писателя в советской литературной системе 1930–1970-х годов.

В преддверии биографии: 1920-е годы

До 1930-х годов автобиографии и биографии детских писателей не становились предметом общественного интереса: мне не встретилось ни одной публикации, в которой бы детский писатель рассказывал о своем пути в *детскую литературу*³. Представление о том, что детский писатель достоин отдельной биографии, а не заметки в жанре ‘литературного портрета’, начало формироваться в 1924 году, когда вышла биография А. Серафимовича, получившая новое характерное название *А. Сера-*

³ Тем временем биографические очерки, посвященные классикам, включенным в школьное преподавание и рекомендательные списки литературы, печатались начиная с 1880-х годов, например, сборник биографических очерков *Искры Божьи*, составленный Анной Орестовной Островинской (Островинская 1885), содержал биографии П. Ершова, В. Жуковского, Н. Новикова, М. Сервантеса, Д. Свифта. И здесь речь идет о биографических произведениях, адресованных детям, встраиваемых в общий дидактический канон ‘жизни замечательных людей’.

фимович как детский писатель, что можно считать первым опытом конструирования нового функционального поля у ‘взрослого’ современного писателя. Автором этой книги был Н.А. Саввин, известный на тот момент критик и исследователь детской литературы, склонный ругать писателей-современников (К. Чуковского) и хвалить “корифеев взрослой литературы”, писавших произведения для детей (Саввин 1905: 61).

Во второй половине 1920-х годов не опубликовано ни одной профессиональной авто/биографии детского писателя, но в литературе для детей постепенно складывается биографический образ детского писателя. Через два года, в 1926 году, А.Н. Жаворонкова, рассуждая о новой биографической книге для детей, призывает создавать биографии писателей-современников, жизненный путь которых должен вызвать у детей “интерес к художественной литературе” (Жаворонкова 1926: 116). Она по сложившейся традиции рифмует биографии писателей с биографиями ‘замечательных людей’ и утверждает, что “биографии выдающихся людей представляют интерес и в воспитательном отношении. Здесь мы всегда можем

дать нашим читателям и образцы стойкого духа, большой силы воли, героического самопожертвования за общее дело и пр.” (Жаворонкова 1926: 116). Через два года сотрудница Наркомпроса и заведующая отделом детской книги Госиздата Злата Лилина, разбирая новинки биографического жанра, будет высоко оценивать изображение детства Рылеева в книге Лидии Тыняновой (Тынянова 1926), так как “это приближает описываемое лицо к ребенку-читателю” (Лилина 1928: 25).

И вот на рубеже 1920–1930-х годов появляются первые автобиографические художественные произведения писателей для детей – А. Гайдара и Л. Кассиля, а через несколько лет, в 1938 году, публикуется автобиографическая повесть К. Чуковского. Однако никакой ‘детской’ специфики в этих произведениях мы снова не обнаружим, они – часть литературной традиции изображения детства, восходящей к произведениям второй половины XIX века (подробнее см. Valina 2008). Основная задача этих автобиографических ретроспекций – показать, как на фоне ломки общественного строя рождаются новые советские люди, но то, что они вырастут в детских писателей из

этих автобиографических произведений никак не следовало.

То же самое можно сказать и о предназначенных для детей биографиях культовых писательских фигур вроде М. Горького: И. Груздев *Жизнь и приключения Максима Горького* (1926) и Д. Юрьев *Вестник бури* (1931). В статье Д. Заславского, посвященной второму произведению, формулируются расхожие к тому моменту требования к биографии выдающегося современника: “Марксистская биография (для старшего и младшего возраста одинаково) – это не ‘житие’, а отрывок из истории классовой борьбы, представленной в лицах. Горький сам это превосходно сделал в своих воспоминаниях, в очерках о своих ‘университетах’. И по этому пути должны идти его биографы” (Заславский 1931: 39). Жизнь писателя как “отрывок из истории классовой борьбы” – такова конечная установка нарождающейся общей советской биографии литератора. Тем не менее именно с начала 1930-х годов предпринимаются попытки специфицировать жизненный путь детских писателей.

*Рождение автобиографии:
1930-е годы*

Во взрослой периодической печати 1930-х годов время от времени выходили статьи в жанре 'литературного портрета', в названиях которых акцентировалась область приложения творческих сил писателя: *Маяковский как детский писатель* (1930), *М. Пришвин для детей* (1935), *Виктор Шкловский в детской литературе* (1939), *Зощенко для детей* (1939). Но и в них характеризуются особенности творчества, а не путь в детскую литературу. То же можно сказать и о литературных портретах Свирского и Бианки – *Путь А. Свирского* (1931) и *Творческий путь Виталия Бианки* (1933) – в них нет ни слова о детстве писателя, не привлекаются автобиографические сведения, чтобы интерпретировать их творчество для детей. Анализ произведений ведется вне биографического подхода: авторы литературных портретов предпочитают оставаться в границах марксистской критики, за что получают похвальную оценку из уст критиков (см. например: Штейнберг 1933: 1–4)⁴.

⁴ Впрочем, уже в 1935 году подходы Евгения Штейнберга будут аттестованы Лидией Кон как "типичное проявление все того же левацкого вуль-

Пожалуй, первой попыткой авторефлексии по поводу пути писателя в детскую литературу стала статья Агнии Барто *Детским писателем нужно родиться*, опубликованная в «Литературной газете» в январе 1934 года. Она апеллирует к уже расхожей формуле: "Белинский говорил, что детским писателем нельзя сделаться, нужно им родиться" (Барто 1934). И все же, как рождается детский писатель и каковы знаки предначертанности именно такой писательской судьбы, Агния Барто не пишет, сразу переходя к описанию своей повседневной работы по изучению детской жизни." В феврале 1934 года та же «Литературная газета» публикует маленькую, но примечательную заметку *Молодые писатели – детской литературе*, которая представляет из себя характерную иллюстрацию к призыву заводских рабочих в детский писательский цех. В ней сообщается, что "китобои, инженеры, пожарные, летчики, химики, моряки, зоологи и т. д." уже пришли в детскую литературу и теперь очередь за заводскими "молодыми писателями и литкружковцами"

гаризаторства с его тенденцией превращения каждого литературного произведения для детей в учебник политграмоты" (Кон 1935: 113).

(Б. М. 1934). Именно перед ними, кружковцами, выступают опытные московские детские писатели З. Александрова, А. Барто, С. Злобин, А. Кожевников, О. Перовская и М. Рудерман. Они “рассказали, как они пришли в детскую литературу, делились творческим опытом, читали свои произведения” (Б. М. 1934). Эти устные автобиографические мемораты, по-видимому, первые ласточки, предвещающие планомерную работу над созданием официальной авто/биографии советского детского писателя.

Через неделю, 28 февраля 1934 года, с очерка о Борисе Житкове «Литературная газета» начинает публиковать серию статей-медальонов – литературных портретов Веры Смирновой, Корнея Чуковского, Виталия Бианки, Льва Кассиля, Агнии Барто, Леонида Пантелеева. Эти портреты “прекрасных мастеров” (Гриц 1934) были призваны продемонстрировать высокую, и даже образцовую, работоспособность ‘детского’ цеха в преддверии августовской встречи на Первом съезде писателей. В этих очерках характеризуется творчество авторов, работающих для читателя-ребенка, утверждается, что взрослым писателям есть чему

поучиться (Т. Гриц указывает, что “в арсенале советской детской литературы целый ряд изобретений, которые окажут влияние на взрослую литературу” (Гриц 1934)). Но писательская биография этих мастеров, адресуя свои произведения детям, не проявлена, особенности творческого пути детского писателя не обозначены.

И вот в статье Сергея Ауслендера *Как я стал детским драматургом*, вышедшей в июле 1934 года в детском номере журнала «Театр и драматургия», впервые прочерчивается траектория пути советского литератора в детскую литературу:

Печальной и сумрачной кажется мне судьба тех писателей, которые все штормы революции пережили более или менее спокойно – в той же квартире, в окружении знакомых шкафов и диванов, в кругу тех же людей, занятий, мыслей, чувств, того же обихода. Я, растерявший все это, не завидую им. Война, а затем революция вынесли меня из той башни слоновой кости, в которой томились художники дореволюционного

периода. Носила меня судьба по фронтам, теплушкам, далеким городам, глухим деревням. По-новому узнавал новую жизнь. Будто в ускоренном виде, опять прожил детство, юность, зрелость, учился жизни, ошибался, познавал. И вот среди вновь открытых миров нашел новый для меня, увлекательный мир детей (Ауслендер 1934: 36).

Сергей Ауслендер конструирует биографию детского писателя, родившегося до революции, в зрелом возрасте пережившего Гражданскую войну и, прожив жизнь “в ускоренном виде”, вернувшись в детство. Авангардистское стяжение времени, кинематографично-симультаный жизненный путь, модернистское любование детством — все эти черты ауслендеровской автобиографической конструкции призваны легитимировать приход писателя к детской аудитории. В устах Сергея Ауслендера такая траектория жизненного пути – от взрослых к детям – звучит попыткой обосновать свой уход из взрослой литературы в ‘царство детей’, который бывшими

соратниками по взрослому цеху не приветствуется:

Путь детского писателя и драматурга не усыпан розами. ‘Взрослая’ общественность не очень-то балует нас. Еще очень часто приходится встречать отношение почти пренебрежительное.

Многих это уязвляет, они мечтают стать ‘настоящими’, ‘взрослыми’ писателями и драматургами. Если им удастся уйти, пусть уходят. Остаться должны только те, которые чувствуют важность, ответственность работы для воспитания бодрой, здоровой, коммунистической смены, остаться должны только те, для которых эта работа интересна, привлекательна, значительна (Ауслендер 1934: 36).

Сергей Ауслендер, так же как и Андрей Иркутов в своей более ранней статье *Нужен ли детский писатель* (1931)⁵, пытаются представить детскую литературу как пристанище писателей, любящих детей

⁵ Более подробно об этой статье и контексте ее появления см. (Маслинская 2014).

настолько, что только им и могут они адресовать свои плоды вдохновения. Ни Сергея Ауслендера, ни Андрея Иркутова эта ниша детской литературы не спасла: первый был расстрелян в конце 1937 года на Бутовском полигоне, второй – там же через год.

В последовавшие после Съезда писателей месяцы детские писатели старательно благоустраивали цеховую инфраструктуру: создали Бюро секции детских писателей при Союзе советских писателей, тягались с Игнатием Магидовичем (руководителем Детгиза) и Наркомпросом за возможность влиять на издательские планы Детгиза, члены московской секции (А. Барто, В. Смирнова) всеми силами пытались лишить власти и ресурсов С. Маршака и преуспели, избрав в Бюро секции детской литературы исключительно московских писателей⁶. Таким образом, конец

1934 – начало 1935 года были периодом интенсивной институализации детского цеха и его цехового самосознания. Кроме того, начиная с 1920-х годов с самых высоких трибун, со страниц центральной периодики неслись призывы к советским литераторам обратиться к детской литературе. Например, секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев в своем докладе на первом совещании по детской литературе при ЦК ВЛКСМ (15–19 января 1936 года), приводя статистику грамотности среди детей (28 миллионов школьников, владеющих грамотой), настаивает на том, что все писатели должны писать “на детскую тему”, чтобы удовлетворить потребности многомиллионной аудитории в чтении (Андреев 1936: 6).

На этом фоне вопрос об образцовой писательской автобиографии вставал с особой остротой. И вот спустя полгода после Съезда писателей Лев Кассиль предлагает свой вариант автобиографического письма о пути в детскую литературу – в очерке *Вслух про себя*, опубликованном в мартовском номере журнала «Детская литература» в 1935 году. В

⁶ Об этих событиях см. напр.: Стенограмма первого организационного совещания детских писателей; [Степан Злобин] Докладная записка секретаря Бюро Секции детской литературы в Правление ССП о положении в детской литературе за 1935 г.; [Степан Злобин] От секретаря бюро Секции детской и юношеской литературы по вопросу о положении в детской литературе и об отношениях между Детгизом и детскими писате-

лями Москвы // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 8. Ед. хр. 6.

нем, пожалуй, впервые жизненный путь показан как поступательное движение именно в детскую литературу. Кассиль поэтапно восстанавливает телеологически понятый путь будущего литератора в детскую литературу – пробовал писать для взрослых, но в конечном итоге пришел к детям, и сами эти пробы взрослого письма понимаются как отклонения от истинного предназначения – писать для детей.

И тем не менее эта попытка 1935 года Льва Кассиля осталась одинокой, соратниками не замеченной, и ему самому тоже индульгенцией не послужила. В частности, критика издания двух (прежде независимых) повестей под одной обложкой *Кондуит и Швамбрания*, вышедшего в 1935 году, была связана с ‘неправильным’ образом детства. Спустя год Лев Кассиль снова переиздаст ее в новой книжной серии, вышедшей в 1936 году под названием *Повести о детстве*⁷. Аркадий Лившиц,

⁷ В 1936 году вышло 9 книг: *Детство и отрочество* Л. Толстого, *Детство* М. Горького, *Школа* А. Гайдара, *Детство Темы* Н. Гарина, *Маленький оборвыш* Гринвуда, *Кондуит и Швамбрания* Л. Кассиля, *Как закалялась сталь* Н. Островского, *Очерки бурсы* Н. Помяловского и *Детство Никиты* А. Толстого.

рецензируя названную серию, обрушивается на книжку Кассиля с резкой критикой, утверждая, что *Кондуит и Швамбрания* “мало чему хорошему учит наших детей, а о прошлом рассказывает далеко не правдиво” (Лифшиц 1936: 3). В то время как переизданные автобиографии “рабочих ребят октябрьского поколения” – А. Гайдара и Н. Островского аттестованы рецензентом как биографии героев революции, “завоевавших молодому поколению хорошую жизнь” (Лифшиц 1936: 3). Таким образом, автобиография детских писателей Гайдара и Кассиля по-прежнему интересна критику как автобиография советского человека, а не как рефлексия вслух про их путь в детскую литературу. Самобытность пути в детскую литературу не осознается как необходимая часть общей советской писательской биографии. Главной остается единая гражданская биография: с фронта – в мирное строительство коммунизма⁸. В конечном итоге ни в одном из автобио-

⁸ Показательна и статья М. Розановой 1936 года о повести Гайдара. Критик делает основной акцент на поколенческом аспекте (“дети революции”), а о том, что повесть – это автобиография писателя – даже не упоминает (Розанова 1936).

графических произведений, написанных для детей, не будет показано становление детского писателя. Это связано с тем, что профессия детского писателя не входила (и в дальнейшем не вошла) в число популярных и популяризируемых профессий таких, как профессии полярников, летчиков, пограничников, шахтеров и т. п. Эта профессия не была окутана романтическим ореолом созидательных свершений деятельных строителей коммунизма, а с другой стороны – ее представителям не доставало основательности статуса, как у школьных классиков.

Но сами детские писатели нуждались в биографиях, которые бы придавали их профессиональному сообществу и каждому из них в отдельности легитимный статус во взрослом писательском кругу.

1937 год. Из работников детской книги в классики детской литературы

С августа 1937 года в журнале «Детская литература» появляется рубрика *Классики детской литературы*. До этого такое сочетание было невозможным: классики были только в общей литературе, детская как молодая и неопытная своих не имела. То, что имен-

но в 1937 году предпринимается попытка выстроить иерархическую пирамиду, объясняется желанием стабилизировать сумятицу, возникшую в рядах детских писателей. Набирал обороты репрессивный маховик: один за другим исчезают руководители ВЛКСМ, курировавшие с 1936 года детскую литературу, работники издательств, и прежде всего Детгиза, критики и сами писатели.

Первым классиком детской литературы, удостоенным биографии, стал Владимир Маяковский. Подготовка к выдвижению поэта на роль зачинателя советской поэзии для детей началась еще в 1936 году в журнале «Детская литература», когда было опубликовано несколько статей, основная идея которых сводилась к тому, что Маяковский – великий детский поэт. Затем главный редактор этого журнала Антонина Бабушкина в июле 1937 года опубликовала статью под хлестким названием *Авербаховцы и их подголоски в детской литературе* (Бабушкина 1937), в ней она обрушилась на основных спикеров предшествующего десятилетия – Э. Яновскую, Р. Прушицкую, Е. Флерину, Д. Кальма, не упомянув только Н. Крупскую, стоявшую десяти-

летие назад во главе ГУСовской линии в критике детской литературы. Среди прочего А.П. Бабушкина встала на защиту В.В. Маяковского, вокруг которого, по ее мнению, названные критики в свое время “подняли вой” (Бабушкина 1937: 3). За статьей о Маяковском следовал очерк о Марке Твене. В следующем номере в классики детской литературы был зачислен А.П. Чехов. Здесь же были размещены статьи о Г.-Х. Андерсене и В. Гауфе. Соположение отечественных писателей и западных в одной рубрике было призвано продемонстрировать и единство литературной системы для детей, и известную субординацию.

Так или иначе, возведение иерархической пирамиды началось, как и разметка текущего пространства детской литературы, – возникла насущная необходимость представить тех, кто работал в детской литературе в текущий момент. И именно в осенние месяцы 1937 года детский писательский цех лихорадит как никогда – происходит разгром Детгиза (уже был снят с должности Григорий Евгеньевич Цыпин, уволены Екатерина Оболенская и Лев Разгон) и ленинградской редакции Маршака (Разгон 1994). И па-

раллельно писатели создают свои творческие автобиографии. В ноябре в рубрике *Трибуна работника детской книги* публикуется серия кратких автобиографий: открывает серию текст Самуила Маршака *Путь к детской поэзии*, далее следуют автобиографии Льва Квитко, Михаила Ильина, Якуба Коласа, Сергея Михалкова, Елены Данько, Рувима Фраермана. В следующем 22 номере журнала публикация автобиографий была продолжена (А. Гайдар, А. Барто, Л. Кассиль, Т. Богданович, О. Перовская, А. Сvirский и др). Все авторы на момент публикации автобиографии живы. Объем автобиографий – от двух-трех абзацев до двух страниц. Трое писателей могли позволить себе дать автобиографиям названия: корифеи С. Маршак (*Путь к детской поэзии*) и К. Чуковский (*Моя работа и жизнь*) и К. Паустовский (*Несколько слов о себе*), в конце 1937 года – ответственный секретарь секции детских писателей. Среди девятнадцати писателей и старые опытные мастера (А. Сvirский), и те, кто как писатели сформировались уже в советское время. Были представлены авторы разных национальностей: русские, украинцы, евреи, белорусы.

Все они родились в разных концах “огромной советской страны” – от Владивостока до Петербурга, от Задонска до безымянного “еврейского местечка” Очевидно, что публикация этой подборки связана с очередным заказом представить здравствующих “работников детской книги”, чтобы продемонстрировать и разнообразие мастеров детской книги, и сплоченность, и работоспособность в целом детского цеха.

Константин Паустовский во вступлении в свою автобиографию рассуждает в соответствии с автобиографическим жанровым этикетом:

Большинство писателей ревниво бережет самый ценный литературный материал – свою автобиографию. Этот материал писатели расходуют осторожно, разбрасывая его небольшими долями по своим книгам. Всегда кажется, что писать автобиографию еще рано.

Это чувство вполне закономерно, особенно в наше время, когда каждый день, каждый год дает новое понимание прошлых лет, когда жизнь в своем непре-

рывном расцвете делает настоящее и будущее гораздо более заманчивым, чем было прошлое. Воспоминания меркнут перед настоящим днем. И потому мы не успеваем или, вернее, забываем вспоминать, откладывая воспоминания на самый конец жизни (Паустовский 1936: 44).

Паустовский проговаривает зыбкость и мнимость биографии как таковой в условиях меняющихся социальных запросов. Он отказывает исторической и индивидуальной ретроспекции в ценностном значении, озвучивает страх перед ‘проявлением’ себя, настаивает на принципиальной фрагментарности своего очерка. Но большинство авторов старательно пытаются выстроить линейные творческие биографии, правда, не у всех путь в детскую литературу получается убедительным.

Только Самуил Маршак и Сергей Михалков, по их словам, шли в детскую литературу, не останавливаясь и не отвлекаясь ни на что иное⁹.

⁹ Цитаты из этих автобиографий в дальнейшем, в частности, в начале 1950-х, использовались биографами при написании биографических очерков (так, из книжки в книжку,

Алексей Свирский нигде даже не упоминает, что он писал для детей. Вскользь в самом конце говорит об этом Аркадий Гайдар, старательно в очередной раз изложив свою военную биографию. Корней Чуковский сразу заявляет: “Детским писателем стал я нечаянно” (Чуковский 1937: 40). М. Ильин сначала интересовался химией, но потом все же пришел в литературу. Елена Данько пишет о своем увлечении искусством изготовления фарфоровых изделий, другие писатели сообщают о жизненных препятствиях, помешавших обратиться к детской литературе (Р. Фраерман участвовал в партизанском движении, К. Паустовский работал санитаром на фронте и токарем и т.д.). Но все эти “эпизодические” этапы (Е. Данько) показаны как необходимая или чаще неизбежная прелюдия перед настоящей работой по призванию – в цеху детских писателей, потому что как признается Р. Фраерман: “детский читатель всегда был мне мил” (Фраерман 1937: 72). Эти автобиографии – первый опыт коллективной репрезен-

начиная с очерка Веры Смирновой, кочевало воспоминание С. Маршака о том, что он “любил в детстве смешное и героическое” и т. д.).

тации особой траектории писательского пути советского литератора – пути в детскую литературу. То, что они были собраны осенью 1937 года в две подборки и опубликованы подряд в двух номерах журнала, не случайно. Как не случайно и то, что в дальнейшем таких попыток коллективного автопортрета больше не предпринималось – осень 1937 года потребовала срочной переключки, слишком очевидными были массовые репрессии детских писателей. Судорожный сбор всех оставшихся в строю, чтобы поддержать иллюзию “расцвета советской детской литературы”, состоялся на страницах профильного журнала о детской литературе. Для придания этой картине монументальности были мобилизованы историки литературы, которые выдвинули новых претендентов на роль классиков детской литературы. На 1938 год приходится резкий рост биографических статей о таких писателях. Например, А. Горнфельд пишет о С. Аксакове, П. Ершове, В. Короленко, И. Халтурин о М. Михайлове, С. Решетин о Льве Толстом, А. Малинкин о В. Гаршине и т.д. Разветвленная сеть новоизбранных классиков детской литературы складывалась из рекрутиро-

ванных хрестоматийных писателей, вроде Л. Толстого и С. Аксакова, и выдвинутых из когорты революционеро-подпольщиков вроде М. Михайлова. Вкупе со здравствующими литераторами они создавали иллюзию устойчивого литературного цеха, с внутренней иерархией и преемственностью.

Единственным из здравствующих писателей, кто продолжит автобиографические откровения, будет Сергей Михалков, опубликовавший 30 октября 1938 года в «Литературной газете» очерк *Как я стал детским поэтом*. В нем он сообщает, что на службу в детскую литературу его призвали органы партии: «В один из весенних дней, лет пять назад, почтальон принес мне повестку: меня приглашали зайти в пионерский отдел Московского комитета комсомола» (Михалков 1938). И далее, застигнутый предложением комсомольцев врасплох он, тем не менее берется написать три песни для пионеров. Направляющая роль партийного призыва в версии автобиографии 1937 года не акцентировалась столь однозначно, но спустя год поэт считает нужным это заявить. Только С. Михалков из всех детских писателей считал необходимым

подчеркивать, что детским писателем он стал по партийному указанию. Все писатели, чьи биографии были опубликованы осенью 1937 года, предлагали версию естественного поступательного хода развития их творческого пути как Рувим Фраерман: «выпустил книжку... и еще книжку очерков, пока, наконец, не пришел в детскую литературу» (Фраерман 1937: 72).

В следующем 1939 году появится новый жанр биографического письма о детском писателе – некролог. Характерный пример – несколько мемориальных очерков о Борисе Житкове, вышедших в 10–11 номере «Детской литературы» за 1939 год и приуроченных к годовщине его смерти. Среди очерков за подписью Б. Шатилова, В. Шкловского, О. Перовской, Б. Ивантера примечателен текст Виталия Бианки, который предложил типологию детских писателей: «Одни из них рождаются от литературы, другие – от жизни» (Бианки 1939: 89). Первых он называет «комнатной рафинированной интеллигенцией» и осуждает за формализм, а вторых славит за «умение видеть и понимать жизнь» (Бианки 1939: 90). Ко вторым он относит Бориса Житкова. И все остальные мемуаристы под-

черкуют его знание жизни как необходимую основу творчества всякого, кто пишет для детей: “знать, как живут и что делают люди, – с детства самая сильная страсть его” (Шатилов 1939: 84). Это свойство детского писателя – знать жизнь – станет впоследствии неизменным штрихом к коллективному портрету детских писателей.

По очеркам рассыпаны скудные сведения о детстве писателя, более разнообразны факты его профессиональных поисков, скупы поданы особенности характера. В совокупности эти очерки создают панегирический, но довольно индивидуализированный образ детского писателя. Так впервые начинает складываться жанр посмертной официальной биографии советского детского писателя.

Биографии советских детских писателей после войны

Следующим этапом, уже после Великой Отечественной войны, стало создание полнотекстовой образцовой биографии советского детского писателя. В конце сороковых годов на роль такого писателя с биографией был выдвинут только один человек. Это был Аркадий Гайдар. Очерк Б. Другова еще в 1933 году назывался *Ар-*

кадий Гайдар – писатель для детей (Другов 1933), в нем автор причисляет А. Гайдара к “лучшим детским писателям”, в 1946 году статья о Гайдаре выходит под названием *Любимый писатель советских ребят* (Розанов 1946), тогда же в октябре проходят поминальные мероприятия по случаю пятилетия гибели (среди прочего специальный вечер в Московском клубе писателей), в газетной и журнальной периодике выходит несколько статей, в том числе и биографического характера, а в 1948 году появилась первая биографическая книжка для детей об Аркадии Гайдаре под названием *Твой друг* (Емельянов 1948). В 1951 году опубликован сборник мемуарных эссе (*Жизнь и творчество* 1951), адресованных взрослому читателю. В 1952 году Л. Дубровина¹⁰ называет А. Гайдара “классиком советской детской литературы” (Дубровина 1952: 36), и в 1953 году Идея Свирская, будущий преподаватель кафедры детской литературы и библиотечной работы с детьми ЛГИК, защищает диссертацию *А.П. Гайдар как*

¹⁰ Людмила Викторовна Дубровина – в 1949–1958 гг. первый заместитель министра просвещения РСФСР, до этого поста несколько лет возглавляла Детгиз.

детский писатель. Таким образом, за несколько послевоенных лет сформировался культ Гайдара, тесно связанный со становлением иерархии детского писательского сообщества уже в ее советском изводе, без привлечения зарубежных корифеев и хрестоматийных авторов русской классики. Назревшей потребности дать ‘своих’ классиков для легитимизации сообщества как такового фигура Аркадия Гайдара отвечала в полной мере. За биографией Гайдара последовали и другие: начиная с 1952 года под эгидой Дома детской книги при Детгизе начала выходить серия критико-биографических очерков о детских писателях, что означало зрелость литературной репутации советского детского писателя-современника)¹¹, дождавшегося желанной жанровой формы – ретроспективного линейного биографического очерка.

Натан Венгров, отозвавшийся на эту серию статей в «Литературной газете», обозначил ее выход как “неоспоримое свидетельство художественной зрелости советской детской книги” (Венгров 1955). Далее он приветствовал авто-

ров первых книжек серии (Н. Смирнов, Б. Галанов, В. Дмитриева, Г. Гроденский, Л. Кассиль, З. Кедрина, Б. Брайнина, В. Смирнова), которые “пытаются определить творческие особенности и индивидуальные черты писателя”, и скептически истолковывал неправильное понимание известной формулы Белинского “детским писателем надо родиться”. По мнению Н. Венгрова, “не будучи писателем, детским писателем не родишься”, повторяя расхожее к этому моменту требование литературного качества как основное условие для тех, кто пишет детские книжки. В свою очередь для тех, кто берется писать биографии этих писателей, Н. Венгров выдвигает требование писать на достойном литературоведческом уровне анализа и не впадать в славословия и одический стиль, которые, например, позволил себе Л. Кассиль в очерке о С. Михалкове (Кассиль 1954).

Характер этого анализа для Н. Венгрова обусловлен соцреалистическим методом – это выявление связи творчества детского писателя с действительностью и с общим литературным процессом:

Лучшие из критико-биографических очер-

¹¹ Книжка *Д.Н. Мамин-Сибиряк как детский писатель* (1952) в этом ряду выглядит анахронизмом.

ков, изданных Домом детской книги, конкретно показывают, что развитие детской литературы (под ней мы понимаем художественную литературу для детей и юношества) при всей ее специфике – тематика, образ положительного героя и его изменения, основные проблемы – определяется закономерными, обуславливающими развитие всей советской литературы и отражают явления развивающейся советской жизни (Венгров 1955).

Социологические рассуждения о месте детского писателя в общем советском писательском строю представляют собой не демагогическую, а новую аналитическую попытку осмыслить этот феномен. В качестве отрицательного примера Н. Венгров приводит все тот же очерк Л. Кассиля и критикует автора за автономность его героя:

Поэт С. Михалков показан в очерке Л. Кассиля, главным образом, биографически, изолированно и от больших явлений советской литературы и от той общей

творческой работы, какую ведут советские писатели над книгой для детей (Венгров 1955).

В качестве способа выявить писательскую индивидуальность Н. Венгров предлагает сравнительный анализ творчества “двух-трех поэтов”, пытаясь, таким образом предложить литературоведческие инструменты для усиления качества биографических очерков.

Однако при ознакомлении с этими и последующими изданиями серии убеждаешься, что не все авторы воспользовались этим предложением, оставшись в большинстве своем в рамках биографической оды или панегирического эссе.

Биографы

Имеет значение, кто брался писать биографии: от личности биографа зависели и отбор материала, и стиль изложения. При том, что в основе любой биографии лежит известный жанровый шаблон, критико-биографические очерки о детских писателях имеют определенные различия. Если биографию пишет писатель, то стоит ожидать биографической оды (Кассиль о Михалкове), если автором

биографии становится критик и редактор Лидия Чуковская, то детство писателя и другие факты биографии (С. Георгиевская) практически полностью опускается, а биограф предпринимает литературоведческий анализ (выделение этапов творческого пути не на основе написанных текстов, а на основе развития авторской индивидуальности, разбор приемов создания образов и сюжетов и пр.). В 1955 году выходит биография М. Ильина, написанная Борисом Ляпуновым, исследователем научной фантастики и автором научно-популярных и научно-фантастических книг. Для Ляпунова, хорошо знакомого с научно-популярной детской литературой, рассказ о М. Ильине – повод предаться размышлениям о задачах научно-популярной книги, сопоставить образцы, выявить значение М. Ильина в общем потоке этой литературы. Очерк фольклориста и этнографа Марка Азадовского о Владимире Арсеньеве – это очерк коллеги, для которого вхождение книг Арсеньева в детское чтение – лишь один из штрихов к биографии замечательного ‘путешественника-энциклопедиста’. Большинство же биографий, вышедших в первые три го-

да, были написаны публицистами, литературными критиками-пропагандистами, чиновниками образования и писательских организаций. Приведу лишь несколько примеров.

В 1955 году выходит биография Сергея Григорьева, написанная Григорием Куклисом, опытным чиновником Союза писателей, сотрудником газеты «Литература и жизнь» с 1958 года, с 1963 по 1974 годы – заместителем главного редактора «Литературной России». Для Куклиса оказывается наиболее существенным продемонстрировать, как Григорьев отказался от декаданса (*Черемуха*) и пришел к социалистическому реализму (*Суворов*). Автором биографии таджикского детского писателя и высокопоставленного чиновника Союза писателей Таджикской ССР Мирсаида Миршакара стала Зоя Сергеевна Кедрина, весьма заметный литературный критик широкого профиля, общественный обвинитель на процессе Синявского и Даниэля. Того же профессионального габитуса и другой биограф – Берта Яковлевна Брайнина, соавтор школьного учебника по литературе (1935), плодовитый литературный критик, лауреат Сталинской премии тре-

тью степени (1952) за биографию Константина Федина (1951). Она опубликовала в 1954 году биографию Валентина Катаева. Для З. Кедринной и Б. Брайниной основной интерес представляет то, как “мастера советской детской литературы, которые по заслугам получили высокое и почетное звание детских писателей, продолжают горьковскую традицию в детской литературе, работают методом социалистического реализма” (Брайнина 1954: 62). Куклис, Кедринна и Брайнина дают образцы номенклатурного дискурса о задачах и особенностях детской литературы, сводя их к воспитательным функциям и соцреалистическому мастерству передачи материала. Постепенно с конца 1950-х годов очерки становятся более объемными, а круг авторов биографий все более узко профессиональным: это не столько газетные и журнальные критики-функционеры, сколько критики, для которых детская литература в послеоттепельное время стала основным материалом для размышлений. Это Бенедикт Сарнов, Станислав Рассадин и Игорь Мотяшов. В конечном итоге, критико-биографический метод в изучении, а точнее, освещении детской литерату-

ры в 1970–1980-е годы стал практически единственным способом долгие годы говорить о детской литературе.

1950–1970-е годы. Биографические оды о детстве

Критикуя риторику биографического письма, Н. Венгров назвал очерк Кассиля ‘биографической одой’, с отрицательной оценкой и указанием, что так писать не стоит. Однако сложившийся жанр сильнее сиюминутной критики. Действительно, общий пафос критико-биографических очерков панегирический – прославление мастеров, пишущих для детей. После традиционной вступительной одической части, которая есть практически в каждом очерке (“благородная миссия детского писателя” (Николаев 1955: 5), “детская литература в СССР призвана служить народу, воспитывать новые поколения строителей коммунизма” (Смирнова 1954: 6) и т.п.), следует описание детства героя очерка. И этот этап в жизни детского писателя в первые послевоенные годы приобретает особое значение. До войны ни в писательских автобиографиях 1937 года, ни в мемуарных очерках коллег по цеху детству детского писателя не уделялось сколько-нибудь значительно-

го места. В то же время автобиографические художественные произведения А. Гайдара, К. Чуковского, Л. Кассиля – это воспоминания о детстве безотносительно к их профессиональному статусу детского писателя. Детство детского писателя как специфический опыт появляется впервые только в начале 1950-х годов в очерках названной серии, адресованных взрослым.

Известны размышления Анны Ахматовой, опубликованные с подзаголовком *Мнимая биография*, о сложности автоописания детства, которая проявляется в дихотомии: “одним хочется казаться слишком несчастными в детстве, другим – слишком счастливыми. И то и другое обычно вздор” (Ахматова 2005: 450). В случае с биографиями детских писателей наблюдается та же картина, но принципиальным оказывается то, что детство имеет выделенное значение именно для того, кто пишет для детей (а не для взрослых). К детству детского писателя восходят его творческие интересы (люди или звери), первые пробы пера (ранние стихи) и наконец соцреалистическое, с детства данное, видение мира.

У одних писателей “детства не было”, поэтому их обращение

к детской литературе трактуется как компенсация. Так конструируется, например, писательский путь А. Гайдара, С. Григорьева, Р. Фраермана. Детство рисуется в темных красках: ребенок рано теряет родителей или вынужден их покинуть, он должен много работать, скитаться по России и т. д. Прототипом такого рода биографии, очевидно, стало детство М. Горького: “как для Горького, как для многих писателей из народа, университетом для него была сама жизнь”, пишет биограф о Льве Квитко (Смирнова 1957: 6)¹². В то же время полученные в детстве впечатления от действительности формируют умение всматриваться в окружающую жизнь, что становится залогом обращения к детской литературе. Именно так трактовалось детство Б. Житкова в очерках 1939 года, так же оно трактуется и в 1950-е годы.

У других авторов, напротив, “детство было”, поэтому они и стали писать для детей (Чарушин, Маршаки, Л. Успенский и др.). Интересно, что в этом случае детство показывается как счастливое, несмотря на бедность, лишения, переезды, раннюю смерть одного из ро-

¹² Подробно о мемуарном этикете анти-детства: см. (Балина 2012).

дителей и пр. Все названное – залог опять же жизненного опыта, а он – хорошего качества детской литературы. Характерны для очерков такие формулы: “Много теплых и ярких воспоминаний сохранил А.Г. Бармин о своем детстве и использовал их впоследствии в литературном творчестве” (Житомирова 1969: 4).

Каковы типичные особенности детства будущего детского писателя в очерках 1950–1970-х годов?

Прежде всего, семья героя очерка показана как образцовая. Родители – увлеченные люди, обязательно любящие чтение. Как правило, подчеркивается, что они люди труда, независимо от того, в какой сфере они трудятся: “семья довольно небольшая, трудовая, дружная”. Никогда не говорится о материальном благополучии семьи, типична фраза Веры Смирновой о семье Маршаков: “Семья жила небогато, но дружно” (Смирнова 1954: 6). Родители во всех биографиях – люди, придерживающиеся либеральной модели воспитания: “Родители представляли Сергею [Алексееву] свободу в выборе друзей, игр” (Мотяшов 1976: 5). В биографиях И. Ликстанова, Ю. Яковлева, А. Бармина создается идеальный образ матери: “хо-

рошая хозяйка, она всю себя отдавала заботам о муже и детях; была очень радушна и гостеприимна” (Житомирова 1956: 4). Отцы С. Григорьева и А. Бармина – “страстные читатели”, внушившие эту страсть своим сыновьям, так же как отец Е. Чарушина, передавший ему “любовь к природе и карандаш” (Гроденский 1962: 5). Не столь существенным оказывается, какие ценности заимствуют будущие писатели у своих родителей, сколько в целом образ родителей, которые стали первыми наставниками и товарищами. В отличие от известных фактов из биографий классиков (о противостоянии родителей выбору писательской профессии), в случае с советскими детскими писателями ни разу не встречается указание на родительскую неприязнь к словесному творчеству будущего детского писателя. Семья детского писателя – это семья библиофилов и либералов, честно зарабатывающих свой трудовой хлеб.

Любопытно, что в очерках об А. Барто (1953) и С. Михалкове (1954), написанных соответственно В. Дмитриевой и Л. Кассилем, их семьи не характеризуются с точки зрения внутрисемейных отношений, только указывается на про-

фессии отца: врач-ветеринар и врач-птицевод. Зоологические профессиональные интересы родителей не дают биографам почвы для интерпретаций будущих интересов их детей, хотя страстная любовь детских писателей к природе подчеркивается не только у будущих зообеллетристов (Е. Чарушин), но и авторов, далеких от природоведческой тематики, например, в описании детства А. Бармина указывается, что “дети много играли с домашними животными, – в доме было три собаки. Любовь к животным Бармин сохранил на всю жизнь” (Житомирова 1956: 5), или у М. Ильина “в детские годы у Ильина возникла и осталась на всю жизнь любовь к природе” (Ляпунов 1955: 8).

Описание юных характеров детских писателей нельзя признать специфичным. Это характеры выдающегося человека без какой-либо обусловленности будущим творчеством. Можно указать на две крайние точки шкалы. С одной стороны, типичным будет В. Янчевецкий, который “рос непоседливым шалуном, неутомимым фантазером, изобретателем и руководителем всех мальчишеских игр и приключений” (Разгон 1960: 7), а с другой – А. Бармин, ха-

рактерными чертами которого были “целеустремленность и настойчивость, с колоссальным трудолюбием и работоспособностью” (Житомирова 1956: 5). И, пожалуй, константой личности, независимо от других черт является любовь к чтению: “много читал, слыл выдумщиком и фантазером” (Николаев 1955: 7), “Шура не принимал в них [играх] участия, а что-то читал и читал” (Житомирова 1956: 5). Любовь к чтению предопределяет не только обращение к творчеству, но и конкретному роду организации речи: прозе или поэзии. Будущие поэты начали рано писать стихи (Маршак с 4 лет, Михалков с 10 (“поэзия стала занимать будущего писателя еще в раннем детстве” (Кассиль 1954: 6), Барто “стихами увлеклась еще в детстве” (Дмитриева 1953: 9)), а Лев Квитко начал сочинять, еще не владея навыками письма: “совсем маленьким ребенком он стал сочинять стихи, еще не умея их записывать, не понимая, что делает, и не догадываясь, что это и было его настоящее дело в жизни” (Смирнова 1957: 6). Та же Вера Смирнова в биографии Маршака пишет:

С ранних лет книга пленила будущего поэта. Он

был необычайно чуток к поэтическому слову. [...] Так сильно было развито его воображение, так крепко он верил в правду поэзии (Смирнова 1954: 6).

Впрочем, не только будущие поэты пишут в детстве стихи: Рувим Фраерман стал писать стихи в 13 лет (Блинкова 1959: 7), а лиричность стиля Константина Паустовского объясняется все тем же: “поэзия вошла в жизнь будущего писателя с детских лет” (Львов 1956: 9).

Однако, когда для писателя главным источником вдохновения становится “не жизнь, а книги”, он неизбежно подвержен “‘детской’ болезни, которой переболели все, – болезнью подражательности”. Только “процесс сближения с жизнью”, обращение к “темам реальной жизни” позволяет выйти на путь истинного мастерства (Львов 1956: 12). Именно так рассуждает о судьбе К. Паустовского его биограф Сергей Львов, как бы продолжая линию размышлений, предложенную Виталием Бианки в 1939 году. Поэтому столь существенным оказывается для биографов на протяжении всего текста указывать на становление соцреалисти-

ческого метода в творчестве детских писателей.

В 1950-е годы другого пути, кроме как пути в соцреализм, у писателя быть не могло. В 1960-е ситуация начинает меняться. Указывая на некоторые творческие сближения Евгения Чарушина (у Пришвина учился “чувству родственного внимания к живой природе”, у Житкова “пристрастию к действию, лаконизму языка”, у Бианки учился “наблюдательности и природоведческой точности изображения”), Григорий Гроденский решительно снижает значение этого творческого диалога:

Все это, конечно, только очень условные обозначения сближений и отталкиваний на творческом пути Е. Чарушина. А путь был прям. Без внутренних конфликтов и сомнений, без отступлений и блужданий. Детство привело к природе, природа – к искусству, искусство – к детям. Счастливый и редкий путь! (Гроденский 1962: 42).

Такую трактовку природы творчества биографы могли приписать только немно-

численным признанным зообеллетристам. И все же для всех остальных вершина писательского мастерства – это “гуманнейшие принципы социалистического общества” (Мотяшов 1979: 169) и их превращение в творчестве. В этом контексте вполне естественно звучат клишированные формулы о Юрии Яковлеве, писателе, столь, казалось бы, далеком от пропагандистской шелухи: “Вот вехи событий, повлиявших на мальчика, из которого складывался прежде всего гражданин, боец, а затем уже поэт” (Роменко 1974: 9). А из воспоминаний писателя о детстве биограф извлекает только сообщение о том, что он “очень хорошо помнит запах свежего кумача” (Роменко 1974: 9), справедливости ради надо признать, что в биографии приводится и второе воспоминание – о роли матери в жизни будущего детского писателя.

Все детские писатели – “писатели-труженики, бойцы, умельцы, “бывалые люди”, которые познав множество профессий, через всю жизнь пронесли любовь к литературе и искусству” (Блинкова 1959: 6). Это богатство жизненного опыта – определяющая черта советского детского писателя, а его успешность напрямую

ставится в зависимость от соцреалистического видения окружающей жизни, которое уподобляется детскому взгляду:

Чтобы стать любимым поэтом нашей советской детворы, художник должен смотреть на мир с той радостной жадностью, с какой начинает каждый свой день маленький подрастающий гражданин большой трудовой Страны Советов (Кассиль 1954: 9).

Вопрос о детях и детскости – ключевой вопрос для биографов. Они разрабатывают его в разных отношениях. Советский детский писатель прежде всего сам как ребенок – в духе романтической концепции творца (“дныне сохранил свое детское ощущение слияния литературы с жизнью” (Смирнова 1954: 72)), который предстает советским писателем *per se*, так как он сохраняет детскость до старости (ср., поздний образ Чуковского как старика-чудака). Советский детский писатель – взрослый ребенок. Об инфантильности соцреализма писали многие (см. напр., Добренко 1992: 165–166), если продолжать эту мысль, то детский писатель –

самый соцреалистический писатель из всех советских писателей. У детского писателя, в отличие от взрослого, незамутненность соцреалистического взгляда на окружающий мир укоренена в специфике его адресата – читателя с таким же незамутненным взглядом. (Соц)реализм как массовое искусство более чем органичен в сфере детской литературы, практически это ее исключительное свойство, начиная с XVIII века: давать нравоучительные образцы поведения, сохраняя видимость отражения действительности. И с другой стороны, утверждается метонимическая связь с адресатами: писатель очень любит детей (о Марии Прилежаевой: “любит, знает и понимает детей” (Фоменко 1962: 20). Пожалуй, это единственная черта детского писателя, отличающая его от ‘взрослого’ писателя эпохи зрелого соцреализма. ‘Взрослый’ советский писатель так не любит своего читателя, как детский, по крайней мере, как кажется, их отношения не формулируются в терминах любви. Таким образом, специфика профессиональной биографии детского писателя, каковой она стала в 1950–1970-е годы, – это путь от детства к внутрен-

нему ребенку (с его обязательным сохранением, в частности ‘детского взгляда’). Собирательный портрет детского писателя, представленный в биографиях, таков: детский писатель близок к природе, предан искусству слова и действительности, владеет мастерством говорить просто и понятно. По всем признакам это писатель зрелого соцреализма. Единственная специфическая черта – чувство любви к своему читателю. В конечном итоге, творчество – это способ остаться с читателями-детьми, которые в представлении биографов оказываются самоцелью, оправдывающей все и дающей смысл всему и вся написанному. Книги представляются второстепенной ценностью, а главным мериллом писательского успеха становится любовь детей. Акцентация на реципиенте восходит к риторике 1920-х годов – искусство на пользу людям, а не ради искусства. И, если в 1930-е годы и тем более в послевоенных эстетических концепциях взрослой литературы этот разрыв будет не столь однозначным, то в случае с детской литературой можно видеть безоговорочное главенство рецептивной прагматики: любовь к читателю, по мысли биографов, при-

водит к созданию высокохудожественных произведений для детей.

Заключение

В автобиографиях 1930-х годов и в первых официальных некрологах основное качество детского писателя – это его богатый жизненный опыт. Это качество приписывалось любому рядовому советскому писателю, пришедшему в литературу по призыву партии. Отказ от романтических концепций искусства в пользу позитивистских в случае с детской литературой выглядел в 1930-е годы довольно органично: как оказалось, детским писателем действительно не рождаются, а становятся, повидав жизнь и поработав на производстве.

Но, в отличие от взрослой литературы, детская литература изначально призвана передавать опыт старшего поколения младшему, поэтому артикулированное на рубеже 1920–1930-х годов понимание писательского профессионализма как умения внятно передать знания и опыт в этой сфере словотворчества было вполне уместным. Призыв Маршака к ‘бывалым’ прийти в детскую литературу равноценен призыву в советскую литературу ударников, правильное ска-

зать, это явления одного порядка. То, что в детской литературе легитимировано ее имманентной просветительской сущностью, во взрослой выглядело насилием. Маршак воспроизводил просветительскую модель литературы XVIII века и игнорировал воспитательную XIX века, поэтому его главные соратники по цеху – это Б. Житков, К. Паустовский и М. Ильин. Именно их автобиографические портреты 1937 года становились моделями, по которым клонировались в 1950–1970-е последующие биографии, – люди, повидавшие жизнь, становились образцами.

Но жанровая традиция образцового биографического нарратива сыграла злую шутку с детскими писателями. Их профессиональный габитус ‘бывалых’, которые могут просто и внятно рассказать о пережитом, оказался растворен в ‘нулевом’ биографическом каноне ‘жизни замечательных людей’, во многом деформированном педагогическим представлением о должном. В этой жанровой рамке писатель оказался уподоблен педагогу: он прежде всего должен любить детей и быть во всех отношениях правильным человеком, с правильным детством, юношеством и зрело-

стью. Именно поэтому биографии, написанные в 1950–1970-е годы и адресованные даже не детям, а товарищам по цеху, оказались мнимыми.

Библиография

Андреев 1936: А. Андреев, *Речь секретаря ЦК ВКП(б) тов. А.А. Андреева*, «Детская литература», 1936, I, с. 2–8.

Ауслендер 1934: С. Ауслендер, *Как я стал детским драматургом*, «Театр и драматургия», 1934, VII, с. 36.

Ахматова 2005: А. Ахматова, *Четки; Анно Домини; Поэма без героя*. Сост. С. Дмитренко, вступ. ст. Л. Гинзбург. ОЛМА-ПРЕСС, М., 2005.

Б. М. 1934: Б. М., *Молодые писатели – детской литературе*, «Литературная газета», 1934, 22 февраля.

Бабушкина 1937: А.П. Бабушкина, *Авербаховцы и их подголоски в детской литературе*, «Детская литература», 1937, XIV (июль), с. 2–10.

Барто 1934: А. Барто, *Детским писателем нужно родиться*, «Литературная газета», 1934, 5 января.

Бианки 1939: В. Бианки *Борис Степанович Житков и его литературное наследие*, Детская литература, 1939, X–XI, с. 89–92.

Блинкова 1959: М. Блинкова, *Р.И. Фраерман*, Детская литература, М., 1959.

Брайнина 1954: Б. Брайнина, *Валентин Катаев*, Дом детской книги, М., 1954.

Венгров 1955: Н. Венгров, *Творческая биография*, «Литературная газета», 1955, 12 апреля.

Гехт 1939: С. Гехт, *Эдуард Багрицкий*, «Пионер», 1939, II, с. 88–92.

Гриц 1934: Т. Гриц, *Борис Житков*, «Литературная газета», 1934, 27 февраля.

Гродненский 1962: Гр. Гродненский, *Е. Чарушин*, Дом детской книги, М., 1962.

Гумилевский 1940: Л. Гумилевский, *Об основном герое наших книг*, «Детская литература», 1940, VIII, с. 1–8.

Добренко 1992: Е. Добренко, *Ампи́р во время чумы, или Лавка вневременности*, «Общественные науки и современность», 1992, I, с. 161–172.

Дубин 2001: Б. Дубин, *Биография лубочного автора как проблема социологии литературы* // Дубин Б. *Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры*, Новое литературное обозрение, М., 2001, с. 120–124.

Другов 1933: Б. Другов, *Аркадий Гайдар – писатель для детей*, «Литературная газета», 1933, 11 августа.

Дубровина 1952: Л. В. Дубровина, *Советская детская литература в свете коммунистического воспитания детей* // *О воспитательном значении советской детской литературы: Материалы науч. сессии Акад. пед. наук РСФСР и М-ва просвещения РСФСР, посвящ. обсуждению пед. требований к советской дет. литературе: 4–6 февр. 1952 г.* Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, М, 1952, с.15–61.

Емельянов 1948: И. С. Емельянов, *Твой друг*. Детгиз, М., 1948.

Жаворонкова 1926: А. Жаворонкова, *Новая детская биографическая книга*, «Просвещение на транспорте», 1926, XI, с. 116.

Жизнь и творчество 1951: *Жизнь и творчество А. П. Гайдара: сборник статей*, Детгиз, М., 1951.

Житомирова 1969: Н. Житомирова, *Александр Бармин*, Дом детской книги, М., 1956.

Заславский 1931: Д. Заславский *О советском Плутархе (Заметки на полях книги Д. Юрьева Вестник бури – о М. Горьком)*, «Книга молодежи», 1931, VII, с. 36–39.

Кассиль 1935: Л. Кассиль, *Вслух про себя*, «Детская литература», 1935, III, с. 34–37.

Кассиль 1954: Л. Кассиль, *Сергей Михалков*, Дом детской книги, М., 1954.

Кон 1935: Л. Кон. *О журнале «Детская и юношеская литература»*, «Книга и пролетарская революция», 1935, VI, с. 108–116.

Лифшиц 1936: Ар. Лившиц *Повести о детстве*, «Комсомольская правда», 1936, 27 декабря, с. 3.

Лилина 1928: З. Лилина, *Экскурсия в область биографии*, «Книга детям», 1928, IV, с. 23–26.

Ляпунов 1955: Б. Ляпунов, *Михаил Ильин*, Дом детской книги, М., 1955.

Львов 1956: С. Львов, *Константин Паустовский*, Дом детской книги, М., 1956.

Маслинская 2014: С. Маслинская, *Нужен ли детский писатель? (к истории становления советской детской литературы)*, «Детские чтения», 2014, VI, с. 381–398.

Михалков 1938: С. В. Михалков, *Как я стал детским поэтом*, «Литературная газета», 1938, 30 октября.

Мотяшов 1976: И. П. Мотяшов, *Сергей Алексеев. Очерк*, Детская литература, М., 1976.

Мотяшов 1979: И. П. Мотяшов, *Зоя Воскресенская*, Детская литература, М., 1979.

Николаев 1955: В. Николаев, *Лев Кассиль*, Дом детской книги, М., 1955.

Островинская 1885: А. О. Островинская, *Искры Божьи: Биографические очерки в 2-х ч.*, СПб., 1885.

Паустовский 1937: К. Паустовский, *Несколько слов о себе*, «Детская литература», 1937, XXII, с. 44–46.

Разгон 1960: Л. Разгон, *В. Ян*, Детская литература, М., 1960.

Разгон 1994: Л. Разгон, *Плен в своём отечестве*, Книжный сад, М., 1994.

Розанов 1946: С. Розанов, *Любимый писатель советских ребят*, «Огонек», 1946, XLIV–XLV, с. 12–13.

Розанова 1936: М. Розанова, *Школа*, «Детская литература», 1935, XIX, с. 75–76.

Роменко 1974: Л. Роменко, *Юрий Яковлев. Очерк творчества*, Детская литература, М., 1974.

Саввин 1905: Н. Саввин, *Наша детская литература: (Доклад прочитан 5 марта 1905 г. на заседании секции)*, Нижний Новгород, 1905.

Смирнова 1954: В. Смирнова, *Самуил Маршак*, Дом детской книги, М., 1954.

Смирнова 1957: В. Смирнова, *Лев Квитко*, Дом детской книги, М., 1957.

Старцев 1933: И. И. Старцев, *Детская литература (1918–1931)*, ОГИЗ, М., 1933.

Тынянова 1926: Л. Тынянова, *Рылеев*. Государственное издательство, М., 1926.

Фоменко 1962: Л. Фоменко, *Мария Прилежаева*, Государственное издательство детской литературы, М., 1962.

Фраерман 1937: Р. Фраерман *Рувим Исаевич Фраерман*, «Детская литература», 1937, XXI, с. 72.

Чуковский 1937: К. Чуковский, *Моя работа и жизнь*, «Детская литература», 1937, XXII, с. 40–41.

Шатилов 1939: Б. Шатилов *Борис Житков*, «Детская литература», 1939, X–XI, с. 84–88.

Шер 1931: Н. Шер, *Письма ребят*, «Книга молодежи», 1931, VII, с. 39–44.

Штейнберг 1933: Е. Штейнберг, *Творческий путь Виталия Бианки*, «Детская литература», 1933, X, с. 1–4.

Balina 2008: M. Balina, *Creativity through Restraint: The Beginning of Soviet Children's Literature in Russian Children's Literature and Culture*, M. Balina, L. Rudova, eds. Routledge, New York/London, 2008, pp. 1–19.

Materials and Discussions

Ирина Слепцова
Наталья Артемьева

1917 ГОД В ЯРОСЛАВСКОЙ ДЕРЕВНЕ (ДНЕВНИК КРЕСТЬЯНИНА П.В. БУГРОВА)

О собрании П.В. Бугрова. Автором дневников, отрывок из которых помещен ниже, был Павел Васильевич Бугров (1869–1934), крестьянин д. Ворокса Боровской волости Даниловского уезда Ярославской губернии. Незадолго до своей смерти он продал их Краеведческому музею в Ярославле, и сейчас они хранятся в Фонде документов личного происхождения Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (ЯМЗ–18152/1–41)¹. Все собрание П. В. Бугрова насчитывает 327 единиц хранения и состоит из его записных книжек (41 единица хранения, 1900–1930 г.), официальных бумаг (паспорта, свидетельства о выполнении воинской повинности, судебных документов), его писем к сыну, родственникам и знакомым, ответных писем, почтовых и подписных квитанций,

лотерейных билетов, расчетных книжек, царских и советских денежных знаков и т. п. На протяжении почти тридцати лет он скрупулезно собирал самые, казалось бы, незначительные ‘бумажки’, но это обстоятельство дает возможность исследователю подробно реконструировать не только его биографию и историю семьи, но и крестьянскую повседневность. Значимость его архива переоценить невозможно, он является источником многоплановой информации по различным экономическим и социокультурным проблемам одного из самых драматических периодов в истории России – первой трети XX века.

Об авторе дневников. Павел Васильевич Бугров родился в очень бедной крестьянской семье. В три года с ним случился паралич “от крику пьяного отца”, последствия которого сказывались всю жизнь. Вероятно, бедность и болезнь помешали ему получить образование, он ходил в школу только одну зиму, хотя не-

¹ Материалы П. В. Бугрова имеют шифр: ЯМЗ–18152/1, 2, 3 и т. д., где первая цифра обозначает номер собрания, вторая – дневника или другого документа.

сколько раз записывал в дневниках о том, что “учился хорошо, но сильно баловал, часто ставили на колени и болваном” (ЯМЗ–18152/20, 1915 г.). В юности он несколько месяцев работал в Петербурге. В 1890 г. был призван на военную службу, но довольно быстро уволен с нее по болезни. В своих воспоминаниях о службе он упоминает, что “был гармонист, имел ротную гармонию, играл под пляску для солдат новобранцев до мозолей на пальцах от гармонии” (ЯМЗ–18152/41, 1929–1930 г.). После армии он жил и работал у своего старшего брата, однако в пьяном состоянии ударил вилкой в ногу свою невестку, жену брата, что привело ее к инвалидности. За это он получил полтора года арестантских исправительных рот. По возвращении из тюрьмы он проживал то у одного, то у другого родственника, перебиваясь случайными заработками. В 1897 г. ему удалось купить маленький домик – “келью” у своего дяди, тогда же он женился на крестьянке из Шенкурского уезда Архангельской губернии с девятимесячным внебрачным сыном, которого впоследствии усыновил (Григорий, часто упоминается в дневнике). Дальнейшая его жизнь также

была очень нелегкой. Не имея земельного надела, он долгое время был вынужден зарабатывать на жизнь поденным трудом у односельчан и на разгрузке барж на Волге. Но и позже, когда ему удалось взять в аренду душевой надел и купить телку, экономическое положение семьи улучшилось незначительно. В семейной жизни тоже было много тяжелого: из восьми рожденных в браке детей выжили только двое. Частое пьянство, игра в карты, побои жены и детей тоже осложняли семейную жизнь. Жена с детьми три раза пыталась уйти от него, но все же возвращалась обратно. В конце жизни ему еще пришлось пережить смерть своего приемного сына, жены и маленького внука.

Если рассматривать фактографическую сторону биографии П. В. Бугрова, то она довольно обычна для представителя беднейшего слоя крестьянства. Однако то обстоятельство, что он в течение тридцати с лишним лет вел дневник и собирал личный архив, характеризует его как неординарную личность. Материалы дневников свидетельствуют о его увлечении историей, как он сам характеризовал себя “страшный любитель древностей”, “собственно любитель

старины” (ЯМЗ–18152/6, 1903 г.; ЯМЗ–18152/9, 1906 г.). Он переписывался с Ярославским историческим музеем по поводу найденных в окрестностях деревни археологических артефактов. На протяжении многих лет делал выписки из журналов и газет по заинтересовавшим его вопросам, вел метеорологические и фенологические наблюдения, ставил эксперименты в хозяйстве. Нередко описание тех или иных явлений сопровождалась заметками “всё проверю”, “вперёд наука”. И если проведение естественно-научных наблюдений и экспериментов можно объяснить его стремлением к рационализации хозяйства с целью получения большего дохода, то интерес к истории никак не связан с практической необходимостью, он отражает его личные предпочтения и, вероятно, связан с особым складом ума, который можно назвать ‘исследовательским’.

Мотивы ведения дневников. Записные книжки П. В. Бугров начал вести с 1897 г., со времени своей женитьбы, и вел их до самой смерти в 1934 г. (к сожалению, дневники за первые три года не сохранились “из-за расходу с женой”). Вероятно, сделать это его заставила необходимость упорядо-

чить финансовые дела, свести концы с концами (дневники первых лет демонстрируют существование на грани выживания), поэтому в них содержатся в основном записи заработков и расходов. Однако довольно скоро характер записей изменяется, расширяется их тематика, совершенствуется стиль. В них появляются заметки и размышления о важных событиях как в собственной жизни, так и в местном сельском сообществе и государстве, а также представление своих интеллектуальных и духовных интересов, идеологических взглядов, отражение социальной позиции и т. д. Несколько раз он прямо упоминает о цели ведения дневников, о желании рассказать о себе и своей жизни: “Это все для памяти Павла Васильевича Бугрова” (ЯМЗ–18152/6, 1903 г.). Он писал свои записки не столько для себя, сколько для потомков: в дневниках присутствуют неоднократные обращения к детям, которые будут их читать. Воспитательная цель записок очень хорошо отражена в одной из его заметок: “Прочтут дети мои все дневники со вниманьем и скажут, незавидна же путь жизни наших родителей” (ЯМЗ–18152/10, 1907 г., 5 октября). Поэтому можно ска-

зять, что главные мотивы его записок — хозяйственно-экономический, коммуникативный и дидактический.

Структура дневников. С 1900 по 1922 годы записи велись по приходно-расходному принципу, то есть учитывались заработок П. В. Бугрова и его жены, впоследствии детей, и покупка товаров, страховка, налоги и проч. Сведения вносились в разлинованные от руки таблицы, в которых первый столбец – дата, второй – сведения о работе или расходовании денег (виды выполненных работ, покупки, необходимые выплаты и т. п.), третья и четвертая – рубли и копейки. Причем, для каждой позиции делалась своя таблица, например, “продукты” состояли из рубрик: “хлеб ржаной”, “хлеб пшеничный”, “крупа”, “крендели”, “масло коровье”, “масло постное”, “масло божье”, “мясо”, “чай”, “сахар”, “соль”, “огурцы и картофель” или “овощи”, “вино” и т. д. Также подробно расписывались и приобретение одежды и обуви, хозяйственных принадлежностей, посуды, строительных материалов и прочее. Таким образом, одно событие, например, поездка на базар, оказывалось разнесенным по многим таблицам в соответ-

ствии с произведенными покупками и другими расходами. Позже принцип записей был изменен на погодный, то есть каждый день отмечались погода и направление ветра и попутно приводились какие-либо сведения, которые П. В. Бугров считал наиболее важными. Погодные записи вначале были довольно фрагментарны, но со временем сложился алгоритм, согласно которому и происходила их фиксация. Больше всего внимания посвящено описанию экстраординарных явлений природы: шаровая молния, сильное наводнение на Волге, ураган и т. п.

После “хозяйственной части” следовали рубрики *Газеты и разные книги и календари, Разные события*, куда заносилась информация о различных происшествиях, о болезнях и лечении людей и домашней скотины, способы изготовления и починки тех или иных вещей, экспериментах с посадкой картофеля и т. д. Приводилось содержание отосланных писем разным людям и ответов на них. С началом Первой мировой войны появились рубрики: *Жертва на войну или на раненых, Сколько взято человек на войну, Сколько убито и ранено лю-*

дей, Набор лошадей на войну и т. д.

С возрастом у П. В. Бугрова появляется желание осмыслить жизнь, все больше места в дневниках он отводит воспоминаниям о детстве, описаниям взаимоотношений с родными и соседями, размышлениям по поводу изменений, происходящих в жизни деревни и в ее жителях, в частности, его удручает падение религиозности и рост конфликтности и преступности.

Очень много ценной информации содержит раздел *Умершие в деревне Вороксе*, который П. В. Бугров вел на протяжении 20-ти лет. Почти все записи содержат характеристики, иногда очень подробные, с указанием продолжительности жизни, болезни, причин смерти, описанием биографии и личных качеств покойного. Благодаря тому, что Бугров не придерживался принципа “о мертвых – хорошо или ничего”, можно составить реальное представление о взаимоотношениях, конфликтах и дружбе, системе ценностей сельского сообщества, реконструировать типичный жизненный путь крестьянина.

Каждый дневник заканчивается записью долгов П. В. Бугро-

ва, анализ которых также может быть полезен. Выявляется круг постоянных заемщиков, людей более состоятельных, размер займа и его назначение. Материалы двух последних рубрик позволяют выявить своего рода сеть личных связей П. В. Бугрова, наметить в составе сельского общества отдельные микрогруппы.

Характер дневников. Специфика записок П. В. Бугрова во многом определяется уровнем его образования. Как человек малограмотный, он применял при письме фонетический принцип и использовал пунктуацию в соответствии с интонационным членением текста в процессе речи. Отсутствуют у него и другие принципы грамотного правописания, в частности, он не различал предлоги и приставки, частицы не- и ни- и предлоги всегда писал слитно, не соблюдал правило употребления прописных и строчных букв и т. д. Такой уровень грамотности у П. В. Бугрова сохранялся на протяжении всего времени ведения записок. И это несмотря на то, что он довольно много читал, о чем свидетельствует перечень выписываемых им журналов, газет и книг. Тем не менее все это очень мало повлияло на стиль его записок и общий уровень

грамотности. В целом, по структуре его записи ближе к устной речи, они содержат довольно много диалектизмов, наряду с некоторым количеством официальной лексики и риторических оборотов, заимствованных им из периодики. Дневник публикуется нами в современной орфографии с сохранением диалектных и стилистических особенностей языка. Знаки препинания расставлены нами в соответствии с современными нормами, однако в тех случаях, когда у автора отсутствуют знаки препинания, но от этого зависит смысл написанного, мы оставляем авторскую редакцию. В силу того, что Бугров вел записи в книжках небольшого формата (несколько меньше

A5), то часто прибегал к сокращениям. Некоторые из них, интуитивно понятные, оставлены без расшифровки, расшифровка других приводится в квадратных скобках, так же, как и необходимые пояснения, касающиеся местных реалий. Кроме того, таким же образом оформлено сокращение некоторых хозяйственных записей, т. е. вместо перечня приобретенных или проданных однородных предметов приводится только их количество и общая потраченная сумма, например: [чай, запас на год ок. 8 фунтов, на сумму 33 р. 75 к.] или [продано картофеля, всего на 699 р. 50 к.].

ЯМЗ-18152/25

Дневник за 1917 год представляет собой самодельную тетрадку размером примерно 11х18 см из разноцветной карандашом бумаги, сшитую суровой ниткой, в обложке из тетради издания Союза Потребительных Обществ 1916 г., без пагинации. Текст написан чернилами, которые местами угасают. Сведения вносятся в таблицу из трех столбцов, в первом – дата и описание доходов и расходов, во втором и третьем – рубли и копейки. Фиксация заработков и расходов продолжается по установленным ранее разделам. Видимо, позже на свободных частях листов делались заметки о важных событиях, произошедших в году, в связи с чем несколько нарушен хронологический порядок. Надпись на обложке полустерта.

ДНЕВНИК № 20

ДНЕВНИК ПАВЛА ВАСИЛЬЕВИЧА БУГРОВА

Год военный, смена правительства, арест и назначение нового временного правительства

[На обороте обложки:]

6 ноября был рассказчик у нас в деревне молоденький солдат. Рассказывал, какой партии держаться крестьянам и за какой список голосовать в Учредительное собрание, за список № 3. Говорил нам, что я крестьянин Нижегородской губернии, в школу ходил 3 зимы, так мне не сказать так хорошо, как ученые. У меня, гово[ри]т, тоже был Георгиевский крест 3 степени.

[...]

ДНЕВНИК НА 1917 ГОД № 20 ПАВЛА ВАСИЛЬЕВИЧА БУГРОВА

Великая Европейская война продолжается с 20 июля 1914 года. Многие перемены в жизни деревни. Чай, сахар по карточкам. Мука ржаная и пшеничная по карточкам через потребительные лавки.

20 октября у нас стукали в деревне ИДИТЕ ГРОМИТЬ ПОНИЗОВКИНА. Такой неслыханной призыв всех ошеломил и напугал сразу. 21 октября в субботу ходили в Боровское волостное правление для допроса закупщиков хлеба Александра Павловича Колкотина и Дмитрия Павловича Гурьева от Петропавловской волости. Народу было из двух волостей очень много. Петропавловский закупщик не явился, наверно, побоялся, так как накануне, т.е. 20 октября, был схвачен бабами у Понизовкина завода и посажен в Гузицинский пожарный сарай. И с ним вместе посажен был Назаров Александр Яковлевич, зять Никодима Хортова за то, что он, Назаров, хотел освободить Гурьева от баб, но бабы захватили и его. А Колкотин был посажен раньше тоже бабами в чижовку [= волостную тюрьму]

при Боровском волостном правлении. Озлобленная толпа народа за то их посадила, что они не привезли хлеба на понизовкиных баржах, так как он у них был и не куплен. Если верно, то им очень нехорошо и грешно.

ЗАРАБОТКА ПАВЛА В. БУГРОВА 1917

10 июня заработано в Ярославле на дровах 41 р. 60 к.

Выгружали дрова из баржи на Которосле 4 р. за сажень из баржи А.К. Блюдникова

24 июня начал работать на паевом Хребтовском заводе подённо 6 р. в день. Делали бетон.

15 июля получено с паевого завода за медь 5 р.

Продано меди около 5ти фунтов для постройки машины на заводе.

15 июля получено с паевого завода 102 р.

Делал бетон на своем заводе в баках подённо 6 р. в день, работал 17 дён.

5 авг. получено с паевого завода 102 р.

Запускал водоточные трубы и делал гатищу [= настил, мостик] через канаву у Шохрам[ки] [= речка]. Работал 17 дён.

4 окт. получено с паевого завода за работу 108 р., дополучено 92 р.

Получал в три раза. Раз 50 р. и раз 40 р. и раз 52 р.

Итого получено 192 рубля.

УМЕР ВОЛОСТНОЙ СТАРШИНА АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ МЕЛИН

24 СЕНТЯБРЯ ОКОЛО 55 ЛЕТ ОТРОДУ. По мастерству был маляр, ходил в Петербург, выбран был в старосты в 1907 г. приблизительно, а потом после Ивана Петровича Бурова попал в старшины за свою смекалку. Речь была протяжная. Сметливый был, но горланы собранья съели его со старшин, особенно Николай Целованков деревни Яснищ.

УМЕР СВЯЩЕННИК ОТЕЦ ФЕДОР 24 сентября около 90 лет от роду. Служил более 40 лет. Лично знал моих родителей. Говорил протяжно. Был благочинным, при нем много переменялось церковных старост у Петра и Павла [= с. Петропавловское].

28 сентября умерла Татьяна Дмит[риевна] Маркова, жена Владимира Александровича Маркова, 25 лет отроду. Осталось двое детей. Муж приезжал с войны на похороны. Умерла в Шачабале у отца, похоронена у Николы на Бору.

СКОЛЬКО НАРЫТО КАРТОФЕЛЮ на каждой полосе

[На разных участках – в огороде, за Хрептовом на пересеке, у кустиков, на гривке, у березы на Долгом, в Орлихе на двух душках и т.д. – итого нарыто на душе 87 четвертей и 5 четвериков]. Мало

нарыли из-за чужой лошади, мелко орано [= вспахано] и плохо боронено.

[Картофель сдавал на паевой завод, сдал 40 четвертей по 27 к. за четверть. Получил барды на 40 четвертей 3 воза].

20 окт., в пятницу, начала стучать по домам Авдотья Конс[тантиновна] Халамонова, так как черёд был стучать ихний, со словами “Идите громить Понизовкина”. Я в это время окладывал стены двора навозом. Я бросил вилы и сказал жене: “Матка, что это такое, слыханное только по газетам, но пришлось слышать и у нас. Кто дал такое распоряжение стучать, знают Халамоновы. Пойду полюбопытствую, что будет там на заводе”. И пошел. Народ стал разыскивать закупщика оржаной муки Д. П. Гурьева. Нашли Гурьева и стали спрашивать, почему не купил муки для народа. Очень прискакивал с кулаками перед Гурьевым Константин Багров или Густов.

3 сентября были выбраны в волостное земство гласных Николай Тер[ентьевич] Бугров, Алексей Ник[олаевич] Хортов, Иван Ник[олаевич] Муравьев.

[Дальше четыре строки затерты, видимо, ластиком. Последняя строчка из них читается с трудом] Николая Терентьевича Бугрова, тот все-таки общественный человек и многим помогает трудом. А остальные два – Алексей и Иван – не очень нравятся народу, есть и лучше их люди, но всем некогда. Велико крестьянство, и заинтересовало всех, потому что дороги все сельские продукты наши, как-то картофель, мясо, лён, капуста. И во-вторых, боежно [= боязно] молодых крестьян и неграмотности нашей, т.е. темноты. Замечено мной, от пьяниц дети нервны, робки и сердиты. Судя по себе, род наш произошел от пьяницы Никиты нашего дедушки, есть еще свидетели, помнят его дедушко Иван Терентьевич Хортов. И я не один раз спрашивал его, и он мне рассказывал много.

ПРИБЫЛЬ ДЕТЕЙ ИЛИ ДОБЫЧА

Лисутки [= дочь Елизавета] и Костюшки [= сын] первая добыча.

Костюшка работал на паевом заводе, бил щебень для бетона на своём заводе 15 дён, полтора руб. в день. Костюшке 10 лет от рождения, родился в 1906 г.

15 июля получено с паевого завода 22 р. 50 к.

15 авг. получено с паевого завода 8 дён 12 р.

[далее одна запись – три строки – затерта, видимо, ластиком].

26 авг. получено с паевого завода 60 р.

4 окт. получено с паевого завода за 2 дня 13 р. 50 к.

[две последние строки обведены в рамку] Это заработка общая Костюшки и Лисутки, и я подсоблял. Костюшка и Лисутка били щебень для бетона под баки на отряд за 60 р. за груды. Работали 15 дён. Детки били щебень т.е. с 27 июля и по 12 авг. После шабашу подсоблял.

Лисутка работала на паевом заводе. При постройке своего завода Лисутка работала 8 дён, была щебень для бетона. 15 июля получено с паевого Хрептов[ского] завода 12 р.

5 авг. таскала щепы из тёрочной Хрептовского паевого завода, получено за 6 дён 9 р.

4 окт. получено с паевого завода 10 р.

Лисутке 13 лет от рожденья родилась 1903 год.

ПРОДАЖА КАРТОФЕЛЮ

[Всего на 699 р. 50 к. Картофель вывозился на паевой тёрочный завод. Приписка 30 сент.: деньги выданы казначейские знаки].

Ввалено [картофеля] в погреб до весны 41 четверть.

ПРОДАЖА СКОТИНЫ

[Проданы теленок 6 мес., свинины 1 пуд 23 ф., поросенок 6 мес. Всего на 684 р. 10 к.].

ПРОДАЖА РАЗНЫХ ПРЕДМЕТОВ

Проданы щелеты Гриньки, сапоги Гриньки и мои, пенжак Гриньки, всего на 45 р. 50 к.

НЕПРЕДВИДЕННАЯ ПРИБЫЛЬ

[Запись о получении денег на чай – 70 к., от подрядчика терочного завода – 1 р., ходил пастухом – 6 р., перевозил на лодке солдат – 1 р. 75 к., дополучено за картофель прошлого года с Понизовкина – 94 р. 85 к.]

11 октября. Я таскал картофель за свой черед на своем картофельнотерочном паевом заводе, где членом состою и я. Ехали мужики мимо завода с картофельной мукой с Искрабольского паевого завода к Понизовкину на паточный завод на Волгу. Вдруг гляжу – детки начали кидать поленьями в этих мужиков. Эти дети таскали картофель за свой черед, как и я. А настроили их молодые отцы Анплей Назаров и Николай Виноградов. Я закричал: “Что вы делаете, негодяи”. А они закричали: “Что тебе за дело, давайте, ребята, ево хорошенько”. Я испугался и замолчал. Когда всё затихло, стали таскать картофель, я снова спросил Анплея Мих[айловича] Наза-

рова, что бы это значило. А он мне сказал: “Они ездят нашим выпуском”. Я говорю: “Ведь тут дорога, где же и ездить”. – “А ездили бы кругом”. Я говорю: “Полно, Анплей Михайлович, где мы сидим, так здесь может быть будет озерко”. Вот, подумал я, отчего могут произойти крупные беспорядки. Только сохрани Господи.

[запись расходов: за обработку души – 150 р., за привоз воза барды – 3 р. 25 к.]

[запись покупки муки и хлеба печеного, приходилось ездить в Кострому].

ЭТО ВСЕ ХЛОПОТЫ ЖЕНЫ АННЫ БУГРОВОЙ

23 мая пуд муки ржаной у Сергея Васильевича, химика завода Понизовкина 2 р. 70 к. за пуд, дал по большой просьбе нашей.

23 июня 2 пуда муки ржаной дала Катерина А. Ивина в долг, отдать мукой. Цена муке была 6 р. за пуд да дорога в Кострому 2 р.

17 июля 50 ф. хлеба печеного в Костроме 7 р.

29 июля пуд хлеба печеного в Костроме, в субботу ездила жена 6 р. Дорога на пароходе стоила с прожитием 2 р. 50 к.

12 ав. пуд и 12 ф. хлеба печеного в Костроме 7 р. 80 к.

18 ав. 2 пуда и 10 ф. хлеба печеного в Костроме 13 р. 50 к.

20 ав. 18 ф. милостыни у слепого 1 р. 80 к.

25 ав. 60 фунтов хлеба печеного в Костроме 10 р.

29 ав. <нрзб.> хлеба печеного в Костроме

11 сент. 27 ф. муки рж[аной] в Костроме на талоны 3 р. 70 к.

за два талона на муку купляны за 1 р. 80 к.

11 сент. 20 ф. хлеба печеного в Костроме 3 р. 10 к.

20 сент. пуд хлеба печеного в Костроме 10 р.

25 сент. 12¹/₂ ф. муки рж. на купленный талон 2 р. 30 к.

5 окт. пуд и 15 ф. муки ржаной в Костроме у солдат 23 р.

5 окт. хлеба печеного 15 ф. в Костроме 4 р.

Кренделей в продаже вовсе не было. Доставать хлеб стало плохо.

Хлеб из Арх[ангельской] губ. 15 пудов 135 р.

14 окт. ездила за хлебом, привезла 2 [пуда] хлеба 30 ф. 20 р.

14 ноя. ездили за хлебом двоё с Гриней, матка и Гриня в Арх[ангельскую] губернию, дорога на лошадях и на машине 180 рублей.

РАСХОД НА ХЛЕБ ПО КАРТОЧКАМ

5 ф. на человека, мы получали на 9 человек, за семью Ивана П. Бугрова, отдал нам.

7 апр. 1 пуд 5 ф. муки орж[аной] вороготск[ой] пот[ребилровке]. 4 р. 27 к.

19 апр. 1 пуд 5 ф. без карточек вороготск[ой] пот[ребилровке]. 4 р. 27 к.

8 мая пуд муки 10 ф. на человека 4 р. 80 к.

15 мая пуд муки ржаной по карточке 4 р. 80 к.

23 мая пуд муки 10 ф. на едока 4 р. 80 к.

30 мая пуд муки в потреб[илровке] боровс[кой] 4 р. 80 к.

14 июня 20 ф. хлеба печного в Костроме 2 р. 20 к.

16 июня 2 пуда хлеба печного в Костроме 15 р. 60 к.

проездили в Кострому за хлебом 5 р.

26 июня 20 ф. муки рж[аной] в потреб[илровке] в Вороксе 2 р. 80 к.

23 июля пуд муки рж[аной] у Мухи Якова 8 р. 50 к.

28 июля 28 ф. на 4 едока муки ржаной в потреб[илровке] в Вороксе 4 р. 22 к.

6 авг. 2 пуда, 12 ф. у Якова Мухи 11 р. за пуд 25 р. 30 к.

10 авг. 12 ф. муки ржаной по карточке в Вороксе 1 р. 80 к.

14 авг. 18 ф. муки ржаной в потреб[илровке] в Вороксе 3 р. 24 к.

14 сен. 12 ф. муки орж[аной] и 16 ф. пшена. итого 28 ф. 5 р. 30 к.

получено 3 ноября на четверых.

5 окт. послано денег в Даниловское земство 8 р.

9 окт. 10 ф. муки рж[аной] по два с половиной фунта на едока в Вороксе 3 р. 80 к.

20 окт. пуд и 28 ф. муки рж[аной] по 17 ф. на человека. 20 р.

Весили солдаты Т. Королев, В. Ивин, А. Королев, А. Карачанов, Ф. Каныгин.

22 окт. 18 ф. муки рж[аной] на 4 человека в Вороксе 6 р. 84 к.

3 ноя. 26 ф. муки рж[аной] по 6¹/₂ ф. на человека 8 р. 80 к.

3 дек. [на помол] 6 пудов ржи у Сесина 3 р. 50 к.

26 ноя. 9 пудов хлеба из Арх. губ. 135 р.

МУКА ПШЕНИЧНАЯ ПО КАРТОЧКАМ

23 янв. пуд муки пшенисной 4 р. 50к. По карточке через волостного старшину в Боровской потребиловке.

2 февр. мешок муки пшенис. 5 пудов. Взят обратно мешок муки из нашей потребиловки от 31 декабря, не продан на сторону.

15 февр. пуд муки по карточке в Бору 5 р. 55 к. в Боровской потребиловке карточку писал Федор Никифорович, мука крупчатка.

15 мар. пуд муки пшенис. трех сортов 6 р. 20 к. через вороготскую потребилку выдавал продавец Н.И. Муравьев.

1 апр. 18 ф. муки в нашей потребил[овке]. Отдана Ивану П. Бугрову за оржаную муку.

30 апр. 10 ф. муки дано на Гринку 1 р. 53 к. Взято на Гринку, ну только после его гощения.

14 июня 5 ф. ситного в Костроме 1 р. 25 к.

26 июня 20 ф. муки пшен. в потрбиловке в Бору [?].

18 июля 2 ф. манной крупы в потрбиловке в Бору 40 к.

10 авг. 6 ф. муки пшен. на четверых 1 р. 11 к.

14 авг. 8 ф. муки пшен. в потрбиловке в Бору 2 р. 10 к.

22 авг. 4 ф. муки пшено по карточке 1 р. 63 к. Фунт на едока, 4 чело-
века.

КРУПА РАЗНАЯ

28 июня 4 ф. солоду в потреб[иловке] в Вороксе 1 р.

2 окт. 5 ф. саго в боровской потребил[иловке] 2 р. 30 к.

18 окт. 10 ф. солоду в Вороксе 2 р. 50 к.

28 окт. 1 ф. с четвертью рису в Вороксе 1 р. 25 к.

11 ноя. пуд и 4 ф. гречи от Понизовкина. 11 ф. на едока.

12 ф. ржи по 3 ф. на едока от Понизовкина.

10 ф. овса по 2,5 ф. на едока от Понизовкина.

[чай, запас на год ок. 8 фунтов, на сумму 33 р. 75 к.].

[сахар по карточкам на четверых, всего на сумму 40 р. 97 к. В эту сумму входит стоимость 6 ф. винограда в потребиловке. Упоминается, что Гриня привез 7 ф. сахара из солдат].

[рыбы разной 15 ф. свежей 2 р. 25 к., 1 ф. икры в потреб. 90 к., 6 ф. икры 5 р. 40 к., за перевоз через реку Колноть 20 к.].

Хорошему – хорошее поминовение дяде Василью.

10 января 1918 года в пять часов вечера умер Василий Григорьевич Халамонов на 69-м году от рождения. Болезнь была болело в боку давно. Он рассказывал сам, что заболело от вина. Когда было вино, он много пил вина и курил табаку. Когда закрылась продажа казённого вина, ему стало лучше. Табак стал курить легкий, а не махорку. Но в боку продолжало болеть. Под конец жизни не давало лежать, а всё сидел. Сильно был трудолюбив, на всё способен. Делал грабли и плёл корзины, и большое крестьянство оставил и денег. Любимый был у народа. Многим давал в долг деньгами и дровами. Самый полезный был человек для народа. Ну а мне особенно. Я смолода проживал у них, и в тюрьме посетил он меня. От меня ему великая благодарность и царство небесное, помяни его Господи.

[покупка керосина, на сумму 10 р. 62 к.]

[масло деревянное 2 ф. 1 р. 60 к.]

[масло постное, 33 ф., на 30 р. 75 к., стоимость от 70 к. за фунт в январе до 1 р. 70 к. в декабре].

[говядина 9,5 ф. на 12 р., гусяк [= часть туши] 15 ф. на 10 р., сало 4 ф. на 10 р.].

5 дек. 10 ф. патоки у Семенова 12 р. 50 к.

[рыба, лещ соленый, селедка в потребиловке на сумму 12 р. 18 к.].

[мыло 15 ф. и три бруска, в потребиловке в Вороксе на 17 р. 10 к.].

[спички 28 тыс. и 3 коробка, в потребиловке в Вороксе, всего на 15 р. 88 к.].

[овощи, огурцы, капуста, лук, в т. ч. семена моркови, свеклы, редьки, огурцы, дыни, лук, покупалось в Костроме, на базаре в Бору, всего на 23 р. 50 к.].

[соль пуд и 45 ф. в потребиловке в Вороксе, на 4 р. 55 к.], уксусная эссенция бут. 50 к.

[домашние принадлежности: рукомойник, решето, бочка из-под селедки, грабли, чашки, лампадка, чернила, стекла ламповые и др., покупалось в Костроме, в Бору, у жителей деревни, всего 11 р. 76 к.].

[расходы для лошади, 2 березы для осей и на телегу, 2 оглобли 2 р. 70 к. и за наем лошади 1 р. 50 к.].

[Вложена расписка от Я. П. Каныгина в том, что он обязуется обработать душевой надел у П. В. Бугрова за 150 р.]

1917 года августа 6 дня

Росписка

Я крестьянин Ярославской губернии Даниловского уезда Боровской волости деревни Ворокса Яков Павлович Каныгин даю настоящую расписку крестьянину той же губернии и деревни Павлу Васильевичу Бугрову в том, что я, Яков Павлович Каныгин, взял обработать пашню, т.е. один душевой надел в Бугрова ценою за сто пятьдесят рублей 150 р. Сделать всё, т. е. зорать [= вспахать] пашню и сенокос вместе с его женой Анной Алексеевной Бугровой и вывести картофель с полей на завод и домой и взял денег пятьдесят рублей 50 р.

Яков Каныгин [текст расписки написан другим почерком, чем подпись Каныгина, которая свидетельствует о его крайне плохом владении письмом].

За обработку души с Павла Васильевича Бугрова получил сполна [подпись].

[На обороте расписки краткая заметка о том, что 18.01.1918 зарезан кинжалом парень из деревни Заболотье].

14 ноября, во вторник, 12 часов дня matka, т.е. жена моя Анна Алек[сеевна] поехала на свою родину в Архангельскую губернию в Шенгурский уезд к сестре Настасье Алекс[сеевне] Кокшаровой и с сыном своим флотским солдатом Григорьем Павловичем Бугровым. Григорий был на побывке у нас, и мы сильно нуждались хлебом. Я решил их отпустить для закупки хлеба для себя да кстати и побывать на родину, так как жена моя не бывала дома двадцать пять лет и часто мне говорила, очень охота мне побывать дома, но средств у нас не было, да и нельзя было, детки были малы, вот и пришел случай побывать дома да еще с сыном Григорьем. Дал им денег на хлеб и на дорогу 240 рублей. Заветная мечта моей жены Анны исполнилась.

26 ноября приехали из Архангельской губернии Шенгурского уезда деревни Писяково, т. е. с родины жены Анны Алек[сеевны] 4 ночи ночевали у Настасьи Алекс[сеевны] Кокшаровой. Купили хлеба 9 пудов по 15 р. за пуд – 135 р. Дорога стала 150 р. от Яндомы [= Няндомы] до Юхнево 150 верст ехали на лошадях. Гриня ходил там в беседу, там совсем не по-нашему. Итого истратили денег 340 руб.

СИТЕЦ ДЛЯ РУБАХ И ПОЧТАНИКОВ

[Покупался в основном коленкор и ситец Лисутке на рубаху, платье, платок Лисутке, жене на юбку, Коске на рубаху, 3 кушака опоясываться – 8 р. 25 к., всего на 22 р. 60 к.]

МАТЕРЬЯЛ ДЛЯ ПАЛЬТОВ И ШТАНОВ

Себе пальто старое в Костроме, пуговицы к пальто и 5 катушек ниток, всего 3 р. 59 к.

ЧАСЫ КАРМАННЫЕ КУПЛЯНЫ Григорью Павловичу Бугрову. Часы карманные серебряные 84 пробы на 15 камнях анкер прямая линия, ход нутри белой, без цепочки. Часы купляны у Алексея Екимов[ича] Королева ценою шестьдесят три рубля. Часы купляны Гриньке носить завсегда. Алексей Королев часы эти купил в Петрограде у пьяного солдата казака с розбитым стеклом за 40 рублей. Гриня был на побывке из солдат, очень доволен часам. Часы ему понравились.

ОБУВЬ КОЖАНАЯ

11 июня куплены полусапожки Лисутке у крёсного Якова подержанные, им малы, полусапожки хорошие 20 р.

26 сент. послано денег на сапоги троим: мне, жене, Костюшке – троим сапоги в зоюз Аваператив [= союз кооператоров] через потребиловку. Деньги собирали Николай Бугров и Алексей Хортов, Николай был заведующий лавкой, Алексей был закупщиком для лавки. 15 р.

23 ок. везянки [= варежки] в рукавицы в потребиловке 2 р. 70 к.

23 ок. рукавицы в потребиловке в Вороксе 4 р. 50 к.

[всего: 42 р. 20 к.]

17 мая прожил в Костроме и дорога на пароходе, ездили за хлебом и дурындой 2 р. 27 к.

14 июня прожили в Костроме с женой 3 р.

[всего 5 р. 27 к.].

ОБУВЬ ВАЛЯНАЯ, Т. Е. ЗИМНЯЯ

17 мая двоим валенцы в Костроме, валенцы старые себе черные и серые 10 р.

17 мая полусапожки старые лайковые Лисутке 90 к.

полусапожки старые в Костроме 60 к.

19 мая чулки Лисутке в Костроме 90 к.

23 окт. валенцы Гриньке, приедет погостить 42 р.

23 ок. валенцы жене у А. П. Тукунова 39 р.

23 ок. валенцы в потребиловке Лисутке 33 р.

17 ноя. двоим везянки [= варежки] в потребиловке в Бору 6 р. 50 к.

[всего 158 р.]

ДРОВА, РАЗНЫЙ ДЕРЕВЯННЫЙ МАТЕРИАЛ

17 мар. куплено дров березовых полсажени у мужика из-за лесу 18 р.

СКОЛЬКО СТОИТ ЕЗДА НА ПАРОХОДЕ ЗА ХЛЕБОМ

В Кострому ездила больше жена, мне некогда. Спасибо Костроме, а то бы беда. [Ездили 10 раз – 17.07, 29.07, 12.08, 18.08, 11.09, 20.09, 26.09, 5.10, 7.10, 19.10. Всего на сумму 24 р. 90 к.].

Дорога в Архангельскую губ. 150 верст на лошадях везли рожь до Яндомы [= Няндомы] 200 р.

ПРИНЯТИЕ ИКОН И ПОПАМ СВОЕГО ПРИХОДА

5 апр. попам о Пасхой в понедельник отцу Александру Великорецкому 70 к.

11 июля попам со святом 10 к.

6 ноя. икона Толская Божия Матерь 60 к.

22 ноя. попам со святом 25 к.
21 дек. икона Енадий Преподобный 55 к.
15 ян. 1918 г. икона Николай Чудотворец 15 к.
[всего 2 р. 35 к.]

8 мая 2 фунта дынных семян 70 к.
26 сен. собрано на сапоги в Яр[ославский] союз в задаток 15 р.
пара мужских сапогов и две пары женских, итого 3 пары. Собирает
А. Н. Хортов.
20 окт. собрано на орж. муку Понизовкину. Собирает А. Н. Хортов
по 5 р. с едока. Мука получена 68 фунтов <нрзб.> на едока 20 р.
[последнее число зачеркнуто]
2[0] окт. собрано на рисовую крупу 1 р. с едока. Собирает
А. Н. Хортов 4 р.
5 ноя. собрано на хлеб 25 р. с едока 100 р. [последнее число зачерк-
нуто].
Поехали за хлебом в Вятку А. Н. Королев, А. А. Королев и Муха, от
Ярославля воротились.
5 ок. собрано на хлеб в Даниловское зе[мство] по два рубля с едока,
послано с Иваном Марковым в земство 8 р.
7 ноя. собрано за гречу, рожь и овёс Понизовкину на обсемяненье.
Собирает И. Н. Муравьев 22 р. 64 к. [последнее число зачеркнуто].
13 ноя. собрано на сахар и пшеницу и рожь в задаток по два рубля с
едока на 5 человек, в том числа и Гринка солдат. 10 р. 5 к.
26 ноя. собрано на хлеб в Яросл[авский] союз по два рубля с едока.
Собирает Н[иколай] Т[ерентьевич] Бугров 8 р.
Около 25 дек. собрано на хлеб 25 р. с едока через волостное прав-
ление, поехать двое 100 р.

ДЕРЕВЕНСКИЕ РАСХОДЫ, ПОДОХОДНЫЙ НАЛОГ

15 февр. выдано налогу за корову старосте 9 р.
Деньги пошли тому, у кого взяли скотину в казну на войну на мясо,
10 р. живой вес и 3 р. от общества.
Попы потребовали деньги, потому что у них взяли корову от при-
чту на мясо для армии, они и решили купить корову сообща у кого
возьмут и это правильно. В присутствии Ник[олая] Т[ерентьевича]
Бугрова и он писал циф[ру].
26 февр. выдано за бабье [= место покоса] передов[ых] [= аванс]
Я. П. Каныгину 3 р.
11 мар. оброк выдан за первую половину. Записано в оброчной
книжке 2 р. 81 к.

Materials and Discussions

- 13 ав. Выдано за бабье Якову Пав. Каныгину 3 р.
Прошлогодних осенью выдано за бабье 6 р.
11 окт. выдано оброку за вторую половину Якову Каныгину в присутствии Анны Муравьевой и Марьи Королевой 2 р. 81 к.
Осталось от коровьих 9 рублей 1 р. 50 к.
9 ок. додано за бабье Якову П. Каныгину в чайной у Киселева в присутствии Якова Бугрова, Алексея Хортова, Николая Муравьева 4 р.
Итого сошло за бабье [= место покоса] 16 р. 70 к.
4 рубля покрылось дерихой [= болото, где заготавливали прутья для плетения корзин], дериха продана Позизовкину 400 р.
1 ноя. за пастушно [= плата пастуху] один черед 4 р. 50 к.
3 ноя. за сторожу [= ночную охрану] деревни и милицые 2 р.

МАХОРКА

27 июля четверка табаку в потребиловке в Вороксе 6 листов с бумагой 38к.

16 ноя. собирали на деревенские расходы и за бабье передо[м] [= авансом], собирали еще раз с вычетом полтора рубля за коров, которые остались у Мухи. Я додал 2 р. 50 к.

ВИНО и МАХОРКА

14 февр. четверка махорки в Вороксе, продавец Н. И. Муравьев 38 к. полдести [= мера бумаги, десть – 24 листа] бумаги курительной 18 к.

17 июня 3 дести бумаги курительной у Киселева 1 р. 95 к.
11 мар. 2 четверки махорки у Солей [= с. Большие Соли] 80 к.
30 мар. четверка махорки у Никол. Бугрова 35 к.
11 апр. четверка махорки у Шушлина 25 к.

Четверка табаку легкого 95 к.

18 апр. 250 шт. гильз у Н. Киселева 67 к.
17 апр. 8 пачек поперос в нашей потребиловке 1 р. 60 к.
18 апр. четверка махорки 34 к.

Всего взято поперос приблизительно 5р.

17 мая махорка в Костроме 1 ф. 88 к.
16 июня 2 ф. махорки в Костроме 1 р. 76 к.

КОНВЕРТЫ, БУМАГА, КАРАНДАШИ, ЧЕРНИЛА

14 февр. карандаш простой 20 к.
14 июня 2 ф. махорки в Костроме у чумаков 1 р. 76 к. Стояли по очереди, по осьмушке в раз, ходили 8 раз с женой.

14 июня 2 дести [= мера бумаги, 24 листа] бумаги кур[ительной] у Киселева 1 р. 20 к.

28 июня 6 лист[ов] поч[товой] бумаги и 5 шт. перья 25 к.

6 ав. 5 ф. махорки у Василья Халамонова 13 р. Василий Халамонов привез ящик 50 ф. махорки.

10 окт. 4 восьмушки табаку в потребиловке 1 р.

10 ноя. махорки полтора ф. на двоих с Гринкой 3 р. 30 к.

26 ноя. махорки полтора ф. на двоих и с бумагой с Гринкой, когда гостил 3 р. 70 к.

5 дек. десть бумаги курительной у Огашина 1 р.

25 ноя. полтора фунта табаку 3 р. 50 к.

5 ав. 3 дести кур[ительной] бумаги 2 р. 10 к.

25 июня десть кур[ительной] бумаги у Киселева 70 к.

четверть махорки у Колкотина 60 к.

22 дек. 7 восьмушек на курильщика 1 р. 93 коп.

ВЫПИСКА ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ

24 мар. Выписана газета «Голос» на три месяца с 1 апр. и по 1 июля из Ярославля 2 р. 85 к.

Пожертвовано на газету «Крестьянское дело» до конца 1917 г. 1 р.

10 мая выписана газета «Крестьянское дело» 6 р.

6 авг. послано в редакцию «Сельского вестника» 5 р. По случаю дороговизны редакция увеличила плату с Петрова дня 6 р. на полгода

2 сент. Выписана газета «Народное дело» 5 р.

газета «Крестьянское дело» кончилась, а вместо нее вышла ежедневная «Народное дело».

10 ноя. выписан журнал «Пробуждение» на 1918 год 20 р. 25 к. Выписан на год с 1 го января 1918 г. и по 1 е января 1919 г. ежемесячной.

5 дек. выписана газета «Народное дело» 25 р. Газета «Народное дело» выписана на год начиная с 1 янв. 1918 и по 1 янв. 1919 г. ежедневно

8 окт. 2 тетрадки, конверты, 20 листов письменной бумаги, всего 84 к.

ПОСЫЛКА ДЕНЕГ ГРИНЬКЕ В СОЛДАТЫ

9 февр. Послано денег Гриньке 5 р.

24 мар. на Паску 2 апреля послано денег Гриньке 3 р.

Приезжал в гости на 10 дней.

17 апр. на папиросы дано Гриньке 1 р.

24 апр. поехал Гринька служить 6 р.

28 мая послано денег Гриньке 5 р. с Александром Волиным, он с ним на одном судне тральщик *Крамбол*.

8 окт. послано сдобных колобков Гриньке.

8 ноя. Гриня приехал погостить на полтора месяца по 20-е декабря и увольнительный билет судового комитета тральщика *Крамбол* за № 121 и печать судового комитета.

28 ноя. дано денег Грине на гулянку 5 р.

12 дек. дано денег Грине на гулянку 3 р.

17 дек. дано денег на дорогу 10 р.

Гриня поехал служить в Гельсингфорс. До Костромы пошел пешком с Леонидом Хортовым. Гриня взял с собой часы и валенцы.

17 дек. Яков П[авлович] Бугров дал Грине денег на чай 50 к.

ЖЕРТВА НА ВОЙНУ

22 февр. Послано по почте в ред. «Сельского вестника» 1 р. Послано на двинский фронт через редакцию «Сельского вестника» на красное яичко на Пасху светло Христово воскресенье.

19 июля [сбор] железа старого на войну. Все несли железо к пожарному сараю. Моего железа 30 фунтов.

5 дек. Дано беженцу сербу, собирал по деревне с удостоверением от Костромского комитета 20 к.

ПОСЫЛКА ПИСЕМ ГРИНКЕ В СОЛДАТЫ

[Адрес Григория] Петроград, 2-й балтийский флотский экипаж, молодой матрос.

Васильевский остров, Дерябинские казармы 17 рота, 2 взвод.

9 февр. получено письмо от Гриньки, писано о карточке [= фотографии].

9 февр. послано письмо Гриньке в солдаты 5 к.

17 февр. получено письмо от Гриньки о назначении его в комидоры [= комендоры, морской артиллерист].

22 февр. послано письмо и в письме 30 к. марками 30 к. и 5 к.

11 мар. получено письмо от Гриньки, писано о перевороте Государ[ственном].

14 мар. послано гостинцев Гриньке и письмо с Санком с Ссориным, когда гостил дома.

24 мар. получено письмо от Гриньки, писано получил гостинцы.

12 мар. послано письмо Гриньке, в письме 30 к.

8 апр. получено письмо от Гриньки, писано, долго не получает писем.

9 апр. послано письмо Гриньке с Федором Бугровым и гостинцы сухари сдобные, марки 30 к.

27 апр. получено письмо от Гриньки, приехал на службу.
5 мая послано письмо Гриньке и денег 15 к.
17 мая получено письмо от Гриньки и писано в письме Гриня вы-
бран караульным начальником.
26 мая получено письмо от Гриньки из Петрограда.
28 мая послано письмо Гриньке 15 к.
27 июня получено письмо из Финляндии <нрзб.>.
30 июня послано два письма Гринке в Финляндию.
13 авг. получено письмо от Гриньки из Гельсингфорса с Федором
Кузьмичом Котковым, он приехал побывать на двадцать дней.
15 сент. получено письмо от Гриньки.
17 сент. послано письмо Гриньке, тральщик *Крамбол*.
22 сент. получено письмо с тральщика *Крамбол*.
23 ок. послано письмо Гриньке проздравительное [по поводу полу-
чения] георгиевск[их] крестов.
10 окт. получено письмо от Гриньки.
21 ок. письмо получили и карточку фотограф[ическую]. И писано в
письме, что за подвиг в бою Гриня назначен к награде двух георги-
евских крестов.
29 окт. получено письмо от Гриньки, сулитя домой побывать.
[по краю страницы, там, где указывается стоимость, написано:
“оплачено почтовыми марками в пять копеек”].

ПОСЫЛКА ПИСЕМ РАЗНЫМ ЛИЦАМ

25 февр. послано письмо Настасье Кокшаровой Слоботской [= же-
лезнодорожная станция Слоботскоигнатьевская Шенкурского уез-
да ?] на Арх[ангельской] губ.
20 февр. послано денег Ивану З. Ивину в счет аренды 5 р.
22 февр. послана открытка Ивану Ивину.
28 мая послано денег Ивану Захаровичу Ивину в счет аренды души
5 р.
Пришли обратно.
23 июля послана открытка Настасье Кокшаровой.
28 сент. послано письмо в действующую армию 148 пехот.
Кас[пи]тский полк 10 рота 2 взвод Никонору Ивановичу Колотуш-
кину.
28 сент. послана открытка Настасье Кокшаровой.
27 ок. послано письмо Настасье Кокшаровой.
12 ноя. послано письмо с карточкой с Гриньки. В письме писано:
жди гостей – твоей сестры Анны Алексеевны и сыном Григорьем

Павловичем в военной одежде флотского солдата в черной ши[нели].

14 ноя. в заговенье отправились за покупкой хлеба в Архангельскую губернию в Шенкурский уезд на станцию Слоботскоигнатьевская почтовая станция жена Анна Алексеевна и сын Григорий Павлович Бугров, взяли денег двести сорок руб. 240 р.

25 ноя. получено письмо от Кокшарова.

26 ноя. послано письмо Кокшарову.

ПОЛУЧКА ПИСЕМ ОТ РАЗНЫХ ЛИЦ

22 февр. получено письмо от Настасьи Кокшаровой из Архангельской губ.

25 февр. получено письмо от Ивана З[ахаровича] Ивина, просьба денег.

ПОКУПКА СКОТИНЫ

27 мар. купляно телёнок в Гузицине у Константина Алекс[еевича] Бурова цена 42 р.

Тёлка черная белоголовая, на хребте белые пятна, матка у тёлки ярославской породы, родилась тёлка 25 марта 1917 г., крупная.

13 мая купляны два поросёнка у Ивана Афанасьевича Переломова ценою 52 рубля.

Боровок черный и свинка белая. Родились приблизительно 25 апр. [всего 94 р.].

10 июня за легченье [= кастрация поросенка] 50 к.

6 авг. купляно поросёнок боровок у саметской [= из д. Саметь] бабы двух недель, цена 38 р.

5 сент. за легченье Садилкову 1р.

31 мая. весили поросят, черное вытянуло 25 ф., белое вытянуло 23 ф.

[корм скотине: сено, дуранда, повала, барда, солома и опилки для подстилки, всего 83 р. 49 к.].

27 июля выдано за возку на бабье за лишнего человека Польке Каныгиной 7 р. 55 к.

[запись о том, что корова ходила с быком 5-й раз, бык тот же, как и в прошлый раз бабайской породы. Корова должна отелиться около 13 января].

[Запись разных событий в 1917 году, в т. ч. приезд “анжынеров” для осмотра места под терочный завод; поимка двух воров в соседних деревнях и “обех хорошо поколотили следует”; сход в волостном правлении насчет учительницы; пожар в д. Борашово, сгорело 14 домов].

Корова отелилась 4-й раз, 5 февраля, принесла телочку черную белоголовую.

21 ноября проводжали престольный праздник Введенъев день без белой муки и чаю. Оржаной было занято у Екима Ник[олаевича] Королева, спасибо. Круп никаких не было. Всё равно как в старину постились в Великие посты, так и мы нонча. Весь пожилой народ унылый. А маленькие детки бегают себе как будто и сытые, удёржу нет. Жены не было дома, уехала на свою родину за хлебом. Стряпала Лисутка, корову доила тоже. Гриня тоже уехал за хлебом с маткой. Жуткий был праздник.

[запись, сколько вывезено телег навозу на каждое поле].

[запись, сколько посажено картофеля на каждом поле].

[краткие метеорологические заметки. Первая половина зимы была теплая до 10 января, с 10 января 1917 г. была холодная погода и большие морозы и красно до самого 11 марта и т. д. Должна быть жара летом с 10 июля по 12 сентября. И т.п.]

БЕЗОБРАЗИЕ МОЛОДЕЖИ

И родители их не лучше

28 февраля кто-то запер школу во время ученья детей, и учительнице Мелетине Александровне пришлось выставлять зимнюю раму и выпускать детей в окно.

Господи, какая дороготня на всё и какая ложь в народе, невежество, небрежь, усиленное сквернословие и разврат малых детей. А всё больше от молодых родителей. Как будем жить дальше, не знаю. И от этого выходит, что же? Дети не слушают таких родителей.

ПИСЬМА ОТ ГРИНЬКИ из солдат из Петрограда

11 марта получено письмо от Гриньки и писано в письме, что был под перекрёстным огнем пулемётов, т.е. старого правительства с освобождённым новым народным правительством. Гришка был в Петрограде на усмиренье полиции старого правительства.

11 окт. [случай ограбления С. К. Семенова]

ВЕЛИКОЕ СОБЫТИЕ в нашем государстве

1 марта все министры русского государства уволены Государственной думой.

28 мая выбран в начальники милиции Николай Александр[ович] Вещев, крестьянин деревни Рыбниц.

ОТКАЗ ГОСУДАРЯ ОТ ПРЕСТОЛА РОССИЙСКОГО

5 марта было писано в газетах и дошло до деревни Ворокса через «Русское слово».

А всего взято облигаций: 4 облигации в разное время две 1916 год 50 р. и 100 р. и 2 в 1917 год 100 р. и 100 р.

29 марта была подписка денег на свой паевой картофелетерочный завод в деревне Гузицино в чайной у Серова. Я подписал 100 рублей. Деньги пойдут на стройку завода. Называется свой заём.

28 мая куплена облигация 100 рублей за 86 рублей заём свободы и перевести на сберегательную книжку. И за книжку заплочено 25 к.

22 мая взят Государственный заем свободы 100 рублей, а денег заплачено 85 р. 92 к. Через пять лет будет тираж. Облигацию просил взять на руки посмотреть, какая новая облигация 1917 г.

[7 апр. упоминание о выемке картофеля из погреба].

8 НОЯ[БРЯ] ГРИНКА ПРИЕХАЛ ПОГОСТИТЬ НА 45 ДЁН

т. е. с 8 ноября по 20 декабря. Флотская одёжа нового образца без погонов и кокарды. Пуговицы на бушлате с якорем, а были с орлом.

Увольнительный билет за № 121 с приложением печати судового комитета тральщика Крамбол. Уехал из дому на службу 17 декабря 1917 г.

16 апр. Гриня приехал из солдат погостить дома на 10 дён во флотской одёже. Флотская одёжа старого образца с погонами 2БФЭ. Уехал из дому 24 апреля на пароходе до Костромы и на вокзал в Петроград. Увольнительный билет 17 роты при нём.

[заметка о половодье на Волге].

УМЕРШИЕ В ДЕРЕВНЕ В 1917 ГОДУ

УМЕРЛА ЕЛЕНА КАРАЧАНОВА бывшая Лубенина 21 июля в пятницу, всего замужем жила полтора года, всё своё имущество и деньги, и лес Моделово перешло к мужу, т. е. Евлантию Яковлевичу Карачанову. И дом после отца Павла Александровича Лубенина тоже достался Евлантию Карачанову. Елене 60 лет от рожденья. На лицо была сильно нехорошая, долгорожая, болезнь была в боку.

УМЕР ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ ТУКУНОВ СТАРШОЙ 22 ИЮЛЯ В СУББОТУ около 56 лет. Хворал около двух годов. Болезнь была в животе и не пропускало пищу. Гордый характером, с рыжей бородой и малого роста. Сын бывшего волостного старшины. Конечно, было имущество и земля.

3 СЕНТЯБРЯ УМЕР АЛЕКСЕЙ ЕКИМОВИЧ КОРОЛЕВ СТАРШОЙ, около 56 лет. Хворал около 3 лет. Породы несмелой. Болезнь была не пропускало пищу. Всегда жил в Петербурге, холост, имел деньжонки

6 АПРЕЛЯ УМЕР ИВАН ПАВЛОВИЧ КАНЫГИН, ЗВАЛИ ЕГО ЦАРЬ, так как он был выбран “Царем”, когда представляли Царя Максимилиана [= народная драма *Царь Максимилиан*].

28 НОЯБРЯ УМЕРЛА БАВШКА ОВДОТЬЯ БУГРОВА или Камашова, около 80 лет от рожденья. Жизнь была спокойная, заботился больше муж.

4 ИЮНЯ В ВОСКРЕСЕНЬЕ УМЕР ЕВДОКИМ ПЕТРОВИЧ КАНЫГИН, около 60 лет отроду. Всю свою жизнь прожил в Петербурге, по зимам приезжал домой на малое время. Скупой и бережливый, но средства были малы. Чтобы пожить дома подольше, вино не пил, никогда табаку не курил, был скорохват и частобай.

14 ИЮНЯ УМЕРЛА БАВШКА СЕРАФИМА ГРИШАЕВА деревни Бутова, проживала у племянницы Анны Муравьевой, около 80 лет.

17 ИЮНЯ В СУББОТУ УТОНУЛЯ ПРАСКОВЬЯ АНДРЕЕВНА ТУКУНОВА, КЛИЧКА КОСАРИХА. ЖЕНА ИВАНА АЛЕКСЕЕВИЧА ТУКУНОВА МЛАДШЕГО. Шла с огрѣбки картофеля из-за Хрептова и стала купаться в Шохрамке реке около канавы, спустилась с берегу в воду и обратно не вышла, потому что сильно глубоко, а плавать не умела. Спустя час время узнали по одежде, которая лежала на берегу. Хрептовские ловили бродником да не вытащили. Привезли невод В. Т. Халамонова, два раза не вытаскивали, а на третий вытащили у самого берега, глубина воды 5 аршин. Откачивать не стали, потому что в воде пробыла три часа. Около 37 лет от рожденья. Была нелюбимая у мужа и народа, что на уме, то и на гувне [так. – И. С.], нездержавная на словах и звали дурой. Муж много раз прогонял от себя к отцу. Жизнь была неважная, не приведи бог никому.

Они сошлись богатых родителей. Один старшины сын, а другая рыбака дочь Косарёва.

[на последних страницах перечень лиц, у кого были заняты деньги, по 10–20 руб. Все долги погашены и запись о “таскании” картофеля на завод]

24 сентября в воскресенье было собрание на паевом терочном заводе и постановили: таскать картофель по 4 человека из деревни. С каждого члена по человеку. Из Вороксы четверо, из Хрептова четверо, из Гузицино четверо, из Бору двое, из Яснищ двое. Итого

нужно людей 16 человек ежедневно для подтаскивания картофеля, т.е. когда кончат весь картофель.

[Далее перечень, кто и когда таскал картофель на завод].

[На обороте обложки плохо читаемая запись о дерихе].

* * *

Ниже приводятся три письма П. В. Бугрова, адресованные сыну Григорию, служившему в то время на Балтийском флоте, и выдержки из трех ответных писем, которые дополняют и разъясняют дневниковые записи. В них более ярко, чем в дневниках, описаны как волнения в деревне, настроения и надежды крестьян, так и личное отношение Бугрова к происходящему. Писем Григория, относящихся к октябрьским событиям, нет, поскольку он не принимал в них участие, находясь в это время в отпуске у родителей в деревне. Однако его письма, написанные весной 1917 года, хорошо демонстрируют революционные настроения в среде балтийских моряков.

В связи с перепиской отца и сына Бугровых хотелось бы обратить внимание на следующее. Судя по ответам Григория, основным содержанием их писем все же была повседневная жизнь с ее нуждами и тяготами, а одной из главных забот П. В. Бугрова и его жены являлось беспокойство о сохранении и получении обратно одежды и других предметов (чайника, сундучка), которыми родители снабдили Григория при отправке его на службу. Это, конечно, отражает низкий уровень жизни семейства Бугровых, но и является проявлением крестьянской бережливости и рачительного отношения к ресурсам. В целом, дневник и письма содержат много интересных и неожиданных деталей, позволяющих лучше понять мотивы действий ярославского крестьянства в период двух русских революций 1917 года.

ЯМЗ 18152/240

Письмо Павла Васильевича Бугрова Григорию Павловичу Бугрову (сыну). Текст написан чернилами на 4-х страницах размером 21х13 см. Написан прописью, очень аккуратно на линованной почтовой бумаге. Возможно, это копия с отосланного сыну письма.

1917 года марта 13 дня в понедельник.

Милому и дорогому нашему сыну Григорию Павловичу от родителей твоих Павла Васильевича и Анны Алексеевны посылаем мы тебе заочное родительское благословение навеки нерушимое и с любовью низкий поклон и желаем быть здоровому и молим Бога о

твоей честной военной службе. От сестры Лизаветы и брата Константина твоих посылаем по низкому поклону и желают быть здоровому.

Во первых строках нашего письма спешим проздравить тебя, Гриня, с Новым Правительством и новым строём жизни Гражданской и победой старого правительства и старой несправедливой жизни и благодарим Бога о сохранении твоей жизни в столкновении с полицией старого строя. Наверно, у вас, Гриня, скоро будет присяга новому правительству, одним словом, всё перестраивается по-новому, как у вас, так и у нас в деревне.

Уведомляю тебя, Гриня, у нас дома начинаем жить по-новому. Патреты бывшего государя вынесены из правления, урядники уволены со службы, а которые арестованы. Вместо их выбраны народная Милиция, т.е. комитеты. Этим комитетам подчиняется эта милиция из народа. У нас выбран Александр Семенович Ивин 15 р. в месяц жалованье. А на заводе выбраны рабочие, от Понизовкина завода, и охраняют тишину и порядок, и караулят урядника Дерябина, он арестован милицией. Во многих деревнях ходят с красными флагами, провозглашают свободу и новое правительство. К сожалению, Гриня, не все поняли, что такое свобода. Свобода дана нам жить честно, верно, кормиться своим трудом, жить по-своему усмотрению, как нам удобнее и лучше устроить свою жизнь и её охранить от лихих людей, а не безобразить и хулиганить, и воровать, и обижать других. Помни, Гриня, заповедь Господню: Люби ближнего своего как самого себя. А вот, Гриня, что было в Петропавловской волости. Ходили с флагами и безобразили, в правление изорвали картины и переломали дорогие рамы и многие бумаги изорвали. А на улице безобразили и к прохожим привязывались. А у Семёнова толпа людей просили денег, даже Семёнов обещал выдать денег по два рубля на каждую четверть картофлю. Так вот, Гриня, это разве свобода? Это произвол безобразия. Так вот как поняли свободу некоторые люди. Но конечно, им расскажут и усмирят. А обижать людей не позволят.

Уведомляю тебя, Гриня, мы порядились с Мухой зорать [= вспахать] пашню за 150 рублей. Я хотел купить лошадь, да очень сено дорого 1 р. 70 к. пуд. И пришлось сдать душу Мухе Я. П. Корова у нас отелилась 5 февраля, принесла тёлку черную белоголовую как сама.

Ещё уведомляю, Гриня, Санко Силантьев раненный в руку. А лежит тут у вас в Петрограде в Зимнем дворце во втором этаже. Ты по-

просись, не отпустят ли тебя в город, так и побывай у него и сам посмотришь на дворец, где жил бывший государь и барон Фредерикс. Ещё Гриня, Иванко Муравьев служит в коннице в Петрограде, он был дома. Когда сменяли старое правительство и распустили по домам ненадолго, теперь он уехал на службу в Петроград. Ещё уведомляю тебя, Гриня, у нас слух идёт, и нам дадут землю, а не будем арендовать чужую пашню. Я этому верю, но только бы Бог привел победить врага. Ещё Гриня «Сельский Вестник» не выходит с 22 февраля, не знаю, будет ли он печататься или кончил своё существование, так как она правительственная газета. Но, по моему, и ты сам читывал, Гриня, тут худого ничего не было, кроме хорошего. А может быть и выйдет, только под другим названием.

ЯМЗ 18152/241

Письмо Павла Васильевича Бугрова Григорию Павловичу Бугрову (сыну). Текст написан чернилами на 4-х листах размером 21х13 см. Написано прописью, менее аккуратно, чем предыдущие письма.

1917 сентября 17 дня воскресенье

Милому и дорогому нашему сыну Григорию Павловичу от родителей твоих Павла Васильевича и Анны Алексеевны посылаем мы тебе своё родительское заочное благословение, которое может существовать по гроб твоей жизни и с любовью низкий поклон и молим господу Бога о твоём здоровье. От сестры Лизаветы и брата Константина посылают тебе по низкому поклону и желают быть здоровому. От товарища твоего Константина Александровича Короткова низкий поклон, он роёт картошку у Ивана Петровича Бугрова.

Во первых строках спешим уведомить тебя, Гриня, ты пишешь, что писем от нас не получаешь, почему это, мы не знаем. Конечно, нам некогда писать письма часто, но всё-таки послано было 3 письма. А от тебя получили тоже три письма. Конечно, на это дивится больно нельзя, так как почты завалены корреспонденциями, так может быть, которое и подольше пролежит, а всё-таки дойдёт до назначения своего места. Ещё, Гриня, просим мы тебя, как получишь письмо, то пиши, что получил такого-то числа, а то ты ничего не пишешь, когда получаешь. Мы последнее письмо получили от тебя 15 сентября, а ты его писал 8 августа, что-то очень долго шло, ты не ошибся ли, написал 8 августа, а не восьмого ли сентября Богоро-

дицин день, мне думается так. Теперь буду каждое письмо оплачивать почтовой маркой, так не лучше ли станут доходить письма. И это письмо назовём первым № 1. И будем знать, которое получено. И ты делай так же, как будет время свободное, ты ведь на службе защитник родины от внешних и внутренних врагов. Внешние – это нашего Государства. А внутренние – это внутри России: воры, грабители, убийцы. Это те, которые делают вред. Еще уведомляю тебя, Гриня, купить сапоги Костюшке и Лисутке что надо, и пришлешь денег на это. За это Большое спасибо. Хотя на деле ещё нет, откуда же у тебя деньги, где ты их возьмёшь. Твои товарищи Павел Хортов писал отцу, что жалованье он получает 15 рублей в месяц. А ты нам ничего не пишешь об этом, так вот мы сумлеваемся, что ты денег пришлешь. Но скажу я тебе вот что. Сапоги теперь стоят 100 рублей и ситцы полтора рубля за аршин и дороже. Если это всё будем покупать теперь в самое дорогое время, то мы будем враги сами себе. Не только [не] будем иметь дорогую скотину Ярославской породы да водить на выставку, а даже нечего будет и есть, и купить хлеба. А лучше, Гриня, починить старенькое и переждать это время, ведь война когда-нибудь кончится и взойдёт всё в свою колею, т.е. всё будет подешевле. Тогда можно и купить что надо, а деньжонки нам нужно хранить до время хорошего. Купить можно и старенькое на базаре. Это всё мы, Гриня, знаем, живём в бедности, ты всё знаешь сам. Если есть у тебя деньжонки какие, то пришли нам, мы истратим их с большим расчетом, чтобы не переплатить зря. Может быть, дадут землю, нужна будет лошадка и дом наш весь развалился, да многое, многое нам надо. Не платить бы за орку [= вспашку] пашни, за чужую лошадь. У нас нонче будут свои уже деньжонки 1000 рублей. Пришли, если есть, всё пойдёт для вашего же улучшения, вам жизнь предстоит хорошая. Лишь бы Бог привёл войну кончить благополучно. И мы, Гриня, очень радуемся, что ты не нуждаешься. За это спасибо. Почем картошка и сколько нарыли, я опишу в другом письме и сколько скотины и где твои товарищи и какое у нас время. Затем, Гриня, прости, будь здоров, не забывай Бога. Помни первую заповедь господню: Аз есть Бог твой, да не будут тебе Бозе инии разве мене.

Павел Бугров

ЯМЗ 18152/242

Письмо Павла Васильевича Бугрова Григорию Бугрову (сыну). Письмо написано чернилами на линованном тетрадном листке размером 22,2x17,5

см. Вероятно, это только второй листок из письма, т.к. нет даты, обычного обращения и поклонов. По всей видимости, это ответ на письмо Григория от 05.02.1917 г. (см. ниже).

Поздравляю тебя, Гриня, с победой. Как ты пишешь, что был под перекрёстным огнем пулемётов и не спал двое суток. Это значит, что ты был уже в действии против старого режима, т.е. государственного строя и освобождение людей из-под гнету старого правительства. Я тебе вот что скажу, Гриня, ты помнишь, когда мы с тобой ходили работать на барже к Понизовкину и пойдём с работы домой усталые до бесконечности, обувь на нас плохая, одежда тоже рваная и полуголодные и помнишь, Гриня, обгоняет нас господин Понизовкин на роскошном дорогом автомобиле и со служанками и в хорошей дорогой одежде. И подумал бы он, что де как эти люди работают у меня, а такие рвани и худые, дак я устрою ихнюю жизнь и жилищѐ, но наверно не думал. Он думал, что так надо. Досталось по наследству такое богатое имущество от прадедов его. А как нажили его прадеды, мы не знаем. Только знаем, что это делалось чужими руками и чужими мозгами. Ты был мал, Гриня, а я, грешный человек, и подумаю, неужели же он и Богу родной. Но нет, Гриня, у Бога мы все равны. Но только жизнь так сложилась, работали люди одни на других. Так продолжалось тысячи лет. Даже учёные люди подчинялись богачу. И пословица говорится: дурак – едет в карете, а умный – да идѐт пешком. Ведь наши купцы Понизовкины ни одного кирпича не сделали своими руками и ни одного здания они не выстроили своими руками, а всё те же бедные люди, как и мы. Но вот, Гриня, в нынешние времена люди додумались, что так жить грешно и продолжаться дальше такая жизнь не может. И задумали, как бы освободить бедный народ от гнёта этих богачей и ихней опеки. Но старое правительство сопротивлялось этому строю жизни нашей, но многие были уже давно согласны мириться с новым строем жизни. Но Бог даст, Гриня, пройдѐт великая гроза и установится тихая и мирная, и трудовая наша жизнь. Но только надо постоять грудью за всё это, ведь сказано, сам живи и другим жить давай. Затем, Гриня, прости. Будь на тебе воля Божья. Аще не господь сосидет дом напрасно трудящегося сиздующий [так. – И. С]. Аще не Господь сохранит град напрасно бог стереги. И кладу в письмо 30 копеек марками тебе на гостинцы. Павел В. Бугров.

[сбоку на полях приписано:] Вложено 2 марки по 15 копеек, итого 30 копеек. Что ты, Гриня, не пишешь об марках, которые я кладу в письма, ты пиши.

ЯМЗ-18152/259

Письмо Павлу Васильевичу Бугрову от Григория Павловича Бугрова (сына). 11.01.1917. Письмо написано черными чернилами на согнутом пополам листе линованной почтовой бумаги размером примерно 21x13 см.

[...] а жить покуда хорошо. Занятие кончается. Мне, слава БОГУ, БОГА ГНЕВАТЬ нельзя, ученье задается и сейчас не знаю, что будет дальше, когда будем в школе учиться на специальности, в сейчас все хорошо. Даже не в очередь не служивал и нигде ни одного бачка не мывал, все слава Богу, не знаю, что дальше. А вот после присяги я вам пришлю мою одежду и снимусь на карточку, а сейчас нельзя ни под каким видом, а после присяги может вышлют, а может останемся здесь учиться на командора, то есть морской артиллерии. Может, дядя Константин Рыженьков приедет, дак что-нибудь возьмёт, а то почтой пошлю. Пришлю все [вещи] чайник я вам обратно, а может и сундук. Затем, до свидания.

ЯМЗ-18152/261

Письмо Павлу Васильевичу Бугрову от Григория Павловича Бугрова (сына). 05.02.1917. Письмо написано простым карандашом на согнутом пополам листе линованной почтовой бумаги, читается с большим трудом.

[...] Я покуда жив и здоров, слава Богу, хотя под перекрестный огонь пулеметов попадал сколько раз. <2 слова нрзб.> Бог милует, уже в Петрограде идет революция, долой старое правительство и борьба за свободу, к народу присоединились все части войск. Наших начальников, которых уже нет, которые пили людскую кровь. Теперь будет новое правительство. Мы на днях ждали высылки, но застала нас революция и остались здесь в Петрограде. [...] Наверно, долго здесь пробудем, когда все взойдет в руки нового правительства, тогда и поедем на новое место, как будем живы и здоровы, то все же пошло по-хорошему на лад нового правительства. Теперь только не сдаётся одна полиция, стреляют из пулеметов с чердаков, то это все неважно и их всех переловят и дело пойдёт по-новому и нам будет хорошо, не будем помирать <3-4 слова нрзб.> не у нас, а и в Германии в Берлине тоже идет революция.

Затем, до свидания [...] хотелось спать, потому что 2-е суток был в карауле, теперь спокойно ложусь спать.

ЯМЗ-18152/275

Письмо Павлу Васильевичу Бугрову от Григория Павловича Бугрова (сына) 01.09.1917. Написано карандашом на линованной почтовой бумаге размером 21x 13 см.

[...] Здесь погода хорошая, нахожусь в городе Арензбурге [Лифляндской губ.]. Костюшке купите сапоги, потому что я знаю, как ходить по льду разутому, я вам деньги за сапоги пришлю. Я бы купил здесь, да очень долго пройдут почтой, так купите там и напишите мне, я вам пришлю. И Лизутке купите чего нет. Я вам за все уплачу, хотя не сразу, сразу не могу, потому что выписали сапоги, придется заплатить, но всё-таки хватит и вам заплатить.

Ольга Шемякина

Автобиография шлиссельбуржца М. В. Новорусского

Introduction to the publication of the autobiography of a Shlisselburg prisoner, M. V. Novorusskii (1861–1925).

Михаил Васильевич Новорусский (1861–1925) известен, прежде всего, как участник покушения на Александра III 1887 г. Его участие в этом деле было косвенным: он предоставил Александру Ульянову свою квартиру для приготовления динамита. Тем не менее, Новорусский в возрасте 26 лет был приговорен к пожизненному заключению в Шлиссельбургской крепости, где в результате провел восемнадцать с половиной лет (до 1905 г.). Таким образом, он оказался в Шлиссельбурге, не имея за плечами яркого революционного прошлого или устойчивых политических взглядов: “В моем прошлом, можно сказать, не было никакого политического прошлого”, – писал он о себе [Новорусский 1933: 23]. В отличие от многих своих товарищей по заключению, он не успел стать ‘революционером’ и ‘народовольцем’, но стал ‘шлиссельбуржцем’ в большей степени, чем кто-либо другой. В. Н.

Фигнер вспоминала о нем: “М[ихаил] В[асильевич], действительно, прибыл в Шлиссельбург, как он сам справедливо говорит, человеком не сформировавшимся и совсем не подготовленным к участи, которая обрушилась на него, подобно лавине. Как еще лишь о немногих узниках Шлиссельбурга, о нем можно сказать, что вполне образовался и развился он в стенах этой крепости.” [Фигнер 1920: 223]. В Шлиссельбурге формируются не только политические взгляды и определенные свойства характера Новорусского, о чем он писал в своей автобиографии и воспоминаниях *Записки шлиссельбуржца*. Разнообразный опыт, полученный им в крепости, отразился на всей последующей его жизни, и следы Шлиссельбурга мы можем обнаружить в его многосторонней деятельности после освобождения.

В заключении Новорусский много занимался самообразо-

ванием, изучая различные области знания – от философии до химии. Шлиссельбург сформировал у Новорусского своеобразный тип образованности, который позволил ему впоследствии успешно проявить себя в сфере популяризации научных знаний. Имя Новорусского вошло и в историю музейного дела. Это увлечение также берет свое начало в Шлиссельбурге – с сотрудничества с Подвижным музеем наглядных учебных пособий. Первоначально шлиссельбуржцы пользовались его коллекциями для самообразования, а позже сами приняли участие в их пополнении, и более всего составлением гербариев, энтомологических и минералогических коллекций был увлечен именно Новорусский. Непостижимый опыт изучения природы в условиях Шлиссельбурга отразился даже в его книгах для детей – в образах ‘мальчика меньше пальчика’, разглядывающего гигантских насекомых, или маленького Миши, замороженно наблюдающего за удивительным миром снежинок (Новорусский 1911; Новорусский 1923). Еще одним занятием, разрешенным начальством крепости, было разведение огородов и парников. Эта сельскохозяйственная

деятельность, требовавшая в суровых природных условиях Шлиссельбурга особого усердия и специальных знаний, приносила, тем не менее, большие плоды: одному из шлиссельбуржцев удалось вырастить дыню и арбуз (Новорусский 1933: 89), а вершиной ‘фермерской’ карьеры Новорусского стали заботливо ‘высиженные’ им цыплята (Новорусский 1933: 160–165). После освобождения он использовал этот опыт в качестве автора популярных брошюр по вопросам сельского хозяйства, а также на посту директора Сельскохозяйственного музея в Петрограде, который он занял в 1917 г. Благодаря усилиям Новорусского этот музей в 1920-е гг. превратился в целый совхоз:

У нас с оживлением природы усиливаются работы. [...] Ныне нам утвердили смету в 8 м.р. и мы хотим превратить мертвый музей в рассадник всякой живности. Уже продали 60 кроликов. На очереди дюжина поросят. Дальше пойдут цыплята, козлята и т.д. Хочу заложить инкубатор на сотню яиц [...]. Да, к довершению всего открываем ‘завод’ по изго-

товлению коллекций. Будут настоящие ‘воспитательные дома’ для насекомых и прочей коллекционной живности [...]. Задачи поставили широкие. Не знаю, справимся ли [...].

А тем временем мы готовимся к выставке, взяли английских свиней, взяли новый совхоз, расширяем молочную ферму покупкой новых коров и вообще раздуваемся и раздуваемся, не знаю, до каких пределов. Наш садовод уже заказал 3000 дичков яблонь, и мы постепенно разводим фруктовые сады в недрах Петрограда для будущих потомков (РГАЛИ. Ф. 1185 Оп. 1. Д. 197. Л. 135, 137, 171.).

Неудивительно, что и воспоминания Новорусского о Шлиссельбурге оставляют впечатление не ‘остановившихся часов жизни’, как у Фигнер, а какой-то непрерывной кипучей деятельности в парниках, ремесленных мастерских и импровизированных химических лабораториях. Другой знаменитый шлиссельбуржец Н. А. Морозов позже писал о книге Новорусского: “Читая такого рода

утешительные воспоминания, как у Новорусского и Фроленка, мне часто страстно хотелось сделать к ним корректив, который ярко показал бы, что все это была лишь серебряная парча на ряде гробов...” (Морозов 1965: 436–437).

Новорусский относится к тем немногим представителям поколения революционеров 1870–1880-х гг., которые стали свидетелями революции 1917 г. и начала строительства в России нового социалистического общества. Послереволюционная биография народников и народолюбцев уже привлекала внимание исследователей, особенно в свете их отношения к большевизму и проблем формирования исторической памяти (см. Леонтьев, 2000; Сабурова 2016: 310–390; Шемякина, 2017). Наиболее изученной можно считать деятельность В. Н. Фигнер: она была одним из самых активных и ярких представителей этого поколения, а ее личный архив сохранил массу документов, прежде всего писем, позволяющих получить представление о послереволюционной судьбе не только самой Веры Николаевны, но и многих других старых революционеров (см. Незапечатленный труд 1992; Вада 1999; Hartnett 2014: 205–261).

Что позволяет нам уже в 1920–1930-е гг. рассматривать людей, связанных некогда в молодости приверженностью народнической идеологии и совместной революционной деятельностью, как единую группу? Прежде всего, многие из них поддерживали личное общение или вели переписку. Кроме того, существовал ряд организаций историко-просветительского и правозащитного характера, объединявших вокруг себя ‘стариков’: Общество политкаторжан и созданные при нем Кружок народовольцев и Секция по изучению общественного движения 1830–1870-х гг., Историческая секция Дома печати, отчасти Кропоткинский комитет, Политический Красный Крест, МОПР (Международное общество помощи борцам революции). Несколько раз ‘старики’ направляли совместные заявления в адрес ЦИК СССР с требованием широкой политической амнистии, уничтожения внесудебной смертной казни (см. Гарелин 1980: 400–402; Незапечатленный труд 1992: 433–438). Но главное, что их объединяло – это задача сохранения памяти о народническом движении и ушедших товарищах, создания большой ‘коллективной автобиографии’. Они издавали и

переиздавали свои воспоминания целыми книгами и небольшими статьями, писали примечания и предисловия к работам друг друга, постоянно уточняя между собой какие-то детали прошлого, активно обсуждали в переписке как сам процесс, так и результат собственного мемуарного творчества. В итоге воспоминания, созданные старыми революционерами в 1920–1930-е гг., можно назвать коллективными и интертекстуальными (см. Сабурова 2016: 370).

Одним из наиболее крупных народнических мемориальных проектов 1920-х гг. был 40-й том Энциклопедического словаря Гранат *Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70–80-х годов* 1926 г., в который вошли 48 автобиографий народников с примечаниями Фигнер. Эти тексты до сих пор являются важнейшим источником для изучения истории революционного движения и используются как основа для составления биографий его представителей. Новорусский умер в сентябре 1925 г., буквально накануне начала работы над Словарем, и его автобиография в 40-м томе отсутствует. Настоящая публикация призвана, прежде всего, восполнить этот пробел.

Разумеется, данная автобиография не является единственным эго-источником, оставленным Новорусским. Он – автор воспоминаний *Записки шлиссельбуржца*, а также множества отдельных мемуарных статей. Его письма разных лет сохранились и отложились в личном фонде в ГАРФ, фонде В. Н. Фигнер в РГАЛИ, фонде Н. А. Морозова в Архиве РАН. Однако уникальность автобиографии как жанра, создающего четкий концентрированный образ видения автором собственного жизненного пути, делает данный источник незаменимым.

Автобиография хранится в личном фонде Новорусского в ГАРФ (Ф. 1733. Оп. 2. Д. 2), состоит из четырнадцати листов, включает в себя как рукописный, так и машинописный текст. В сохранившемся варианте отсутствует один лист (четвертый по авторской нумерации). Текст состоит из двух частей – описания фактической ('внешние факты') и интеллектуальной ('внутренние факты') биографии. Автобиография была написана в 1925 г.: это самая поздняя дата, упомянутая в тексте, и совпадает с годом смерти Новорусского.

Сам сохранившийся текст не содержит информации о том, для чего он был написан. Нет никаких сведений, указывающих на то, что автобиография предназначалась для Словаря Гранат. Работа над Словарем началась в конце 1925 г., уже после смерти Новорусского. Кроме того, можно предположить, что его автобиография не подошла бы по своему формату, так как авторы статей, помещенных в Словаре, фокусируют внимание, прежде всего, на коротком периоде своего участия в революционном движении, рассказывая с максимальным количеством подробностей о конспиративных квартирах, типографиях, обысках и арестах. Новорусский, как уже было сказано, считал свое революционное прошлое скромным и не заслуживающим детального описания, поэтому его автобиография имеет совершенно иные 'пропорции' и композицию.

Часть автобиографии, охватывающая период после освобождения, была использована Фигнер при написании очерка о Новорусском для книги *Шлиссельбургские узники 1920 г.*, которая была переизданием нескольких портретов шлиссельбуржцев, опубликованных Фигнер еще в 1907 г., но до-

полненных фактами их биографии за прошедшие с тех пор 13 лет (Фигнер 1907). Об этой книге Новорусский писал Фигнер: “Сделанные прибавления придают каждому лицу такую целостность, что после этого так и хочется почтить от всех дел своих: материал для некролога – готовый и полный. Тем более, что у Вас, как в юбилейных речах, говорятся одни только приятности. Злые языки, чего доброго, начнут ехидничать: как, де, они сами себя расхваливают!” (РГАЛИ Ф. 1185. Оп. 1. Д. 197. Л. 146.). Рассказ Фигнер о деятельности Новорусского после освобождения из Шлиссельбурга почти полностью и дословно совпадает с текстом автобиографии. Таким образом, можно предположить, что эта часть автобиографии была написана по просьбе Фигнер и гораздо раньше – не позднее 1920 г., а затем дополнена фактами, относящимися к 1921–1925 гг.

Автобиографии революционеров 1870–1880-х гг. являются не только важным источником для изучения истории народнического движения. Они представляют ценность как эго-документы, позволяющие понять, как старые революционеры смотрели на пройденный жизненный путь из уже

совершенно новой реальности. Такой подход к народническим автобиографиям и мемуаристике как к самостоятельному объекту изучения можно встретить в работах Т. А. Сабуровой, А. М. Эткинда, Х. Хугенбум. Т. А. Сабурова исследует причины, по которым старые революционеры обращались к прошлому, а также формы и смыслы использования религиозного дискурса в народнической мемуаристике (см. Сабурова 2014). Х. Хугенбум рассматривает народнические автобиографии как определенный жанр со своими законами и выделяет несколько таких конвенций в том, как революционеры описали своего детства: обязательными атрибутами этого этапа автобиографии были рассказы о первом ярком эмоциональном впечатлении, историческом событии, столкновении с народом и чтении. Хугенбум удалось убедительно показать, что повторяемость этих элементов в различных автобиографиях объясняется именно особенностями самого жанра: некоторые авторы использовали эти компоненты, даже если никакого конкретного личного воспоминания за ними не стояло. По ее мнению, большую роль в формирова-

нии канонов этого жанра сыграла В. Н. Фигнер, которая считала необходимым уделять особое внимание описанию детства, семьи, ранних впечатлений. Хугенбум применяет гендерный подход, благодаря чему становится возможным говорить об особенностях и различиях женских и мужских народнических автобиографий. Исследователь также поднимает важнейший вопрос о заложенном в народнических автобиографиях противопоставлении себя большевикам как революционерам другого поколения и типа (см. Hoogenboom 1996)

В некоторое противоречие с подходом и выводами Хугенбум вступает статья А. М. Эткинды, в которой рассматриваются одновременно и народнические автобиографии 40-го тома, и автобиографии большевиков, опубликованные в следующем 41-м томе под названием *Деятели СССР и Октябрьской революции*. Эткинды считает основным механизмом революционной биографии 'экзотизацию прошлого' с целью 'универсализации настоящего'. В своих автобиографиях революционеры подробно и красочно рассказывают о детстве, происхождении, уделяя внимание таким категориям 'старого мира', как

сословие, этничность, вероисповедание, увеличивая таким образом историческую дистанцию между собой и своим прошлым. Чем больше была эта дистанция, тем больше препятствий приходилось преодолевать на пути к 'новому человеку'. Эткинды рассматривает эту 'растяжку' не как составляющую жанра революционной биографии, а как механизм революционной идеологии в целом (см. Эткинды 2005).

Автобиография Новорусского значительно отличается от большинства известных народнических автобиографий, написанных в 1920-е гг. Это объясняется не только тем, что составлена она была не для Словаря Гранат, но и необычностью личности и революционного пути ее автора. Очевидной особенностью народнических автобиографий является то, что большая часть текста отдается описанию довольно короткого периода в жизни – несколькими годам участия в революционном движении. В некоторых источниках можно также встретить довольно пространственные повествования о детстве и юношестве, цель которых проследить собственный путь к революционному мировоззрению. Жизнь после активного

участия в революционном движении удостоивается, как правило, двух-трех предложений. В своих автобиографиях народники считали возможным и необходимым рассказать только о том, что делало их жизнь частью большой истории. В это 'необыкновенное прошлое', по выражению В. Н. Фигнер (Сабурова 2014), иногда включался и период пребывания на каторге или в заключении, который также рассматривался как 'историческое существование'.

Автобиография Новорусского, напротив, представляет собой тот редкий случай, когда автор подробно описывает свой жизненный путь после освобождения (с 1905 г.), заполняя повествование перечислением множества учреждений, газет, журналов, книг. Наличие такого количества подробностей, на первый взгляд, удивляет и делает текст как бы перенасыщенным избыточной информацией. Эту особенность автобиографии Новорусского можно рассматривать как попытку преодоления устоявшегося представления о значимости только лишь 'исторического' прошлого и утверждения ценности своего существования в другой жизни – жизни после Шлиссельбурга и вне большой истории.

Несмотря на то, что в автобиографии Новорусского много внимания отводится описанию периода 1905–1925 гг. – столь насыщенного историческими событиями, в ней нет упоминания ни об одном из них. Это отличает текст Новорусского от автобиографий народников, помещенных в Словаре Гранат: почти все они так или иначе касаются Первой мировой войны или революции 1917 г., даже если их авторы непосредственно в этих событиях не участвовали и политической деятельностью не занимались. В автобиографии Новорусского революция не только не предстает как некий важный рубеж, она не упомянута вовсе. Более того, зачастую в изложении нарушен хронологический порядок: смешаны упоминания до-революционных и послереволюционных фактов. Таким образом автобиография Новорусского представляется нарочито 'внеисторичной' в противовес доминировавшей в мемуаристике российской интеллигенции XIX-XX вв. герценовской традиции историзма (см. Паперно 2004).

Наибольшее внимание исследователи революционных автобиографий, как правило, уделяют анализу самых ранних воспоминаний народни-

ков, которые должны были объяснять, как и почему они становились революционерами. В тексте Новорусского описание детства, юношества, учебы сравнительно скупы, также как и в *Записках шлиссельбуржца*. Можно заметить даже некоторое иронизирование над необходимостью увязывать свои детские мысли и поступки с будущей революционностью: “Здесь же при моем деятельном участии образовалась из учеников своя ‘террористическая’ группа, единственное выступление которой состояло в том, что эконому в квартире выбили все стекла нижнего этажа”. В то же время красочный, подробный, эмоциональный рассказ о детстве Михаила Васильевича мы можем встретить в очерке Фигнер из *Галереи шлиссельбургских узников*:

[...] Вся домашняя обстановка его была чисто крестьянская, с обилием нужды и всяких горестей. Детей было 13 человек (из них от болезней умерло семеро); М. В. был не из старших, но, как и во всякой крестьянской семье ребенком ему приходилось нянчить младших братишек и сестру. Порой

это так досаждало ему, что у него осталось воспоминание, как от всей детской души он желал смерти одному из своих питомцев, и как горько потом плакал и упрекал себя за злые пожелания, когда смерть действительно унесла докучливого братишку, мешавшего ему играть на улице. [...]

Первоначальное воспитание М. В. получил, как все деревенские дети, – на улице. С целой ватагой сверстников, он рыскал по полям и болотам, проводя целые дни в лесу или на реке, и, вообще, вел жизнь ‘естественного’ человека, как ведут заброшенные дети наших сел и весей. Эта нищета и вечная забота о завтрашнем дне, царившие дома, жизнь в тесноте и удушьи, исполненном мелких хозяйственных дрызг, рано раскрыли перед М. В. всю оборотную сторону человеческого существования, – и он вышел закаленным против всяких материальных невзгод и глубоким реалистом, для которого иллюзий, кажется, не существует.

Кроме того, из него вышел человек труда, не знающий ни усталости, ни апатии, ни даже передышки. Побратимство или, лучше сказать, полное слияние в детстве с окружающей средой тоже наложили на М. В. свою печать, дав ему полное знание народа. Но с виду, пожалуй, холодное и критическое отношение к деревенскому люду, вынесенное из близкого сношения с обнаженным от всяких прикрас мужиком, скрывает в нем глубокую сдержанную любовь к этим пасынкам жизни [...] (Фигнер 1920: 219-221; Фигнер 1907: 142-143).

Этот текст Фигнер, который не перекликается ни с автобиографией, ни с опубликованными воспоминаниями Новорусского, наполнен элементами 'канонического' народнического детства: сильное эмоциональное, нравственное переживание, слезы, близость к народу и природе, описание детских впечатлений и условий жизни как формирующих характер и мировоззрение. Это подтверждает тезис Х. Хугенбум об особой роли Фигнер в формиро-

вании канонов народнической автобиографии, в соответствии с которыми детство играло определяющую роль в становлении будущих революционеров.

Вторая часть автобиографии М. В. Новорусского ('внутренние факты') представляет большую ценность для понимания отношения старых революционеров к советской власти и идеологии коммунизма, которое было сложным и неоднозначным. Хорошо известны протесты 'стариков' против большевистской репрессивной политики. В то же время Фигнер, например, понимала, что деятельностью ГПУ советский строй не исчерпывается. В одном из писем к В. В. Вересаеву она писала: "Я очень интересуюсь переменами, которые должна была произвести в деревне революция. Одно из мучений моей жизни заключается в том, что я стою в замкнутом узком кружке городских жителей, которые дальше деятельности Г.П.У. ничего не видят, ни о чем другом не слышат, ничего другого не знают" (РГАЛИ. Ф. 1041. Оп. 4. Д. 421. Л. 3.). 'Старики' были против ведения подпольной борьбы с большевиками, несмотря на в целом критическое отношение к новой вла-

сти, корни которого стоит искать в области, скорее, этической, нежели политической. К сожалению источников, позволяющих составить более или менее полное представление об этом вопросе, сохранилось и известно очень мало. Даже Фигнер, чья жизнь в Советской России полнее всего отразилась в доступных документах, не дает нам возможности судить о ее отношении к большевикам: отдельные отрывочные свидетельства в переписке, одна статья в эмигрантской прессе, два-три публичных выступления и письмо с критикой Общества политкаторжан (см. Фигнер 1925; Фигнер 1929; РГАЛИ. Ф.

1185. Оп. 1. Д. 85. Л. 2–4; Коржихина 1988; Гарелин 1980: 394–396). Типовой же источник, фиксирующий политическую позицию старых революционеров в 1920–1930-е гг., отсутствует. Тем ценнее та часть автобиографии Новорусского, где он не только довольно четко формулирует свое отношение к советской власти, но и приводит подробную аргументацию, связанную не с какими-либо событиями или действиями, но с его собственной особой интеллектуальной биографией и мировоззрением.

Библиография

Вада 1999: Х. Вада, *Вера Фигнер в первые годы после российской революции (1917–1923)* // Х. Вада. *Россия как проблема всемирной истории*, АИРО-XX, М., 1999, с. 87–122.

Гарелин 1980: И. Гарелин, *В. Н. Фигнер и Общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев*, «Память», 1980, III, с. 393–402.

Коржихина 1988: Т. Коржихина, *За пять лет до 1937-го*, «Московские новости», 1988, XLV, с. 9.

Леонтьев 2000: Я. В. Леонтьев, *Старые революционеры и советская власть // Проблемы политической истории России*, Университетский гуманитарный лицей, М., 2000, с. 135–165.

Морозов 1965: Н. А. Морозов, *Повести моей жизни*, Наука, т. 2, М., 1965.

Незапечатленный труд 1992: *Незапечатленный труд: из архива В. Н. Фигнер*, публ. Я. В. Леонтьева, К. С. Юрьева, «Звенья», 1992, II, с. 424–488.

Новорусский 1911: М. Новорусский, *Приключения мальчика меньше пальчика: из жизни насекомых*, Жизнь и знание, СПб., 1911.

Новорусский 1923: М. В. Новорусский, *История снежинки: из жизни зимней природы*, Госиздат, М., Пг., 1923.

Новорусский 1933: М. Новорусский, *Записки шлиссельбуржца*, Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, М., 1933.

Паперно 2004: И. Паперно, *Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель*, «Новое литературное обозрение», LXVIII, 2004, с. 102–126.

Сабурова 2014: Т. А. Сабурова, *‘Необыкновенное прошлое’ и нарратив страдания в коллективном воспоминании революционного поколения 1870-х гг. // Обратная связь*, Иркутск, 2014, с. 240–250.

Сабурова 2016: Т. Сабурова, Б. Эклоф, *Дружба, семья, революция: Николай Чарушин и поколение народников 1870-х годов*, Новое литературное обозрение, М., 2016.

Фигнер 1907: В. Фигнер, *Михаил Васильевич Новорусский // Галерея шлиссельбургских узников*, 1907, I, СПб, с. 142–147.

Фигнер 1920: В. Фигнер, *Шлиссельбургские узники*, Задруга, М., 1920.

Фигнер 1925: Вера Ф., *Без заглавия*, «Рассвет», 1925, ССLXIII, с. 2.

Фигнер 1929: В. Н. Фигнер, *Вступительное слово 9 декабря 1924 г. на вечере П. А. Кропоткина // Полн. собр. соч.*, Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, т. 5, М., 1929, с. 472.

Шемякина 2017: О. В. Шемякина, *Историография народнического движения глазами его участников*, «Вестник РГГУ», 2017, I, 22, с. 132–139.

Эткинд 2005: А. Эткинд. *‘Одно время я колебался, не антихрист ли я’: субъективность, автобиография и горячая память революции*, «Новое литературное обозрение», 2005, LXIII, с. 41–69.

Hartnett 2014: L. A. Hartnett, *The Defiant Life of Vera Figner: Surviving the Russian Revolution*, Indiana University, Bloomington, 2014.

Hoogenboom 1996: H. Hoogenboom, *Vera Figner and revolutionary autobiographies: the influence of gender on genre* // in R. Marsch (Ed.), *Women in Russia and Ukraine*, Cambridge, 1996, p. 78–93.

Михаил Новорусский

Автобиография М. В. Новорусского (Публикация и примечания О. В. Шемякиной)

*Неизданная рукопись шлссельбуржца М. В. Новорусского
его автобиография и характеристика революционной и научно-
литературной деятельности
Автобиографический очерк*

[Начало к стр. 1, О. Ш.]

Родился и провел детские годы в селе Новой Руссе¹, в которой крестьяне вспоминают меня до сих пор, хотя после освобождения я там был всего один раз.

На одиннадцатом году меня увезли учиться в духовное училище в Старую Руссу, и с тех пор до самого ареста я бывал на родине только во время летних вакаций.

По окончании четырехлетнего курса в училище в 1876 г. я вместе с двумя старшими братьями был отправлен в Новгород в духовную семинарию, где братья учились раньше и где я провел шестилетний курс, живя в общежитии и воспитываясь в ненависти к своему начальству, о котором все ученики говорили, что оно ворует.

Здесь же при моем деятельном участии образовалась из учеников своя 'террористическая' группа, единственное выступление которой состояло в том, что эконому в квартире выбили все стекла нижнего этажа. Я тогда числился учеником 'примерного' поведения, а по успехам я всегда шел первый.

В качестве примерного и преуспевающего я командирован был в 1882 г. в Петербургскую духовную академию на казенный счет и здесь, при содействии товарищей, впервые додумался до той простой истины, что начальство семинарское или академическое есть лишь ничтожный отпрыск начальства вообще, и начальства высшего в особенности, которое в России задает тон всему и которому 'мелкая сошка' старается подражать во всем.

Здесь же впервые, живя в общежитии, я познакомился с нелегальной литературой (1885 г.), которой тогда было крайне мало и не-

¹Демянский уезд, Новгородская губерния, ныне – Маревский район Новгородской области.

многие экземпляры которой хранились у меня для надобностей нашей небольшой группы студентов сочувствующих.

В конце того же года я уже был кассиром студенческого землячества новгородской губ[ернии], которое объединяло студентов всех высших учеб[ных] заведений этой губернии и в котором путем 'естественного отбора' тотчас сгруппировались все радикально мыслящие, где бы они ни учились.

В 1886 г. организовался Союз студенческих землячеств разных губерний, в котором продолжался тот же процесс отбора. После нашего процесса (в апреле 1887 г.) этот союз был подвергнут полному разгрому, а радикальные элементы молодежи разсланы по разным более или менее отдаленным городам. Здесь были не только студенты, но и др[угие] лица, которые имели 'опасные' знакомства в студенческой среде.

Я кончил курс Академии в 1886 г. и в качестве преуспевающего студента с примерным поведением был оставлен при академии для подготовки к профессорскому званию. Предусматривалась кафедра либо психологии, либо педагогики. Кстати сказать, из двух других однокурсников, оставленных вместе со мной, ни один не получил кафедры. Получил же кафедру психологии наш однокурсник В.С. Серебренников, ныне благополучно здравствующий.

Первым моим научным трудом была кандидатская диссертация на тему что-то вроде: основы нравственности в эмпирической философии. Прямой моей обязанностью после оставления при академии было писать магистерскую диссертацию. Темой для нее, вопреки моему желанию, была дана монография о Бенеке², малоизвестном немецком психологе и педагоге пятидесятых годов, труды которого я должен был изучить в подлиннике.

На этой работе и застал меня арест. По окончании академии я жил своей квартирой, где иногда собирались делегаты Общестуденческого Союза и где я получил предложение – разрешить А.И. Ульянову приготовить недостающие 3 ф[унта] динамита. С Ульяновым мы уже были хорошо знакомы по Союзу и на двух собраниях, состоявшихся в его квартире, я бывал также, как и он на моей квартире.

[Далее строка 2 стр. 1 по печатному. Здесь заканчивается рукописный текст. Далее – машинопись, О. Ш.]

² Фридрих Эдуард Бенеке (1798–1854) – немецкий философ и психолог.

Я, Михаил Васильевич Новорусский, родился в 1861 г. [Символ, обозначающий вставку рукописного текста, О. Ш.]

В мае 1887 г. я был заключен в Шлиссельбург на 26-м году.

После освобождения из Шлиссельбурга 29 октября 1906 г. просидел в Петропавловке до 22 ноября, когда был препровожден в покои митрополита Антония, по его ходатайству, а оттуда на 3-й день в Выборг к архиепископу Сергию³. У него прожил в отдельной даче с перерывами около пяти месяцев, а всего в Выборге оставался до 4 апреля 1907 г.

Здесь я писал воспоминания о жизни в Шлиссельбурге, которые печатались в «Былом», начиная с апреля 1906 г., в течение почти года. Отдельной книжкой (321 стр.) эти воспоминания вышли сначала в Гельсингфорсе (1907 г.) на шведском языке под заглавием *I den Ruska Bastilien*, а потом в Берлине (1908 г.) на немецком языке под заглавием *18½ Jahrenhinter russischen Kerkermauern* (323 стр.). Оба издания были запрещены в России, и таким образом русское не могло появиться на свет до 1920 г.

Переехавши из Выборга в Петербург по специальному на то разрешению, я тотчас поселился на курсах П.Ф. Лесгафта (тогда «Высшая Вольная Школа»)⁴, с которым предварительно договорил-

³ Архиепископ Финляндский и Выборгский Сергей (Старгородский) (1867–1944), в 1943–1944 патриарх Московский и всея Руси. Митрополит Петербургский Антоний (Вадковский) (1846–1912), посещал Шлиссельбург в 1904 г., беседовал с заключенными, ходатайствовал перед императором об облегчении условий заключения.

После освобождения шлиссельбуржцы должны были временно отправиться к родственникам 'на поруки'. Однако у Новорусского в Петербурге таковых не было, и митрополит Антоний и архиепископ Сергей вызвались выступить в качестве его поручителей. По свидетельству В. Н. Фигнер, митрополит Антоний знал Новорусского еще по Петербургской духовной академии (Фигнер 1920: 226), и "интерес духовных сановников к освобожденному шлиссельбуржцу объясняется происхождением М. В. от лица духовного сословия, а также тем, что образование он получил в учебных заведениях духовного ведомства, пройдя всю градацию их" (Фигнер 1925: 11).

⁴ Петр Францевич Лесгафт (1837–1909) – биолог, анатом, врач, педагог, общественный деятель, создатель научной системы физического воспитания. Высшая вольная школа была создана П. Ф. Лесгафтом в разгар первой русской революции на базе Высших курсов воспитательниц и руководительниц физического образования. ВВШ была открытым независимым учебным заведением, насчитывавшем более 2000 слушателей. Закрыта в 1907 г. 'как очаг революционной заразы': несмотря на противодействие со стороны самого П. Ф. Лесгафта, стремившегося прежде всего сохранить ВВШ, Школа стала площадкой для собраний революционной молодежи.

ся об этом. Здесь сначала заведовал хозяйственной частью, а затем химической лабораторией, в качестве лаборанта, и оставался до мая 1909 г. После женитьбы⁵ (20 мая) поселился на своей квартире и одновременно стал заведовать Подвижным музеем Русского технического общества⁶ с официальным званием секретаря Совета.

В течение этого времени я читал бесплатные лекции по разным вопросам естествознания в народных аудиториях (где можно было без разрешения) и занимался литературными работами:

1) сотрудничал в «Задушевном Слове» (изд[ание]Вольфа) и написал текст к двум иллюстрированным (красочным) изданиям Вольфа под заглавием а) *Уголки живой природы* и б) *Большая книга картин*.

С П. Ф. Лесгафтом Новорусский познакомился после освобождения, решив передать Курсам созданные им в Шлиссельбурге естественнонаучные коллекции. При первой же встрече Новорусский получил от Лесгафта предложение работать в Высшей вольной школе. Ему была предоставлена комната прямо в здании Биологической лаборатории. Помимо Новорусского, на Курсах преподавали еще два шлиссельбуржца – Н. А. Морозов и И. Д. Лукашевич, а В. Н. Фигнер была ученицей Лесгафта еще в 1871 г. в Казанском университете (см. Новорусский 1912; Фигнер 1912; Шабунин 1982).

⁵ Жена – Пелагея Матвеевна Рыжкова, студентка Высшей вольной школы.

⁶ Подвижной музей наглядных учебных пособий в Петербурге был создан в 1892 г. и был самым крупным передвижным педагогическим музеем в России. Предметы коллекции Музея (различные наглядные учебные материалы) выдавались на время учебным заведениям или частным лицам. Музей не только собирал и хранил наглядные пособия, но и сам их изготавливал, для этого при Музее работала специальная мастерская. Музей был создан группой частных лиц и финансировался из различных источников. Русское техническое общество стало официальным патроном Музея в 1894 г.

Музей сыграл особую роль и в жизни шлиссельбуржцев. В 1897 г., узнав о существовании Музея, они смогли договориться с тюремным начальством о возможности заказывать предметы из его коллекций для самообразования. В Шлиссельбурге побывали коллекции по минералогии, геологии, палеонтологии и многие другие. Более того, шлиссельбуржцы стали принимать активное участие в формировании коллекции Музея – составляли гербарии, выполняли столярные работы и др. Таким образом, для отрезанных от жизни революционеров Музей стал возможностью приложить свои способности и навыки к настоящему делу (Новорусский 1933: 167–184). В. Н. Фигнер вспоминала о Новорусском: “Как коллекционеру (по ботанике, энтомологии, минералогии), ему в нашей тюрьме, по всей справедливости, принадлежала пальма первенства. Когда мы одно время работали для Петербургского подвижного музея, никто не мог превзойти этого несравненного труженика по обилию собранного и обработанного им материала и по его неистощимой и неоскудевающей энергии” (Фигнер 1925: 10).

2) Издал сам книжку под заглавием *Земля и ее Жизнь* (1907 г.). К 1913 г. издание разошлось и было выпущено в исправленном виде Сытиным. Напечатано 3-м изданием в Госиздате.

3) Издал сам книгу *Грибное царство* (1908 г.). В 1913 г. переиздал ее вторым изданием в исправленном виде. В 1919 г. вышло 3-е.

4) Написал *Основы современного мировоззрения* и после долгих проволочек издал их сам в 1910 г.

5) Осенью 1908 г. вошел в состав редакции журнала «Образование» (изд. Карышева), где вел *Внутреннее обозрение* (до мая 1909 г.) и поместил две популярных естественнонаучных статьи.

Заведывание Музеем продолжал до середины 1917 г., когда был назначен (июль) директором Сельскохозяйственного музея⁷. Но еще ранее, тотчас после организации Военно-промышленного комитета в 1915 г., одновременно исполнял в нем обязанности секретаря.

Положение в Подвижном музее поставило меня в тесную связь с Русским техническим обществом, куда вошел сначала в качестве простого члена, а потом был избран неперменным членом Постоянной комиссии по техническому образованию. Здесь я участвовал в Особой анкетной комиссии по изучению музеев, материалы которой разработал и напечатал в сборнике *Педагогическая Академия в очерках и монографиях* под заглавием *Музеи и их образовательное значение*. Участвовал в качестве организатора и эксперта на выставке *Устройство и оборудование школы*, для которой под тем же названием написал и издал отдельную брошюру (1912 г.). За труды по выставке получил от Технического общества бронзовую 'медаль признательности'.

⁷ Сельскохозяйственный музей в Санкт-Петербурге был создан еще в 1859 г. – в период подготовки отмены крепостного права. Создание Музея должно было способствовать повышению технического и культурного уровня сельского хозяйства в России. В 1881 г. Императорский сельскохозяйственный музей открылся в новом специальном построенном для него здании – на Соляном городке. Коллекцию Музея составляли сельскохозяйственные машины, образцы почв, растений, удобрений и др. После революции Музей носил название Государственный музей социалистического сельского хозяйства, был ликвидирован после Великой Отечественной войны. На посту директора Новорусский стремился создать 'живой музей', который максимально наглядно представлял бы различные виды сельскохозяйственной деятельности.

Через год после этого участвовал в качестве эксперта на Всероссийской гигиенической выставке⁸.

По музейным вопросам выступал сначала с докладами на отдельных собраниях и съездах (между прочим на Всероссийских съездах естествоиспытателей и врачей в Москве в 1909 г. и в Тифлисе 1913 г.), а затем и с лекциями на различных краткосрочных курсах, которые устраивались земствами и Университетом Шанявского⁹ (Петербургское земство, Нижегородское, Оренбургское). В 1921 г. подобные лекции были прочитаны на курсах Общества внешкольного образования и на инструкторских курсах по внешкольному образованию, устроенных Комиссариатом просвещения. В 1919–1920 гг. читал лекции по музейным вопросам в Педагогической академии, во Внешкольном институте¹⁰ и в Красноармейском университете¹¹. В 1923 и 1924 гг. читал эти лекции в Педагогическом техникуме, а в 1924/25 гг. состою профессором Высших сел[ьско]хоз[яйственных] педагог[ических] курсов¹² по кафедре музейного дела.

В качестве знатока музейного дела приглашался всюду и был избран товарищем председателя мертворожденного Общества 'Союз Музейных деятелей'. Участвовал в Комиссии Городской думы (1913

⁸ Вторая Всероссийская гигиеническая выставка 1913 г. проходила в Петербурге в течение четырех месяцев, было выстроено почти 70 павильонов и киосков. Выставка охватывала широкий круг тем от бактериальных инфекций до физического воспитания, сопровождалась лекциями, спортивными выступлениями, кинопоказами и др.

⁹ Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского создан в 1908 г. на Миусской площади (ныне в здании располагается РГГУ). Университет был открыт для всех желающих, вне зависимости от пола, социального положения, национальности и уровня образования. После революции перешел в ведение Наркомпроса, в 1919–1920 гг. был реорганизован: часть передана МГУ, часть – Коммунистическому университету им. Я. М. Свердлова.

¹⁰ Возможно, имеется в виду Институт методов внешкольной работы с детьми, учрежденный в 1923 г. из слияния созданных ранее институтов детского чтения, клубного и экскурсионного.

¹¹ Возможно, имеется в виду Петроградский красноармейский университет им. Н. Г. Толмачева. Учебное заведение было создано в 1919 г. Главная задача Института состояла в подготовке специалистов по ликвидации неграмотности, политическому, воинскому и культурно-просветительному воспитанию в Красной армии. Позже преобразован в Военно-политическую академию, сегодня – Военный университет Министерства обороны.

¹² Возможно, имеются в виду Высшие педагогические курсы при Ленинградском сельскохозяйственном институте.

г.) по выработке проекта *Городского промышленно-художественного и технического музея*.

В 1919 г. и 1920 г. состоял председателем Комиссии по выработке научных программ Музея Петроградского края. В 1919 г. выбран членом коллегии Музея Революции.

В Подвижном музее ежегодно составлял для печати отчеты о его деятельности.

Был постоянным сотрудником Народного Дома графини Паниной¹³. Здесь участвовал в коллективном составлении сборника *Народный Дом* (1907 г.) и поместил в нем статьи о Музее и о кинематографе.

Здесь же постоянно работал в организации местных выставок.

Сотрудничал в Мастерской учебно-наглядных пособий, а когда она выделилась от Подвижного музея и организовалась под видом торгового т[оварищест]ва, был выбран членом Правления.

Приобрел известность также периодическими заметками по разным вопросам науки и техники, которые печатались в 1910–1915 гг. в (4) [Так в документе, О. Ш.] газете «Речь» и в ее годичных сборниках.

Сотрудничал в (5) газете «Современное Слово» и (6) «День», а затем еще в следующих периодических изданиях:

7. «Север».

8. «Природа и люди» 1915 г.

9. «Родник» :

10. «Солнышко» : 1914–1915 гг. детские

11. «Тропинка» :

12. «Школа для всех» 1914 г.

13. «Голос жизни» 1915 г.

14. «Новый журнал для всех» 1912 г.

15. «Жизнь для всех» 1912 г.

16. «Заветы» 1913–1914 гг.

17. «Современный мир»

18. «Русская школа» 1913–1916 гг.

19. «Свободное воспитание» 1911–1912 гг.

¹³ Графиня Софья Владимировна Панина (1871–1956) – одна из первых феминисток в России, общественный и политический деятель, член ЦК партии кадетов, член Временного правительства (товарищ министра народного просвещения, затем – государственного призрения). Народный дом был создан С. В. Паниной в 1903 г., в нем располагались общедоступные столовая, юридическая консультация, библиотека, театр, обсерватория, проводились различные лекции.

20. «Вестник технического и коммерческого образования»... [Следующий за этим четвертый (по собственной нумерации Новорусского) лист отсутствует. В архивном деле далее ошибочно следует лист 7 (по архивной нумерации). В настоящей публикации текст листа 7 приводится в соответствующем месте – между 13 и 14 листами (по архивной нумерации), О. Ш.]¹⁴

...[автомобильные заводы И. П. Пузырева на Урале] были захвачены рабочими в январе 1918 г. и Правление [заводов] лишено было возможности действовать. В Военно-промышленном комитете состоял до конца 1917 г.

Состоял членом многих обществ, живых и мертвых, из коих можно назвать: Общество народных университетов, Общество 'Народный политехникум', О[бщест]во любителей мироведения, О[бщест]во 'Внешкольный союз', Комитет гражданского просвещения, Дом-музей¹⁵, О[бщест]во распространения сельскохозяйственных знаний, О[бщест]во географическое, О[бщест]во естествоиспытателей и др.

Из других литературных работ следует назвать:

1. *Приключения мальчика меньше пальчика* (1911 г., в 1920 г. – 2-е издание).

¹⁴ Содержание недостающего листа автобиографии может быть приблизительно восстановлено по тексту В. Н. Фигнер: "Помимо деятельности культурно-просветительной, с началом войны М. В. пришлось иметь дело и затратить много времени и труда в области, касающейся русской промышленности. Когда при Техническом о-ве была организована 'Комиссия по изучению промышленности в связи с войной', а при ней справочное бюро – М. В. заведовал этим бюро в качестве секретаря и составлял периодические бюллетени, печатавшиеся в «Записках Технического О-ва» и отдельно, а когда, в 1915 г., был образован Военно-Промышленный комитет, то, вместе с вышеуказанным бюро, перешел в комитет на должность секретаря.

В мае 1917 г. Военно-Промышленный к-т командировал М. В. на Урал со специальной 'комиссией по восстановлению нормального хода работ' в тамошних промышленных предприятиях. В июне ему как 'состоящему в распоряжении заместителя председателя' было поручено организовать под своим председательством комиссию по обследованию заводов 'Респиратор', переданных вскоре К-ту 'Военно-Технической Помощи', с назначением М. В. членом правления от Военно-Промышленного к-та (Правление распалось со времени октябрьского переворота 1917 г.). Таким же членом он вошел в июне и в правление автомобильных заводов Пузырева" (Фигнер 1920: 229–230).

¹⁵ Имеется в виду Общество дома-музея памяти борцов за свободу, созданное в Петрограде группой интеллигенции во главе с М. Горьким в марте 1917 г. Хотя музей Общество открыть не успело, но оно проводило собирательскую работу. Закрыто в 1919 г. (см. Саркисян 2017).

2. *Что делать народному учителю*. Печаталось приложение к «Русской Школе» в 1912 г. и вышла тогда же отдельной книжкой. Переиздана автором с дополнениями в 1916 г. и снова издана в 1919 г. Комиссариатом народного просвещения.

3. В периодическом издании Сойкина «Знание для Всех» две брошюры с иллюстрациями *Жизнь почвы* (1916 г.) и *Незримая жизнь почвы* (1917 г.). Напечатано в Ленгизе 2-е издание.

В кооперативном издательстве 'Кооперация' *Как я высидел цыплят*.

5. *Как произошли наши животные* (Госуд. изд. 1920).

6. Напечатана в Государственном издательстве брошюра *О сахаре*.

4. [Так в документе, О. Ш.] В Сельскохозяйственной энциклопедии (Девриена)¹⁶ поместил более 25 статей.

С конца 1917 г. и по 1920 г. непрерывно редактировал популярные издания Сельскохозяйственного музея по всем вопросам сельского хозяйства. Проредактировано не менее 20 брошюр и плакатов, из коих многие подвергнуты серьезной переработке.

С апреля 1918 г. состоял товарищем председателя 'Совета по делам ученых учреждений Комиссариата Земледелия'. В качестве такового принял звание комиссара над ними и до половины августа [Далее лист оборван, отсутствуют две строки, О. Ш.] ... Культурно-просветительный отдел (для распространения сел[ьско]хоз[яйственных] знаний школьным и внешкольным путем) и управлял им до 1 декабря того же года.

В провинцию нередко я приглашался для популярных лекций, но выезжал читать только в Новгород, Нижний Новгород, Н[овую]Ладогу, Детское Село, Нарву и Сестрорецк.

В О[бщест]ве народных университетов¹⁷ состоял председателем Экскурсионной секции, в течение ряда лет организовывал экскурсии (взрослых) и очень часто сам и руководил ими, особенно в пределы Финляндии, куда ездил более 12 раз, и в Шлиссельбург, куда ездил в 1917 г. и 1918 г. не менее 6 раз.

¹⁶ *Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук* (1900–1912).

¹⁷ Петербургское Общество народных университетов было создано во время революции в 1906 г. Изначально планировалось создать Всероссийское общество, но на это не было получено разрешение. Общество объединяло лекторов народных университетов, организовывало общедоступные лекции по различным дисциплинам (см. Морозан 2008).

Вывезенные из Шлиссельбурга коллекции я поместил в Музей Курсов Лесгафта, где они до сих пор занимают особое место в двух шкапах собственной работы.

Во Всероссийском Сельскохозяйственном Музее состою одним из лекторов и читаю лекции по общим вопросам, относящимся к сельскому хозяйству, в самых разнообразных аудиториях.

С февраля 1918 г. имею сына Михаила и, получивши наследника, могу спокойно сойти с житейской сцены.

II [Синим карандашом на полях, О. Ш.]

Эти внешние факты биографии необходимо дополнить внутренними.

Как лицо, прошедшее с отличием весь цикл духовной школы, я достаточно ориентирован в области философских и религиозных исканий человечества. По окончании академии я оставлен был при ней в качестве 'профессорского стипендиата' для приготовления к кафедре, и уже намечался на кафедру психологии либо педагогике. Значит, в этих областях тоже имел соответствующую подготовку.

В Шлиссельбурге в первые годы я увлекался историей и юридическими науками. В Берлине в Музее Русской Революции хранятся все мои тетради того времени с выписками из прочитанных книг. По ним, как по лестнице, можно снова пройти курс всех знаний, которые тогда интересовали меня. История русская и всемирная была читана и перечитана в известных многотомных трудах Соловьева, Костомарова, Шлоссера и др. Были у нас и также изучались мною специальные курсы по истории той либо другой революции. Право государственное, уголовное, международное, гражданское и даже римское изучались в то время мною по университетским курсам. Вопросы социальные, политико-экономические, в частности земельные, вопросы, от которых долго оберегало нас попечительное начальство, в конце концов были с достаточной полнотой освещены в той литературе, которую мы приобрели во 2-й период нашего заточения. Ее мы изучали и дебатировали с весьма понятной страстностью.

Наконец, все отрасли естествознания были пройдены по университетским курсам при содействии коллекций Подвижного Музея и при помощи собственного коллекционирования. Не исключена была химия, для изучения которой удалось оборудовать там маленькую лабораторию.

Отсюда был естественный переход к технологии, в связи со всякого рода мастерством и разнообразными практическим занятиями, о чем довольно подробно рассказано мною в *Записках Шлиссельбуржца*.

Можно без ложной скромности сказать, что ни одна наука не осталась мне чуждой, не исключая статистики, этнографии и языковедения; что мой ум достаточно дисциплинирован, что мое духовное развитие следует признать основательным и что мои интересы и мои познания без преувеличения можно назвать энциклопедическими.

Профаном и слабым я остаюсь только в математике, отчасти в физике, и разумеется, в машиноведении.

Мой кругозор весьма широк. С высоты того развития, которое я получил, я вижу предметы и явления, освещенными со всех сторон. Мне чужды узость и односторонность – результат всякой специализации. И когда нужно намечать пути в решении того или другого сложного вопроса, я чаще всего вижу сразу несколько решений. Многим это кажется ‘не иметь своего определенного мнения’.

Вот почему всякая партийность органически чужда мне. Партийность это шоры, которые человек сам надевает на себя, либо надеты они у него от роду. Эти шоры позволяют видеть только узкую полосу впереди и делают человека слепым к тому, что происходит справа, слева и вокруг него.

К той широте развития, о которой я сказал, следует прибавить некоторые качества, благоприобретенные долгим одиночеством, самоуглублением и размышлениями. У древних пустынных это называлось ‘прозорливостью’. Я бы назвал это просто чутьем, которое инстинктивно проникает за внешние формы и догадывается о том, что скрыто позади них.

Но только догадывается. И мне часто приходится долго раздумывать над простыми житейскими актами прежде, чем принять определенное решение. Рефлексия господствует над импульсом. Говорят, что это является признаком нерешительности.

Долгая привычка относиться вполне отрицательно ко всему показному, официальному, особенно же рекламному, в связи с упомянутым выше чутьем, заставляют меня сторониться всякого акта, всякого деяния, всякой линии поведения, которые усердно расхваливаются. Если это расхваливание делается в печати, я тогда чи-

таю между строк, вычитываю там совсем не то, что хотел сказать автор, и, конечно, раскрываю то, что он хотел скрыть.

При той энциклопедичности, о которой я сказал, меня трудно причислить к какой-либо научной либо философской школе. В философском мире таких людей как я называли эклектиками. В социальных вопросах я примыкаю к социал-демократии, но только примыкаю, не больше. Политики я чуждаюсь. В стране, где народ наполовину безграмотен, а политически – поголовно безграмотен, не может быть здоровой политики, удовлетворяющей интересы страны с ее настоящим и будущим населением. Политика же крайностей, как и всякие крайности – не в моем духе.

К тому же я слишком естественник. Может быть, гораздо более, чем марксист. Природа вообще, и человек в частности, не изменяется ни от фраз, ни от декретов, ни от усердия властей. Кто хочет ее переделать, должен считаться с этим. Единственный политический режим, который может содействовать такой переделке, это тот, который дает больше простора для деятельности. Но такой режим может установиться только в результате длительного политического воспитания.

Благодаря той же энциклопедичности, я быстро ориентируюсь во всяком новом вопросе, которым прежде я не занимался. Мой ум в этом отношении также восприимчив, как и в молодые годы. Может быть, этому содействует отсутствие тех ученых предрассудков, которые так часто встречаются у людей, посвятивших себя одной только специальности.

Когда я печатал в «Речи» свои научные новости, в них каждый вычитывал большей частью то, что интересует его лично, или относится к его специальности. При этом нередко встречалось, что один считал меня доктором, другой агрономом, третий инженером. Напр[имер], граф Ив[ан] Ив[анович] Толстой¹⁸ до личной встречи (он был тогда городским головою) оставался в таком же заблуждении.

Эта оценка со стороны читателей лучше всего свидетельствует, насколько я близко входил в тайны той науки, к которой относились мои печатные статьи. Очевидно, я не только сам входил, но и читателя вводил, что далеко не всегда удается профессиональным ученым. На этот счет я всегда придерживался и придерживаюсь

¹⁸ Граф Иван Иванович Толстой (1858–1916) – ученый (нумизмат, археолог), общественный и государственный деятель (министр народного просвещения в 1905–1906 гг., городской голова Петербурга в 1913–1916 гг.).

правила – излагать научные сведения с таким намеренным упрощением, какое только допускает трактуемый предмет.

Многочисленные приглашения, которые я получал от разных периодических изданий участвовать в них в качестве популяризатора, показывают, что эта манера вполне оценена читателем. Мне всегда казалось ошибочным замыкать науку в одну и ту же неизменную терминологию. В нашей стране для людей науки нет выше задачи, как сделать науку достоянием масс, разбудить пытливость их ума, приучить всех размышлять над научными фактами. Приобщенный к науке народ сумеет и в научный язык внести свое творчество, как он вносит его в общий язык. Тогда то, что теперь считается научным языком, окажется книжной выдумкой, сочиненной одинокими людьми, которые были изолированы от народных недр.

В начале 1906 г. студенты-технологи, ознакомившись при первой встрече с моими техническими наклонностями, убеждали меня немедленно поступить в Технологический Институт. В 1911–1912 гг. я бы кончил курс, забил бы свой ум в школьные колодки, связал бы себя крепкой цепью с каким-нибудь заводом или предприятием, и потерял бы свободу действий, свободу выбора, и, пожалуй, свободу духа.

Школа – великое дело. Но ничто так не влечет человека к рутине и рутинерству, как догмы, даваемые специальной школой. Хорошо, что соблазн выйти на торную и ‘хлебную’ дорогу тогда не сбил меня с той позиции, на которой я теперь стою, и которая часто называется пренебрежительным именем дилетантизма.

Оглядываясь на склоне жизни назад, на всю свою духовную эволюцию, я могу сказать вместе с огромным большинством умственно развитых людей, что мое мировоззрение также точно подвергалось изменениям, как и все на свете. Только единство мозга и нервной организации вообще, да единство сознания поддерживает в нас иллюзию единства личности. Этот мозг все время остается единым, хотя бы мысли, которые он вырабатывает, изменялись до противоположности.

Наиболее решительные изменения произошли у меня еще в юности. Тогда я не успел еще стряхнуть с себя заветы духовной школы. От догматизма веры, который внушал, что истина едина и дана человеку [В этом месте край листа оборван, О. Ш.] [раз и навсег]да, что нужно ее только узнать и в нее [В этом месте край листа оборван, О. Ш.] по [верить,] пришлось сделать большой переход к

научному мировоззрению, которое гласит совсем иначе, а именно: истины нет. И истин может быть несколько. Во всяком случае, истину нужно еще искать. И это искание, тренировка в поисках, умение легко и свободно ориентироваться в том, что выдается за истину – вот сущность всякого научного развития и подлинное приобретение научной мысли.

С догматизмом знания связан фанатизм чувства и деспотизм в действиях. Эти три детища, порожденные в долгий период умственного застоя, в котором пребывало человечество, к сожалению, еще не похоронены до ныне. И до сих пор появляются они в том же самом тесном содружестве друг с другом.

Когда теперь передо мной клянутся словами учителя, которые были сказаны 75 лет тому назад, я вспоминаю: так некогда клялись верующие словами Аристотеля, вместо того, чтобы смотреть вокруг себя и изучать факты вечно юной и вечно новой жизни.

После того, как мой духовный организм был до пресыщения отравлен догматизмом и его спутниками, в нем осталось здоровое противоядие. Оно не только предохраняет меня от каких бы то ни было погрешностей в эту сторону, но и делает особенно чутким в отношении таких же погрешностей, когда в них впадают другие люди. И догматизм веры, который составляет стихию наших дней, в моих глазах остается тем же догматизмом средневековья, который так хорошо знаком мне по воспоминаниям моей юности. Нет нужды, что он орудует в сфере политики, а не в сфере религии, потому что новой религией является он сам.

Естествознание вытравило во мне корни не только прежней религии, но и всякой другой. Мне чужда область веры. Всякой веры, в рай небесный также точ[но] [Далее – рукописный текст, О. Ш.], как и в рай земной. В страшный суд также точно, как и в немедленное низвержение старого мира.

В моих ушах естествовика слово мир имеет другое значение. Наш земной мир пережил многие эпохи. В эти эпохи появлялись новые континенты и исчезали старые. Появлялись новые типы животных и растений и глубоко в землю уходили старые. На эту колоссальную работу уходили миллионы лет.

Человеческий мир более подвижен и более изменчив. Но все коренные изменения в его истории требовали для своего совершения целых столетий.

Новейшие научные открытия нам говорят о распадении материи и о разных чудесах радия. Но и материя распадается чрезвычайно

медленно. И все эти открытия не дают нам никаких оснований для мысли, что эгоистическое нутро вчерашнего обывателя может превратиться сегодня или вскоре в самоотверженный светоч коммунизма.

Никакого прыжка из царства необходимости в царство свободы не может допускать мысль, работающая в границах естествознания и подчинения железным законам природы.

Построить новую фабрику и оборудовать ее из-за границы новыми машинами можно в 1-2 года. Но перестроить все народное, особенно сельское, хозяйство многомиллионной страны невозможно ни в один, ни в два десятка лет. Перестроить же чувства и привычки людей, в природе которых до сих пор держатся еще животные инстинкты, невозможно и в два-три поколения.

Вот почему, будучи юным душой и вечно устремляясь вперед, я не могу разделять тех юношеских увлечений, которые сейчас являются господствующими и которые, увы, знакомы хорошо мне были и 40 лет тому назад. Достаточно вспомнить наших восторженных поклонников сельской общины, которая казалась им надежным зародышем коммунизма. Эта община, по их мнению, должна была гарантировать Россию от стадии капитализма и, в отличие от всех капиталистических стран, обеспечить нам прямой и быстрый переход в следующую стадию – социализма.

Вот почему, участвуя по-настоящему в строительстве новой жизни (она давно жаждала коренных перестроек), я не могу увлекаться той словесностью, которая, вообще говоря, весьма редко совпадает с действительной жизнью.

М. Новорусский

Библиография

Морозан 2008: В. В. Морозан, *Санкт-Петербургское общество народных университетов // Благотворительность в истории России: новые документы и исследования*, Нестор-История, СПб., 2008, с. 333–342.

Новорусский 1912: М. Новорусский, *И мой лепесток... // Памяти Петра Францевича Лесгафта, Школа и жизнь*, СПб., 1912, с. 222–226.

Новорусский 1933: М. Новорусский, *Записки шлиссельбуржца*, Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, М., 1933.

Саркисян 2017: Н. М. Саркисян, *‘Февральские’ истоки Государственного музея Революции: Общество дома-музея памяти борцов за свободу в марте 1917 – сентябре 1919 гг.* // <http://www.srbiiiran.pw.ru/доклады-участников-конференции>, 14 ноября 2017.

Фигнер 1912: В. Фигнер, *Две встречи с П. Ф. Лесгафтом (1871–1907)* // *Памяти Петра Францевича Лесгафта*, Школа и жизнь, СПб., 1912, с. 143–154.

Фигнер 1920: В. Фигнер, *Шлиссельбургские узники*, Задруга, М., 1920.

Фигнер 1925: В. Н. Фигнер, *Михаил Васильевич Новорусский (1861–1925)*, Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, М., 1925.

Шабунин 1982: А. В. Шабунин, *П. Ф. Лесгафт (1937–1909)*, Медицина, М., 1982.

Giulia Marcucci

Cinema/Letteratura: Il passato stregato riflesso in un presente senza futuro. (*God literary, Vera, Intervista con Aleksandr Snegirev*)

Premessa

Durante la LIII Mostra Internazionale del Nuovo Cinema di Pesaro abbiamo incontrato Aleksandr Snegirev (Mosca, 1980), invitato sia in veste di scrittore, poiché veniva presentato il volume *Falce senza martello. Racconti post-sovietici* (AAVV 2017), che si apre con la traduzione italiana del suo racconto *Kak že ee zvali?... (Com'è che si chiamava?...)*, 2013), sia in veste di attore. Egli infatti è protagonista del film documentario *God literary* (L'anno della letteratura, 2015), diretto dalla regista Ol'ga Stolpovskaja, sua consorte. Nello stesso anno in cui è uscito il film, Snegirev ha vinto il premio "Russkij Buker" con il romanzo *Vera*. E proprio su quest'ultime due opere - nonché al vissuto della coppia, ai traumi strettamente personali da un lato, e 'generazionali' dall'altro, legati alla storia di un intero paese - che ci soffermeremo nel presente lavoro che si conclude con un'intervista a Snegirev. Pur appartenendo a due differenti sistemi semiotici, *God literary* e

Vera sono a nostro avviso strettamente collegate tra loro. Nelle pagine che seguono si propone quindi un approfondimento sul film-confessione di Stolpovskaja *God literary*, e successivamente sul romanzo di Snegirev *Vera*. Tale presentazione è volta a sviscerare i più importanti artifici stilistici e le tematiche connesse alle due opere¹, fondamentali per comprendere le risposte che lo scrittore ha dato nell'intervista in cui si intende anche mettere in luce alcune dominanti del processo letterario russo contemporaneo.

God literary

God literary è un film intimo e personale incentrato sul tema della vita di coppia, che viene analizzato durante l'intervallo temporale di un anno². In tale

¹ Sull'importanza dell'analisi della forma e del contenuto, come componenti che partecipano entrambe alla creazione della percezione estetica si veda Žir-munskij 1977.

² Su questo film, presentato in numerosi Festival di cinema internazionali come Kinotavr di Soči, l'Artdokfest diretto da Vitalij Manskij a Mosca e il Festival di

contesto la letteratura all'interno del film svolge un ruolo centrale. Infatti, da un lato risuonano numerose citazioni esplicite, visto che vengono declamati da Snegirev versi di Severjanin, Lermontov e che Snegirev stesso nel finale legge l'inizio di un suo nuovo racconto; dall'altro vi sono allusioni a opere di Tolstoj, Dostoevskij e Majakovskij. Soprattutto, emergono temi e quesiti che hanno spesso ispirato i grandi maestri della letteratura russa: la vita e la morte, il contrasto tra la tradizione e la modernità, la fede. Il titolo del film, che si ispira all'anno così eletto in Russia nel 2015, veicola quindi una sorta di autoritratto familiare, in cui Snegirev e Stolpovskaja – allieva del regista di cinema e teatro Boris Juchananov – si raccontano davanti alla macchina da presa e Tat'jana Stolpovskaja, figlia della regista, è l'operatore. I temi principali dell'opera sono la perdita del figlio Vanja da parte di Ol'ga e Aleksandr-Leša (Aleksej è infatti il vero nome dello scrittore, solo in arte Aleksandr Snegirev), morto quando non aveva ancora compiuto un anno, i falliti tentativi nei successivi dieci anni di averne un altro, il desiderio infine di adottarne uno. Vi è poi l'emergere,

Cannes, si vedano *Manskij* 2016, *Korobkova* 2016, *Galickaja* 2016, *Muminova* 2016.

connesso a questa tragedia, di una serie di coincidenze: la nascita di Aleksandr quando sua madre aveva quarant'anni (più o meno alla stessa età Ol'ga partorì il loro figlio), la riflessione da parte di Ol'ga sul fatto che anche sua madre fu adottata in tenera età, e ancora la morte del piccolo Vanja il giorno precedente il compleanno di Ol'ga e due giorni prima di quello che sarebbe stato il suo unico compleanno. È soprattutto la regista, ripresa seduta nella cucina, a raccontare tutto questo sotto forma d'intervista, mentre al suo volto si alternano spesso le fotografie del piccolo. Snegirev è ripreso subito dopo, a Jasnaja Poljana, dove sta lavorando a un articolo ispirato a quanto scriveva Tolstoj alla moglie S.A. Tolstaja nella lettera del 6 dicembre 1864: “Нынче, поутру, около часу диктовал Тане, но не хорошо спокойно и без волнения, без волнения наше писательское дело не идет”³. La macchina da presa inizia poi a ruotare vorticosamente intorno allo scrittore, e volano via i fogli dalla scrivania, un procedimento cinematografico che

³ Tale lettera fu scritta dopo l'operazione alla mano avvenuta il 28 novembre 1864 a seguito di una slogatura riportata da Tolstoj dopo un'uscita a caccia (Kuzminskaja 1981).

evidenza dunque il processo creativo nella mente di Snegirev. Il film, dotato di straordinaria consistenza drammaturgica (Manskij 2016), procede dando la sensazione che la vita dei due si fonda: le giornate scorrono nella loro casa di campagna costruita proprio quando nacque il figlio, a stretto contatto con la natura che diventa rifugio e consolazione; la casa è piena di oggetti, quadri, tappeti e, come afferma la scrittrice Alisa Ganieva in apertura, durante la festa di compleanno di Aleksandr: “В этом что-то есть от дома Параджанова в Ереване. Много творческой энергии, которая выражается в картинах, в поделках”⁴. Inoltre, proprio come sostiene l’altro invitato, lo scrittore Sergej Šargunov, essa ricorda le navi sulle vecchie stampe. Quindi una casa misteriosa, ma accogliente e piena di vita, fortemente simbolica nel contesto del film poiché eretta subito dopo la nascita del figlio scomparso, e che diventa il luogo in cui vengono generati nuovi testi; ora però tale casa rischia di essere demolita perché deve essere costruita una grande strada con piste ciclabili. Tale circostanza fa emergere una serie di interroga-

⁴ Trad. it.: “In questa casa c’è qualcosa della casa di Paradžanov a Erevan. Molta energia creativa, che si esprime nei quadri, nelle cose fatte a mano” (G.M.).

tivi che si innestano sulla condizione dell’attesa: l’attesa d’essere chiamati dall’orfanotrofio per avviare le pratiche d’adozione, l’attesa di ricevere qualche informazione in più sul destino della loro casa. La coppia decide allora di continuare a vivere secondo i progetti iniziali, nella ferma convinzione che sia importante lasciare qualcosa a chi verrà dopo di loro, in particolare lo splendore di un paesaggio che deve essere rispettato e conservato nella sua naturalezza. C’è una frase importante che Aleksandr pronuncia quasi alla fine, nell’atto di cucinare del pesce all’aperto, sullo sfondo di un paesaggio innevato che trasmette il senso dello scorrere del tempo: “Когда нет никакой надежды, тогда человек узнает себя и показывает себя”⁵. E un’altra frase in *Vera* veicola la pregnanza dei temi principali del film: la vita, l’arte, il sé. Nel romanzo, i partecipanti a una manifestazione vengono così descritti: “Они же приподнимались на цыпочках, силясь увидеть что-то самое важное, не догадываясь, что увидеть ничего нельзя, как ни *вглядывайся*, потому что там ничего нет, а все, достойное внимание, -

⁵ Trad. it.: “Solo quando non vi è più alcuna speranza, l’uomo si conosce e si mostra” (G.M.).

перед носом”⁶ (Snegirev 2015: 173; il corsivo è mio, G.M.). Il documentario lascia l'impressione che la regista e lo scrittore abbiano voluto guardarsi da vicino: vi sono nel film inquadrature in cui si intravedono specchi, quasi a significare che la vita si trasforma in testo riflettendosi nelle loro coscienze. Attraverso i vetri delle finestre, i riflessi di luce opalescente ed effetti ottici simili, che rimandano anche a precisi artifici letterari del romanzo di Snegirev *Vera*,⁷ emerge la convinzione che la trasformazione della vita sia possibile solo attraverso il vissuto della perdita, il dolore e le sofferenze.

Vera

Nel dicembre del 2015, Snegirev ha vinto il premio “Booker russo” con *Vera*, romanzo il cui in-

⁶ Trad. it.: “Loro già si alzavano in punta di piedi, sforzandosi di vedere qualcosa di particolarmente importante, senza intuire che per quanto si guardi attentamente non si può vedere niente, perché là non c'è niente, mentre tutto ciò che è degno d'attenzione è sotto il naso” (G.M.).

⁷ Ricordiamo in proposito che l'autobiografia per sua natura “è esposta al fenomeno ottico della diffrazione: più individui si aggirano dentro di noi e lo specchio che li moltiplica, nel rivelarsi un caleidoscopio, con un'ulteriore metamorfosi, si trasforma in labirinto” (Battistini 1990: 12).

treccio inizia negli anni Trenta, matura velocemente nei decenni successivi per svilupparsi nella tarda epoca sovietica e nei primi anni Duemila. I cambiamenti storici e sociali attraversati dal paese vengono solo accennati tramite il ricorso a brevi frasi semplici come per esempio “даты сменялись быстро”⁸ (Snegirev 2015: 94). Una ricostruzione di alcune svolte cruciali nella vita della protagonista è possibile solo grazie alla descrizione di numerosi dettagli della quotidianità che si sostituiscono ad altri per poi ricomparire negli incubi di Vera da adulta; in questa presenza massiccia delle ‘cose’ legate al *byt* dell'eroina ricordiamo il gusto per gli oggetti di cui è ricca la casa di Snegirev, come si evince dalle prime immagini di *God literary*. Da questo punto di vista, come notava Lichačev nell'introduzione al volume di Žirmunskij *Teorija literary. Poetika. Stilistika* (1977; Teoria della letteratura. Poetica. Stilistica), anche i “fatti biografici” assumono particolare importanza se utilizzati da un preciso punto di vista, quello della spiegazione e dell'analisi di un'opera letteraria e del processo creativo di un autore (Lichačev 1977: 11).

⁸ Trad. it.: “Le date si succedevano rapide” (G.M.).

Vera è un romanzo su una bambina partorita da una madre in età avanzata – altro elemento in comune con la biografia di Snegirev, come si evince dalle confessioni della moglie in *God literature* –, che in passato aveva collezionato una grande quantità di amanti e venti aborti, e che accusa la figlia d’essere un’assassina in quanto responsabile del soffocamento della gemella; Vera ha una nonna materna che si finge cieca e un padre mite, il chimico Sulejman-Vasilij, così chiamato in onore del poeta Sulejman Stal’skij⁹. Rimasto vedovo, l’uomo si dedica anima e corpo al restauro di una chiesa della campagna natia che, abbandonata dopo la guerra, era stata trasformata in una sorta di cinema e ora era il rifugio notturno di vagabondi. Tuttavia, a lavori terminati, Sulejman-Vasilij ammette a se stesso che la fede (in russo *vera*, come il nome della figlia)¹⁰ non esiste,

⁹ Si tratta di uno dei più noti poeti dachestani del Ventesimo secolo.

¹⁰ Interessanti risultano le osservazioni di Ol’ga Balla sui nomi dei personaggi nelle opere di Snegirev; a proposito di *Vera* nota come di alcuni, benché descritti nel dettaglio, non si conosca il nome proprio; il padre ha il nome Vasilij – cosa rara in Snegirev – a sottolineare la comparsa di un nome ortodosso dopo il battesimo avvenuto in età adulta; altri hanno soprannomi oppure, nel caso degli amanti di Vera, vengono chiamati col nome della loro professio-

ma ciò che qui conta per l’autore è mettere in luce il turbamento interiore che una simile presa di coscienza genera nel suo personaggio. Poco dopo egli infatti, smarrito e solo, conosce al mercato una giovane fruttivendola, in breve diviene sua moglie, ma lei lo sposa solo per ottenere un domicilio e impossessarsi di tutti i suoi averi. La figlia Vera, intanto, cresciuta e trasferitasi in America, ha sporadici contatti col padre. D’un tratto decide di tornare in Russia, ma la porta della casa natia non si apre con la vecchia chiave, lei suona e appare uno sconosciuto. Tutto questo viene trasmesso attraverso una sintassi scandita da frasi brevi e separate dal punto a capo come con lo scopo di evidenziare ciò su cui è importante soffermarsi prima che la narrazione riprenda il proprio corso¹¹. La

ne (il banchiere, il regista) (Balla 2016). Valerija Pustovaja sottolinea come il nome ‘parlante’ Vera sia in realtà ‘muto’, perché Vera non è un simbolo, bensì un’eroina che esiste al di sopra del tempo, delle passioni e della fede (Pustovaja 2015). Inoltre, vale la pena ricordare che il titolo del già citato *Com’è che si chiamava?...* rimanda al nome dimenticato dal protagonista fotografo della prima fidanzata, l’unica che probabilmente lo aveva amato veramente e l’unica che gli avrebbe dato un figlio se non avesse abortito (AAVV 2017: 7-24).

¹¹ Citiamo: “Замок был нов и незнаваем. / Позвонила. / Открыл неизвестный в трусах” (Snegirev 2015:

campagna, i luoghi familiari dell'infanzia, l'izba della nonna sono a stento riconoscibili, ricoperti da ortiche e immersi nell'incuria assoluta. Ma Vera non si perde d'animo, trova lavoro nella redazione di una famosa rivista d'architettura e, come la madre un tempo, inizia a collezionare una serie di relazioni (con un banchiere, un regista, un poliziotto xenofobo) che sistematicamente si concludono con un fallimento. Man mano che il racconto prende vita, Snegirev intensifica il ricorso a metafore e similitudini che spesso sono costruite sul paradosso, uniscono ciò che è concreto e ciò che è astratto, l'alto e il basso, la sfera umana e quella animale come nell'immagine della Russia paragonata ora a un uomo che ha sofferto a lungo la fame e non appena si presenta l'occasione inizia ad afferrare ogni cosa gli capiti sottomano, indiscriminatamente; ora a un gregge che ha divorato il pascolo e non sa più dove cercarne uno nuovo¹². E anche la sintassi ap-

104). Trad. it.: "La serratura era nuova e irriconoscibile. / Suonò. / Aprì uno sconosciuto in mutande" (G.M.).

¹² Citiamo: "В те времена страна, удивленная цифрами, выручаемыми за ископаемые, которые из-под себя выгребала, стала быстро и хаотично богатеть, поступая с прибылью так, как поступает любой долго голодавший и лишенный бытовых радостей - хапа-

pare sempre più puntellata da brevi frasi per lo più nominali interrotte bruscamente dal punto. Questo artificio – Žučkova definisce Snegirev un "virtuoso delle costruzioni sintattiche" (Žučkova 2016) – ha la doppia funzione sia di riportare i pensieri interiori dell'eroina come quando, per esempio, rimugina in presenza dell'amante fotografato sul suo sogno di maternità ("Девять с половиной месяцев. / Маленький человек. / Он или она. / Лучше он"¹³, [Snegirev 2015: 244]), che di evidenziare la meccanicità dei rapporti con i vari amanti ("Обнял. Приник. / Спросила, когда рейс. / Ответил. / Она остра-

ла все без разбору" (Snegirev 2015: 113). Trad. it.: "A quei tempi il paese, sbalordito dalle cifre ricavate dai minerali che rastrellava dal suo stesso suolo, aveva cominciato ad arricchirsi in modo veloce e caotico, comportandosi con il profitto come si comporta chi a lungo ha fatto la fame ed è stato privato dei piaceri quotidiani, abbrancava qualsiasi cosa gli capitasse" (G.M.). "Нация напоминала стадо, затоптавшее пастуха, объевшее пастбище и не знающее, как найти новое" (Snegirev 2015: 166). Trad. it.: "La nazione ricordava un gregge che aveva calpestato il pastore, aveva divorato tutto il pascolo e non sapeva come trovarne uno nuovo" (G.M.).

¹³ Trad. it.: "Nove mesi e mezzo. / Un piccolo uomo. / Lui o lei. / Meglio lui" (G.M.).

нилась, пора”¹⁴, [Snegirev 2015: 142]). Sintomatico di un cambiamento che investe tutta la società dagli anni Novanta in poi è l’inevitabile ricorso agli anglicismi come in questo passaggio: “За ней бегали типы самые разные, гангестеры-меценаты и топ-менеджеры-рекламодатели”¹⁵ (Snegirev 2015: 128), che tuttavia l’autore utilizza sensibilmente e con misura, senza che mai compromettano la ricercatezza lessicale propria del suo stile. Gli anglicismi servono a dare una particolare connotazione alla nuova realtà post-sovietica in cui si ritrova la generosa Vera, realtà che appare a tratti polarizzata, scissa tra il mondo maschile e quello femminile. Questo si può vedere ad esempio nella seconda parte del romanzo, nella scena del compleanno a casa di una ricca e cinica vecchia conoscente, dove da una parte vengono descritti gli uomini con i loro discorsi su argomenti legati alla sfera sociale e politica, dall’altra le donne – moderne ‘angeli del focolare’ – intente a discutere della costruzione dell’ennesima

¹⁴ Trad. it.: “La abbracciò. La strinse. / Lei chiese quando sarebbe partito l’aereo. / Lui rispose. / Lei si scostò, era ora” (G.M.).

¹⁵ Trad. it.: “Le correivano dietro i tipi più diversi, gangster-mecenati e top-manager-inserzionisti” (G.M.).

casa e dell’educazione dei figli, estranee per natura alla politica in quanto interessate solo a “determinate cose”: la vita e la morte, il cibo e la fame, la famiglia e la solitudine (Snegirev 2015: 165). In queste parole, come sostiene la critica Valerija Pustovaja, non vi è ombra di pregiudizio, perché è lo stesso Snegirev a interessarsi solo di “determinate cose” e la politica, a confronto, altro non è che “un’increspatura nell’esistenza umana” (Pustovaja 2015)¹⁶.

Ma Vera è una creatura diversa: la vediamo subito dopo partecipare ai meeting anti-corrruzione che si svolgono nella capitale (sebbene per inerzia più che per convinzione, come ogni gesto da lei compiuto nella sua infelice vita) e a trasmettere questa sua inclinazione alla sottomissione. Il senso di paura e abbandono provato viene reso tramite una similitudine con il mondo animale: “Вера заглядывала в их глаза, как собака, привязанная

¹⁶ Pustovaja mette a confronto questa immagine del mondo femminile in *Vera* di Snegirev con l’affermazione da lei definita sessista tratta dal romanzo *Obitel’* (2014) di Z. Prilepin: “Родина у женщины появляется, когда у нее появляется муж” (cit. in Pustovaja 2015) (trad. it. a cura di N. Marcialis, *Il monastero*, Voland, Roma, 2017, p. 657: “La donna comincia ad avere una patria quando nella sua vita compare un uomo”).

у магазина, высматривает хозяина”¹⁷ (Snegirev 2015: 173). Poco dopo si ritrova al comando di polizia, dove subisce il fascino del *Lesyj* (il Calvo), un uomo rude, sposato e con figli, che per primo suscita in Vera, senza tuttavia assecondarlo, il desiderio di maternità. E ogni volta che lei rientra nell’appartamento in cui vive, c’è una porta chiusa coperta da un tappeto, oltre la quale ha paura d’andare. Una sera, sente squillare un telefono proprio dentro la stanza segreta. Entra, è molto buio, illumina con una pila l’ambiente, trova il telefono che è lo stesso che avevano i genitori, risponde e dall’altra parte della cornetta sente la voce della madre.

La scrittrice Anna Kozlova, nella sua recensione al romanzo, scrive che questa porta è un simbolo non tanto dell’inconscio familiare, quanto dell’inconscio popolare, il simbolo di tutti quei nonni e nonne fucilate, sospettate le ultime di aver tradito i mariti con gli ufficiali tedeschi, di ebrei e mezzi ebrei e così via, rinchiusi in quella stanza per non sentire, non vedere, non ricordare. Tuttavia, è errato credere che ciò di cui non parliamo cessi d’esistere. Al contempo risulta difficile, sottolinea Kozlova, abbattere que-

sta porta in modo da riuscire a conoscersi a fondo se non è possibile comprendere di chi sia il dolore, proprio o di chi è stato lì rinchiuso, dei nonni fucilati e delle nonne che hanno ceduto ai tedeschi, e se quella stanza che appare e scompare esista per davvero (Kozlova 2015).

Vera vi entra una seconda volta, il buio è sostituito da una luce color ambra, ed emergono ora una moltitudine di vecchi oggetti: libri, foto, tra queste quella del suo doppio, ritratti, una finestra che improvvisamente appare murata, un armadio che quasi la schiaccia, pareti mobili, parucche di capelli veri. Dalla sua immagine riflessa, al posto del seno appaiono due musi di maiali. E poi, di nuovo, l’incontro con la madre dalla quale riesce a fuggire senza sapere né ricordare come. Il passato riemerso in veste d’incubo mostruoso libera Vera dalle paure, dai suoi traumi, dall’ossessione di Dio inculcatagli dai suoi, dal senso di colpa legato al fatto che la sua nascita ha implicato la morte della gemella; uscendo dalla stanza, tuttavia, s’imbatte in un’altra serie d’incontri mostruosi: una mendicante veggente che si trasfigura fino a diventare identica a Vera; una schiera di uomini ai quali singolarmente lei grida il suo desiderio di maternità in un cre-

¹⁷ Trad. it.: “Vera guardava nei loro occhi come un cane legato vicino al negozio segue il suo padrone (G.M.).

scendo d'exasperazione e pragmatismo al contempo, come si evince dalla sequenza di queste due frasi, neutra la prima e più espressiva e diretta la seconda: "Я хочу ребенка / Сделай мне ребенка"¹⁸ (Snegirev 2015: 269). Vera li prega al contempo di smettere e continuare, poi alla fine li lava, li asciuga e vita e morte si uniscono in questa immagine conclusiva: "Она заснула без сновидений, подтянув колени к подбородку, как зародыши в брюхе спят, как древние своих мертвецов в земляную постель укладывали"¹⁹ (Snegirev 2015: 273).

Leggendo *Vera*, romanzo a tratti grottesco che scava negli angoli più reconditi dell'autocoscienza umana e nazionale, si finisce per ritrovarsi trascinati dal flusso veloce dell'esistenza dell'eroina, dal suo agire passivamente, dalla ricerca disperata di una via d'uscita da quella solitudine in cui è intrappolata dalla nascita e in cui sono intrappolati tutti i personaggi della sua famiglia, e al contempo rapiti dal coraggio che la porta a varcare la soglia di

¹⁸ Trad. it.: "Io voglio un bambino" / "Mettimi incinta" (G.M.).

¹⁹ Trad. it.: "Si addormentò senza sogni, con le ginocchia al mento, come dormono i feti nella pancia, come gli antichi sistemavano i morti nel letto di terra" (G.M.).

uno spazio tanto pauroso e vietato. Talvolta, proprio in questo flusso continuo degli eventi che sembrano sovrapporsi e riflettersi l'uno nell'altro, sentiamo il bisogno di tornare indietro, per verificare se qualcosa non sia sfuggito alla nostra attenzione nell'intricata rete di metafore e simboli costruita dall'autore. Una circostanza poi esprime appieno la condizione caratteriale di questa creatura ingenua e generosa, e cioè la scena in cui Vera si rade a zero pur d'esaudire il desiderio di una donna morente rimasta senza capelli e donarle una parrucca: ripete così, spontaneamente, un gesto che da piccola aveva subito quando il padre le aveva tagliato le trecce costretto dalla moglie, gelosa quest'ultima del colore dei capelli della figlia. E ripetono quanto ereditato dalla 'tradizione' anche gli uomini in cui si è imbattuta, come leggiamo in questa ammissione dolorosa attraverso la quale si nota nelle parole dell'autore il tentativo di una giustificazione: "Жестокость - осознанный выбор, а эти действовали согласно пусть дикой, пусть подзабытой и отчасти придуманной заново, но традиции"²⁰ (Snegi-

²⁰ Trad. it.: "La crudeltà è una scelta consapevole, questi invece agivano secondo una tradizione ammettiamo pure selvaggia, ammettiamo pure dimentica-

rev 2015: 279). L'unica reale via d'uscita per Vera, che dal futuro non può attendersi alcuna sorpresa, è spalancare le finestre e far entrare la luce autunnale, prima di girarsi insieme alla terra e far sì che il cielo notturno le si 'imprima' sopra. E in questa luce che pervade lo spazio in cui si trova l'eroina nel finale, vediamo riflessa la stessa luce che entra nell'abitazione di campagna dei Snegirev in numerose inquadrature di *God literary*, un film intimo e personale che permette non solo di individuare alcune tematiche autobiografiche rielaborate e amplificate a loro volta nella biografia di Vera, ma anche di visualizzare ancor meglio le immagini che scaturiscono dai segni linguistici, di per sé già particolarmente espressivi nella prosa di Snegirev. In quest'ottica, il testo filmico diventa un tramite che arricchisce la lettura di *Vera*, in un circolo di segni iconici e verbali che si completano a vicenda, facilitando la percezione estetica dell'opera letteraria e la comprensione del mondo artistico dell'autore.

Intervista

ta e in parte escogitata da capo, ma pur sempre secondo la tradizione" (G.M.).

1. *Aleksandr, tu hai scritto numerosi racconti e diversi romanzi tra cui Vera, quale forma ti è più vicina?*

Scrivo soprattutto racconti. Mi piacciono di più. Tutti dicono che sono migliori dei miei romanzi. E li preferisco anche come lettore. Però non mi prefiggo mai l'obiettivo iniziale di scrivere un romanzo o un racconto, ovvero: mi viene in mente una storia, prendo appunti dove capita, magari anche sul telefono, e ogni giorno scrivo qualcosa; per esempio, *Vera*, non pensavo a un romanzo. Ora racconto com'è andata. Avevo già scritto una ventina di pagina. Il file è sparito e non c'era modo di ripristinarlo. Eravamo in Australia e mi hanno detto che il mio notebook era un modello nuovo e non era possibile recuperare certi file. Ho pensato che avrei provveduto una volta rientrati a Mosca. A Mosca, dopo due settimane, hanno trovato dei file. Erano quelli. Inizio a leggere e non mi piace per niente. Poi ci sono dei pezzi interessanti e decido di pagare per riavere i miei file. Qual è il paradosso? Con l'eroina del mio romanzo succede una cosa simile: sta per morire alla nascita, ma si salva, come per magia. E solo in seguito ho potuto constatare che c'era una somiglianza con la storia dei file ripristinati. Perché sto raccon-

tando tutto questo? Perché inizialmente *Vera* doveva essere un racconto e, solo verso la fine, c'è la scena con la quale ho iniziato a scrivere. Anche per questo la struttura può risultare asimmetrica. Ho scritto questo romanzo in tre anni. A gennaio del 2015 è uscito sulla rivista «Družba narodov», la prima variante, poi ho apportato diverse modifiche, è stato pubblicato, e a dicembre ho vinto il Booker, e comunque in Russia sono molto contrastanti i giudizi e i pareri sulla mia opera.

2. *Hai appena fatto riferimento alla rivista su cui dapprima è stato pubblicato Vera: che ruolo hanno oggi le riviste letterarie in Russia?*

Dopo l'uscita di *Vera* mi hanno proposto di lavorare come vice capo redattore e da due anni lavoro nella redazione di «Družba narodov». Le riviste sono un'eredità dell'Unione Sovietica, il livello allora era molto alto, e le riviste avevano una tiratura altissima, permettevano agli scrittori di ottenere subito un riconoscimento sia in termini materiali che di successo personale. Oggi hanno una tiratura di mille copie al mese. Le redazioni ricevono un sostegno minimo dallo Stato, che a stento basta per la pubblicazione di un numero e tutti coloro che lavorano

in redazione non hanno stipendio. Perlomeno la redazione della nostra rivista. Talvolta riusciamo a pagare gli scrittori che pubblichiamo, ma non a ritagliarci uno stipendio per noi, seppur minimo. Per cui ci lavorano soprattutto i pensionati o chi ha un altro lavoro. Le riviste si vendono solo con l'abbonamento, non vengono vendute nei negozi. In Russia ci sono enormi problemi con la distribuzione, la posta è molto cara. Si è soliti dire oramai che le riviste non servono, e invece secondo il mio parere sono fondamentali. Si tratta di un laboratorio, di un centro di ricerca dove nascono le idee. Come in ogni laboratorio non vedi il risultato finito, il risultato finale è in tv, in vetrina, ma senza il laboratorio non ci sarebbe questo risultato. Faccio un esempio. Le riviste sono un po' come l'addestramento militare: quando esce il testo sulla rivista ti puoi rendere conto meglio delle cose che potresti ancora migliorare in vista della pubblicazione con la casa editrice. Sia la rivista che la casa editrice sono fondamentali, perché al momento ci sono pochi *editor* e si cerca il più possibile di fare economia, quindi il lavoro più grande di redazione deve farlo lo scrittore stesso.

Per capire i passi successivi che portano alla pubblicazione con le case editrici si può fare un paragone con la sfera cinematografica, dove ci sono le ‘proiezioni speciali’: le riviste sono per un pubblico di specialisti o per le persone abbonate. Sono molto orgoglioso di un numero uscito questo autunno (2016), il X, su cui è stato pubblicato il romanzo di Anna Kozlova *F20*, che è risultato vincitore del premio Bestseller nazionale 2017²¹. È un romanzo su due sorelle adolescenti che soffrono di schizofrenia. È un testo molto forte, conflittuale, appassionante. Era un numero dedicato al cinema e alla letteratura, e così abbiamo chiamato il romanzo di Anna Kozlova “kinoroman” (romanzo cinematografico), e in realtà Anna scrive soprattutto sceneggiature per il cinema, le hanno già proposto l’acquisto dei diritti per un film basato su *F20* che è molto cinematografico, assomiglia a una sceneggiatura. E sono fiero di questo numero perché proprio la pubblicazione sulla rivista è stata nominata per il premio Bestseller nazionale di San Pietroburgo. Tra l’altro, riguardo

²¹ Anna Kozlova è scrittrice e autrice di numerose sceneggiature per il cinema e la televisione. Per un approfondimento sul romanzo vincitore del premio letterario piomboburghese Bestseller nazionale si veda Senčín 2017.

la pubblicazione da parte della casa editrice, c’è una cosa curiosa che vi voglio raccontare: lo hanno pubblicato senza il permesso di Anna e senza ottenere la versione finale. È una storia strana. Ora hanno sistemato tutto ed è uscita la seconda edizione.

3. *Quale tendenza vedi nei processi alla base della letteratura russa contemporanea?*

La letteratura russa contemporanea è fortemente rivolta al passato. Prendiamo, per esempio, gli attuali finalisti dei più grandi premi letterari nazionali russi e vi troveremo romanzi incentrati su Ivan Il Terribile, sull’epoca della Stagnazione, sulla biografia di Valentin Kataev. Credo che nove su dieci romanzi siano dedicati al passato. È una caratteristica della nostra società, il rifiuto di vivere e accettare il presente, così come di guardare al futuro²². Un po’ come le

²² Di questo attaccamento al passato leggiamo anche in *Vera* con l’immagine di un paese che, sconvolto dalla furia dei cambiamenti repentini degli anni Novanta, si aggrappa alle immagini degli eroi ridotti in cenere: “Нация рылась в кучах старья, прикладывала к себе портреты истлевших героев, ища сходства, цеплялась за прошлое [...]” (Snegirev 2015: 166-167; il corsivo è mio, G.M.). Trad. it.: “La nazione frugava in mucchi di roba vecchia, stringendo a sé ritratti di eroi ridotti in cenere,

persone che vivono solo del loro passato, alle quali sembra che la parte migliore della vita sia già trascorsa; un po' come quelle donne che guardano le fotografie di quando erano giovani e si rifiutano di guardarsi allo specchio nel presente, convinte di non servire oramai più a nessuno. Ecco, secondo me la società russa si trova in questa condizione. È un problema complesso.

4. *Pensi che questo guardare al passato sia connesso a un senso di nostalgia crescente?*

Non so se si tratti propriamente di nostalgia. La nostalgia è determinata da qualche causa scatenante, da una perdita. E nel XX secolo ci sono stati vari eventi che hanno causato delle perdite: dapprima la Rivoluzione, che ha cambiato fortemente le relazioni all'interno del paese, poi le repressioni che hanno determinato la perdita di milioni di persone, poi la guerra, poi il crollo dell'Urss. Quattro catastrofi sociali con una quantità totale di vittime quasi impossibile da quantificare. Tutto è andato perso, inclusi semplici oggetti della quotidianità, pertanto non c'è niente di cui prendersi cura e da custodire.

cercando somiglianze, aggrappandosi al passato [...]”(G.M.).

E così si è accentuato un approccio fatalistico alla vita, siamo diventati tutti un po' buddisti, c'è la sensazione che il futuro non possa riservarti niente di buono. Ma per quanto mi riguarda questa sensazione non deriva dal crollo dell'Unione sovietica. Mi ricordo bene di quel periodo ed ero molto felice che presto sarebbe finito. Sono laureato in scienze politiche e capivo che quanto stava accadendo era del tutto naturale, è come dire che da vecchi moriremo, è normale. E così anche gli stati muoiono. Quindi personalmente non provo alcuna nostalgia per quegli anni, la sensazione di nostalgia che provo, nel mio caso, è qualcosa che deriva totalmente dalla mia esperienza più intima e personale. Nella mia vita ho subito molte perdite, a livelli differenti, e questo ha formato la mia coscienza. Sto leggendo un libro interessante di uno scrittore tedesco, W.G. Sebald²³, un

²³ Il titolo è *Austerlitz* (2001; trad. it. di A. Vigliani, *Austerlitz*, Adelphi, Milano, 2002); si tratta di un romanzo in cui il protagonista Jacques Austerlitz, un professore di architettura, decide un giorno di ricercare le proprie origini e scopre di essere stato portato in Inghilterra con uno dei convogli che partivano dall'Europa centrale, mentre i genitori finivano nei campi di sterminio. Strada dopo strada riemergono i segni di un passato lacerante che il protagonista sente di aver sempre inconsciamente ospitato.

perfetto esempio d'unione di una storia vera con elementi di finzione; lui ha scritto anche dei saggi sul fenomeno delle vittime del nazismo e analizza cosa succede alle persone quando vivono traumi del genere e soffrono. E vi ho trovato dei ragionamenti che mi sono risultati molto comprensibili. Ora vi spiego perché.

Alcuni miei antenati hanno combattuto, mio nonno è stato nei lager tedeschi e raccontava a mio padre la sua vicenda, mio padre a sua volta mi ha riportato questi racconti, e spesso ci torna sopra, così per me è come se in parte tutto questo sia successo anche a me, mi appartiene. Si prova una strana sensazione, come se non fossi morto, ma neppure vivo. Perché ho parlato di Sebald? Perché lui sostiene che determinate persone, che hanno vissuto vicende tragiche, hanno una coscienza strana. E io, forse è il risultato della mia fantasia, ho come l'impressione d'averle rese mie queste vicende, e del resto credo che simili racconti ci siano stati in ogni famiglia nel nostro paese, e ciascuno li vive come parte che lo riguarda direttamente, in uno stato di profondo trauma.

Questo passato nel quale siamo immersi dipende innanzitutto dal fatto che non crediamo nel futuro, poi vogliamo capire cosa

sia successo e, infine, cerchiamo inconsapevolmente di 'stregare' questo passato affinché possa trasformare il presente.

5. Nel film God literary alla fine leggi un tuo racconto che nasce da un fatto reale, ovvero dai problemi che avete avuto con la vostra casa che vorrebbero distruggere per costruire in quella zona una grande strada. In che misura i tuoi scritti traggono ispirazione dalla realtà personale?

Io ricevo sempre impulsi dalla realtà, io descrivo la realtà. I miei testi sono reportage del mio mondo, tutto quello che descrivo è reale nel mio mondo. E una parte di questa realtà si interseca con la realtà di tutti gli altri. Nel caso di *Vera* ho descritto alcune donne e alcuni uomini che perdono il senno per colpa di guai che è la Russia a far crollare loro addosso. Da tutti i loro destini ho messo insieme un solo destino, quello della protagonista. *Vera* è figlia di più genitori.

6. In Italia è stato recentemente pubblicato un tuo racconto inedito, Com'è che si chiamava?... [in Falce senza martello. Racconti post-sovietici, Stilo ed., Bari 2017]: com'è nata l'idea di questo racconto?

Mia nonna, dopo la morte del nonno, affittò una casa a uno studente armeno. Un giorno lo studente portò a casa una ragazza, dormirono insieme e la nonna il giorno dopo gli fece una scenata pazzesca. La nonna, secondo me, non riusciva a capire fino in fondo che razza di sentimento provasse per questo ragazzo! Poi, trent'anni dopo, sono stato a Firenze e ho affittato io una camera da un'anziana donna russa che da molto tempo ha lasciato Pietroburgo e vive in Italia. Un giorno, come per sbaglio, ha inondato il mio letto d'acqua e mi ha proposto di dormire con lei. Ho dormito sul pavimento. È una storia strana, perché mia madre conobbe per caso la figlia di questa donna, le disse che se fossi andato in Italia avrei potuto vivere da sua madre. Questi due episodi mi hanno molto ispirato, poi ho ricreato il carattere della donna, ho iniziato a comporre e fantasticare, mescolando vari altri ricordi ed episodi, ho inserito un mondo intero. Mi ricordo che presi subito appunti dopo quell'episodio a Firenze, e comunque si prova una sensazione come quando si cerca un tesoro, e comprendi di colpo che quella storia è molto bella e provi un senso di profonda gratitudine per quella persona che involontariamente ha innescato un

meccanismo tale nella tua mente e ti ha regalato un vero brillante!

7. *Nelle tue opere un ruolo importante lo hanno temi quali la maternità, l'aborto, la sterilità, che di solito vengono attribuiti alla scrittura femminile²⁴, ma che sono a mio avviso anche molto attuali nei romanzi dei giovani autori degli anni Duemila²⁵. In Com'è che si chiamava?... l'anziana aspira al contempo a essere madre, amante e figlia del fotografo, nella realtà ha perso un figlio; e ancora, la prima vera ragazza del protagonista abortisce e lui non avrà mai più figli da altre donne. In Vera questi temi*

²⁴ Secondo N. Fateeva tra i temi più ricorrenti che si incontrano nei testi femminili contemporanei vi sono: descrizione particolarmente cruda della gravidanza e del parto, perdita di un figlio prima che venga alla luce o della sua morte subito dopo il parto, condizione di sterilità della donna (Fateeva 2008: 203-204).

²⁵ Nel romanzo di G. Jachina *Zulejka ot-kryvaet glaza* (2015; trad. it. di Claudia Zonghetti, *Zulejka apre gli occhi*, Salani, Milano, 2017) a proposito della protagonista leggiamo: "E in quei dieci anni Zulejka aveva partorito e sepolto quattro figlie" (Jachina 2017: 32); la seconda parte del romanzo *Aviator* (L'aviatore, 2017) di Evgenij Vodolazkin, scritta sotto forma di diario a tre voci (il medico Gejger, il paziente Innokentij e Nastja), si apre con la notizia della gravidanza di Nastja, ma il romanzo finisce e il figlio non è nato.

sono centrali. Si può leggere la costanza di tali elementi come metafora di qualcosa che oltrepassa la sfera personale?

Innanzitutto, la mia storia personale è da questo punto di vista alquanto drammatica. Quindi in parte sono temi che involontariamente mi appartengono, sono legati al mio destino personale che però non è mai separato dal contesto generale. Quindi, forse possiamo anche ricollegarli alla prima domanda: inconsciamente, ma anche in modo consapevole, non vediamo per i nostri figli una prospettiva (anche se questa parola, “prospettiva”, suona troppo come qualcosa di borghese per i miei gusti) reale nel futuro. E il tema della maternità è ad esso direttamente collegato.

8. Che conseguenze, positive o negative, ha avuto il fatto di aver lavorato insieme a tua moglie, a stretto contatto, su tematiche che sono state alla base del vostro vissuto?

Ho deciso di vedere il film al cinema, per la prima volta, di recente. A Mosca, nel Centro di cultura contemporanea Garage. Fino a quel momento sono sempre uscito dalla sala, cosa che è capitata anche a Pesaro. Era molto pesante per me rivivere di nuovo tutto da capo. *God literature* è una grande prova, per lo

spettatore e per me. Ai nostri tempi, pur di totale apertura, comunque non è qualcosa di abituale rivoltare completamente la propria vita e mostrarla a tutti. Ma non si può fare altrimenti. Nell'arte sono possibili solo gli stati estremi. Ogni visione di questo film la paragonerei a un'esplosione, dopo la gente non è più quella di prima. Gli spettatori provano rispetto per il coraggio della regista e per il mio coraggio. Per il fatto che abbiamo deciso di raccontare di noi due a cuore aperto. Ciascuno necessita di una confessione pubblica simile. È molto semplice e al contempo molto complesso.

9. God literature rappresenta anche un modo originale d'incontro tra cinema e letteratura, rispetto per esempio alle più tradizionali ekranizacii. Tu stesso mi hai appena raccontato di come F20 sia una sorta di sceneggiatura. Come vedi questi rapporti tra le due arti?

Molti scrittori quando creano le loro opere lo fanno pensando alla possibilità di vendere i diritti per il film, lo scrittore oggi è al contempo sceneggiatore che cerca di comporre un testo il più possibile visivo. Le persone più che leggere oggi guardano i film e soprattutto i serial, e questo vale anche per la Russia. Una

volta anch'io ero molto influenzato dal cinema, dalla televisione, ho scritto diverse sceneggiature per alcune trasmissioni televisive e per il cinema, ma pian piano tutto questo mi ha annoiato, e io credo che il futuro della letteratura sia questo, e non solo riguardo la Russia, ma il mondo intero: è necessario tornare a quel tipo di narrazione dove la cosa più importante sono i pensieri. Da più di trecento anni viviamo nell'epoca del romanzo letterario con scene, una scena cambia l'altra, con al centro una serie di eventi. Prima di questo, i romanzi avevano una struttura diversa. Io credo che la letteratura debba uscire dalla posizione di attuale vassallaggio e riappropriarsi di una sua autonomia: altrimenti, che senso ha leggere se posso vedere la stessa cosa sullo schermo?

10. *L'ultima domanda: che impressione ti lascia questo tuo soggiorno italiano?*

Ad Ancona ho visto l'arco di Traiano costruito nei primi anni del II secolo D.C. e proprio lì vicino vi è una grande gru portuale che serve a caricare i container. Questa gru con la sua forma a 'Π' (P) ricorda l'arco, con dimensioni molto più grandi. In Italia, le cose, gli oggetti del lontano passato vivono vicino al presente, creando un'armonia incredibile che ti permette di pensare all'eternità. E quando scrivo cerco sempre di colmare i testi di questa sensazione, pertanto l'Italia è molto vicina al mio animo ed è per me fonte d'ispirazione.

Bibliografia

AA.VV. 2017: AA.VV, *Falce senza martello. Racconti post-sovietici* (cura e traduzione di G. Marcucci), Stilo, Bari, 2017.

Balla 2016: O. Balla, *Vyslušivajas' vo vremja*, «Družba narodov», 2016, 12, <<http://magazines.russ.ru/druzhba/2016/12/vslushivayas-vo-vremya.html>> (ultima consultazione: 3/08/2017)

Battistini 1990: A. Battistini, *Lo specchio di Dedalo. Autobiografia e biografia*, Il mulino, Bologna, 1990.

Fateeva 2008: N. Fateeva, *Lo spazio femminile nella lingua*, in G. Denissova (a cura di), *Lei. Racconti russi al femminile*, Plus, Pisa, 2008, pp. 201-223.

- Galickaja 2016: O. Galickaja, *Ženskij status chorošo prodaetsja*, in <http://www.trud.ru/article/10-06-2016/1338426_zhenskij_status_xoroshoprodaetsja.html?utm_source=rnews> (ultima consultazione: 3/08/2017)
- Jachina 2017: G. Jachina, *Zulejka apre gli occhi*, Salani, Milano, 2017.
- Korobkova 2016: E. Korobkova, «*God literary*» - *fil'm pro iznanku pisatel'skogo uspecha*, in <<http://iz.ru/news/634826>> (ultima consultazione: 3/08/2017)
- Kozlova 2015: A. Kozlova, *Aleksandr Snegirev "Vera"*, in <<http://www.natsbest.ru/award/2015/review/aleksandr-snegirev-vera-1/>> (ultima consultazione: 30/06/2017)
- Kuzminskaja 1981: T.A. Kuzminskaja, *Moja žizn' doma i v Jasnoj Poljane*, Krasnojarskoe knižnoe izdatel'stvo, Krasnojarsk, 1981.
- Lichačev 1977: D.S. Lichačev, V.M. Žirmunskij – *svidetel' i učastnik literaturnogo processa pervoj poloviny XX v.*, in V.M. Žirmunskij, *Teorija literary. Poetika. Stilistika*, Nauka, L., 1977, pp. 5-14.
- Manskij 2016: V. Manskij, *Duchovno bogatye tože plačut: kak byla napisana kniga, polučivšaja «Russkij Buker» -2015*, in <https://tvrain.ru/lite/teleshov/artdokfest/year_of_literature-422071/#comments> (ultima consultazione: 3/08/2017)
- Muminova 2016: N. Muminova, *Razbudi menja, esli smožeš'*, in <<http://o-culture.com/kino-i-kinofestivali/item/2190-razbudi-menya-esli-smozhesh>> (ultima consultazione: 3/08/2017)
- Orlova 2015: S. Orlova, *Vera jurodivych*, in <<http://www.rewizor.ru/literature/reviews/vera-urodivyh/>> (ultima consultazione: 3/08/2017)
- Prilepin 2014: Z. Prilepin, *Obitel'*, Ast, M., 2014 (trad. it. a cura di di N. Marcialis, *Il monastero*, Voland, Roma, 2017).
- Pustovaja 2015: V. Pustovaja, *Teorija malych knig*, «Novyj mir», 2015, 8, <http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2015/8/16pust.html> (ultima consultazione: 3/08/2017)
- Sebald 2001: W.G. Sebald, *Austerlitz*, Hansen, München, 2001 (trad. it. a cura di A. Vigliani, *Austerlitz*, Adelphi, Milano, 2002).
- Senčín 2017: R. Senčín, *Anna Kozlova «F20»*, in <<http://www.natsbest.ru/award/2017/review/anna-kozlova-f20/>> (ultima consultazione: 3/08/2017)
- Snegirev 2015: A. Snegirev, *Vera*, Izdatel'stvo E, M., 2015.
- Vodolazkin 2017: E. Vodolazkin, *Aviator*, Ast, M., 2017.
- Žirmunskij 1977: V.M. Žirmunskij, *Zadači poetiki*, in Idem? *Teorija literary. Poetika. Stilistika*, Nauka, Leningrad, 1977, pp. 15-56.

Žučkova 2016: A. Žučkova, *Pirat sovremennoj literatury*, «Voprosy literatury», 2016, 6, <http://magazines.russ.ru/voplit/2016/6/pirat-sovremennoj-literatury-aleksandr-snegirev.html> (ultima consultazione: 3/08/2017)

Елена Карпенко

Международная конференция Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: Люди, тексты, практики – II 1–2 июня 2017 г.

В июне 2016 года группой междисциплинарных исследований автобиографии (Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва) во главе с профессором Ю. П. Зарецким была организована международная конференция *Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики*. Конференция стала площадкой, объединившей более пятидесяти исследователей – представителей разных социальных и гуманитарных наук. Основная цель, которую ставили перед собой организаторы, состояла в том, чтобы инициировать открытую дискуссию о личных свидетельствах людей (эгодокументах), а также о методах их исследования представителями разных областей социального и гуманитарного знания: историками, культурологами, филологами, философами, психологами, социологами. Продолжением сотрудниче-

ства и междисциплинарного диалога стала вторая конференция *Автобиографические сочинения в междисциплинарном исследовательском поле: люди, тексты, практики – II*, которая прошла в Москве 1 – 2 июня 2017 года. Конференция состояла из пленарной сессии и 12 секций, на которых было представлено более 50 докладов исследователями из ведущих университетов и научных центров.

Лекции пленарной сессии были призваны показать широту исследовательского диапазона автобиографических свидетельств. Т.А. Сабурова (Индианский университет/НИУ ВШЭ) в докладе *Как становились революционерами? Автобиографии народников 1870-х годов и коллективная память* представила историческую реконструкцию коллективной памяти и социального опыта ‘символической общности’ поколения революционеров-народников. А. Н. Кравцов (Независимый исследователь,

Австралия) на материале корпуса автобиографических текстов, написанных русскими переселенцами и опубликованных на русском языке в Австралии с 1912 по 2012 гг., проанализировал обстоятельства жизни, социального быта и коллективной памяти русской диаспоры, стремящейся в форме личных свидетельств сохранять память о своих корнях для ассимилированного окружения детей и внуков. Е. С. Никитина (Институт языкознания РАН) в докладе *Автобиография как художественный факт* тезисно выделила уровни проблемы достоверности автобиографического повествования, обозначив их в терминах культурной ('драматургической') обусловленности опыта рассказывания историй собственной жизни. А. В. Стогова (Институт всеобщей истории РАН, РГГУ) проанализировала практики ведения дневника английским чиновником и поклонником новой науки Самюэлем Пипсом в контексте популярных в европейском обществе второй половины XVII в. философских дискуссий о 'себялюбии' и 'любезности', мотивах и моделях социально одобряемого поведения и правилах самоконтроля. Р. С. Черепанова (ЮУрГУ, Челя-

бинск) на основе неопубликованного юношеского дневника второй половины 60-х гг. XX в. проанализировала дискурсивные способы и уровни конструирования приватного и публичного, представления об интимности в социальных кругах советской интеллигенции и показала связь дневникописания с жанром автофикции. А. П. Килин (УрФУ, Екатеринбург) в докладе *Автобиография как средство реабилитации* показал, что для реконструкции социальной истории советской модернизации периода НЭПа важным источником сведений об экономической политике, социальной идентичности, социальных структурах и иерархиях являются делопроизводительные автобиографии (произвольный документ личных судебных дел) граждан. Такие тексты выстраивались в соответствии с логикой нормативно-правовых актов и призваны были стать либо жестом 'покаяния', либо 'оправданием' в необоснованном обвинении. Кроме того, изучения автобиографий в судебном делопроизводстве позволяют реконструировать повседневную жизнь советских людей 'эпохи перемен'. Дальнейшая работа конференции продолжилась в тема-

тических секциях, которые были организованы в соответствии с принципом междисциплинарности. В секциях: *Литература и автобиография на перекрестке жанров и интерпретаций*, *Многообразие саморепрезентаций и интерпретаций* были представлены результаты исследований социально-критической и мифологической функций автобиографической литературы, а также проанализированы практики автобиографического письма, на основании не только опубликованных, но и архивных эгодокументов, написанных людьми, причастными к литературному процессу, интеллектуальной и культурной жизни своего времени.

В секции: *Прошлое от первого лица: интерпретации интерпретаций* были представлены доклады, объединенные общим исследовательскими вопросами и методологической оптикой case-study: каково значение единичных источников, а значит и частных случаев автобиографических практик для исторической реконструкции прошлого? Какие исследовательские задачи могут быть решены обращением к подобным единичным источникам? Какое значение имеют социальные факторы

(социальный статус, гендер и др.) в том, как люди описывают свою жизнь, социальный мир и исторический опыт? Как работает наша память, когда мы вспоминаем наше прошлое?

Большинство докладов этой секции было подготовлено на материале женских личных свидетельств, которые были представлены как важные источники по повседневной и гендерной истории, истории быта и истории эмоций. Л.А. Мартынова (Чеховская комиссия РАН) проанализировала уровни эпистолярного диалога двух женщин – О.Л. Книппер-Чеховой и М.П. Чеховой, в контексте развития не только их личностных отношений, выстроенных через связи с А.П. Чеховым и его литературным наследием, но как источник, позволяющий реконструировать мир женской повседневности, восприятие и проживание женщинами исторических событий (революция, война в Москве и Крыму). Аналогичная исследовательская задача была поставлена Т.В. Левицкой (МГУ им. М.В. Ломоносова) при изучении дневника Н.А. Лухмановой (1841–1907) периода русско-японской войны, который писательница вела как полевой журнал, превращая дневнико-

вые записи в публицистические статьи. М.В. Михайлова (МГУ им. М.В. Ломоносова) представила материалы из личного архива – письменные воспоминания для семейного круга К.П. Пышкиной (1897–1982), охватывающие период с начала по 30-е гг. XX века до смерти автора. К.П. Пышкина была первой советской женщиной-мотористкой в экспедиции Севстроля в Нарьян-Маре в 30-х, работала в дальневосточных газетах (где был репрессирован ее муж, помощник командира корпуса А.П. Пышкин, привлеченный по делу Тухачевского), в московской городской библиотеке, благодаря ей позже получившей имя А.П. Чехова. Введение в научный оборот этих воспоминаний позволяет уточнять и расширять наши представления об истории дореволюционной и советской повседневности, а также реконструировать эмоциональные миры людей, переживших время революций и мировых войн.

Два доклада в этой секции были посвящены автобиографическим свидетельствам военнослужащих в контексте политической и социальной истории. В докладе ‘Энциклопедия эмигрантской жизни’ первой половины XX в.: днев-

ник А.А. фон Лампе К. К. Семенов (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына), обращаясь архивным материалам (ГАРФ, ЛФ, № 5853) проанализировал сохранившиеся дневниковые записи, которые на протяжении тридцати лет вел генерал-майор А.А. фон Лампе (1885–1967), офицер и участник белого движения, активист русской эмигрантской диаспоры в Германии. Эти записи представляют документальную летопись социальных процессов и событий в ‘русском мире’, когда автор намеренно включает в текст наряду с описаниями личной жизни и основных проблем русских эмигрантов (гражданство, трудоустройство, выживание при нацистском режиме) газетные вырезки, приказы командования и переписку с разными респондентами. Е. В. Каменская (УрГЭУ, Екатеринбург) в докладе *На чужой земле: воспоминания военнослужащих – участников операции “Дунай” (1968)* проанализировала автобиографические тексты, написанные непосредственными участниками советской военной операции в Чехословакии с целью прояснения специфики повседневной жизни закрытой социальной группы военных в условиях военной операции,

механизмов принятия политических решений и работы пропаганды, взаимоотношений между разными социальными группами (интервентами и местными жителями).

Три секции *Жанры, нарративы, социальные роли, Авто/биографические свидетельства в социальном измерении* и *Личное и социальное в травматическом опыте* были посвящены исследованиям эгодокументов как дискурсивных практик в контексте различий социального опыта, а также изучению связей между социальной реальностью, техниками и инструментами письма, особенностями нарративов, языка и речи. С.Н. Ефимова (Свободный университет Берлина) показала, как исторически изменяется записная книжка: от внешнего расширения личной памяти к литературному жанру и перформативному письму в русской и немецкой прозе и публицистике XX века. Ю.Е. Зайцева (СПбГУ) представила социально-психологическую концепцию 'автобиографического времени', которая позволяет оценивать и структурировать Я-нарративы людей разных поколений с точки зрения связности и механизмов самопознания. Э.Б. М. Гучинова проанализировала лексику,

грамматику и поэтику языка травмы, обращаясь к устным историям о депортации калмыков, собранных в Калмыкии в 2002–2017 гг., опубликованным эссе школьников г. Элисты по этой же теме и опубликованных рисунков бывших японских военнопленных об их опыте заключения в лагерях ГУПВИ (1945–1956 гг.). Е. Э. Носенко–Штейн (Институт востоковедения РАН) на примере нескольких автобиографий показала значение личных свидетельств для изучения инвалидности, в частности для социокультурной антропологии. Г. А. Шагоян (Институт археологии и этнографии НАН Армении) представила сравнительный анализ трех версий автобиографических повествований репрессированных армян, записанных группой антропологов в рамках исследовательского проекта о сталинских репрессиях в Армении в 2013–2016 гг. О. Б. Божков, С. Н. Игнатова (Социологический институт РАН, Санкт-Петербург) на основании материалов Биографического фонда СИ РАН показали, как меняется социальный статус семей от поколения к поколению в России на протяжении XIX–XXI вв. Е.А. Маньковская (Принстонский университет) про-

анализировала представления о городском пространстве и его функции в дневниках советских людей 1920–1940-х гг., принадлежавших к разным слоям общества.

В секции *Голоса из России XVIII века* обсуждались обстоятельства возникновения, жанровые и культурные особенности эготекстов, написанных в/из России. И.П. Кулакова (МГУ им. М.В. Ломоносова) проанализировала практики ведения путевых записок в России второй половины XVIII – начала XIX в., Ю.И. Ибраева (НИУ ВШЭ) представила личную переписку четы Меншиковых (более 400 писем, с 1700 по 1726 гг.) как семейную автобиографию и эпистолярный роман. Р.П. Биланчук (Научно-исследовательский центр “Древности”, Вологда) на материале памятной записки провинциального чиновника и выходца из среды незнатных горожан Матвея Жданова (1661–1736?) о его личной встрече 24 апреля 1720 г. с Петром I реконструировал трансформацию сознания ‘простого’ человека эпохи петровских реформ: от рачительного ‘прибыльщика’ корпоративных и казенных доходов до ‘духовного писателя’, автора труда *О единстве веры* (ОР

РНБ. Ф. I. № 857). С. В. Алпатов (МГУ им. М.В. Ломоносова) в докладе *Жизнь Ткачова: автобиография крестьянина XVIII в. и жанр научного романа XIX в.* показал на примере автобиографического рассказа Степана Ткачова, включенного конторским писателем Ф.И. Кудряшовым в рукописный развлекательный сборник пензенского помещика В. А. Инсарского *Полный статистический никдотизм или описание именем* (1850; ОР РНБ О.IV.65₁₋₂) литературные источники и приемы, определившие сюжеты и образы автобиографии. Два доклада были посвящены личным свидетельствам иностранцев о своей жизни в России. Ю.П. Зарецкий (НИУ ВШЭ) оценил степень достоверности и объективности сведений о жизни Московского университета, которые сообщает в своем жизнеописании протестантский пастор Иоган Виганд с 1783 по 1793 профессор всеобщей истории Московского университета. Е. Б. Смилянская (НИУ ВШЭ) проанализировала нарративные стратегии, к которым прибегает иностранец–неудачник на российской службе на основании неопубликованных мемуаров (автограф хранится в Принстонском университете)

контр-адмирала Джона Эльфинстона (1722–1785), который прибыл в Россию в 1769 году, чтобы возглавить отдельную российскую эскадру Первой Архипелагской экспедиции для блокады Дарданелл и Константинополя, участвовал в крупных сражениях, но в 1771 г. был отозван и получил бесславную отставку. На протяжении ста лет потомки Эльфинстона хранили 500 страничный текст и безуспешно предъявляли его российским правителям в качестве “счета по государственному долгу”, предлагая “компрометирующий российскую службу” автобиографический нарратив в обмен на денежную компенсацию. Методологические вопросы о значении эгодокументов как исторических источников с точки зрения реконструкции социальной и культурной истории XVIII века обсуждались в докладах М. Ф. Румянцевой (НИУ ВШЭ) на материале мемуаров А.Т. Болотова и Е.К. Карпенко (НИУ ВШЭ). Е.К. Карпенко показала возможности применения дискурсивного анализа к текстам личного происхождения для реконструкции представлений о социальных иерархиях, этнической и национальных идентичностей людей XVIII века. О. В. Хаванова (Ин-

ститут славяноведения РАН) на материале личных обращений чиновников на высочайшее имя в монархии Габсбургов XVIII в. (архивные документы Вены и Будапешта) рассмотрела возможности подобных источников для восстановления группового портрета чиновничества на основании анализа автобиографических и корпоративных дискурсов. Одной из магистральных тем секции *Документальность и литературность* был вопрос о том, как воспринимается и трансформируется исповедальный автобиографический прием Руссо в русской литературной традиции: доклады Г. Субботиной (Высшая школа коммерции, Париж) и А. Воробьевой (СПбГУ) были посвящены разным текстам и моделям культурной рецепции руссоистского образца в русской литературе XIX века. А.А. Кудряшова (Институт педагогики и психологии образования), обращаясь к литературному материалу русской классики XIX–XX вв., показала, что детский опыт является мотивом ‘пробуждения–рождения художника’, ‘первичным событием’ в русской автобиографической прозе. Методологический доклад о ‘металепсисе’ (Ж. Женетт) как литературном приеме был

представлен В. Д. Алташиной на материале автобиографических элементов в литературном творчестве Дидро и де Сада. С. Ю. Павлова (СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов) реконструировала исторический контекст, определивший идеал героического феминизма, в соответствии с которым выстроен автобиографический образ в ключевом эпизоде *Мемуаров* Мадемуазель де Монпансье. Тема субъекта Модерна, деконструкции языка, культурного опыта и способов самовыражения субъективности была развернута в докладах Я.П. Шолоховой (МГУ им. Ломоносова) о вербальном и визуальном измерении автобиографии В. Кандинского и Н.Г. Полтавцевой (РГГУ) на материале автобиографических сочинений Андрея Платонова. И. В. Булгутова (Бурятский государственный университет, Улан-Удэ) представила художественную автобиографию современного бурятского писателя и публициста В. Бараева *Улигер о детстве* (2014).

Секция *Жизни и судьбы в автобиографических историях* объединила доклады, представляющие личные свидетельства людей, принадлежавших к разным социальным слоям русского общества 'дол-

гого' XIX века, что позволило наметить многообразие типов и целей практик письма о себе в разных социальных контекстах. Н.А. Казарова (ЮФУ, Ростов-на-Дону) на материале автобиографического текста Ю.О. Мартова (1873–1923) проанализировала обстоятельства и процессы формирования личности революционера: А.В. Назарова (МГУ им. М.В. Ломоносова) реконструировала самоощущение и моральные дилеммы (вина и покаяние за последствия русской революции) интеллигенции Русского зарубежья, на материале мемуаров Е.Н. Чирикова (1864–1932) *На путях жизни и творчества. Отрывки воспоминаний*. И.С. Слепцова (Кызласова) (Институт этнологии и антропологии РАН) проанализировала жизненный мир и сознание русского крестьянина первой трети XX века с точки зрения соотношения индивидуализма и личных интересов в хозяйственной и интеллектуальной деятельности и стереотипов группового поведения в сфере семейных и гендерных отношений на примере дневников ярославского крестьянина П.В. Бугрова. Е. В. Чичерина (НИУ ВШЭ) описала случай серии журнальных публикаций (*Вестник Европы*) о культуре, быте и

значимых событиях в современной истории США, написанных как личные воспоминания и свидетельства предпринимателя эмигранта П.А. Дементьева-Тверского, полное издание которых вышло под названием *Очерки североамериканских соединенных штатов* (Санкт-Петербург, 1895). Т. В. Медведева (Института славяноведения РАН, Археологическая комиссия РАН) представила в качестве примера беллетризованных мемуаров записки московского дворянина и отставного дипломата Д.Н. Свербеева (1799–1874), основной задачей которых автор полагал “ознакомление читателей с русским человеком моего времени во всех его видах и со всеми его качествами”. А. В. Шарова (НИУ ВШЭ) в докладе *Неполитический дневник ‘левого’ историка А.Н. Савина (1873–1923)* показала как профессиональная задача – вести дневник (с 1908) ‘стороннего наблюдателя’ как объективный и беспристрастный источник, посвященный исключительно делам Московского университета вступает в противоречие с личным мнением автора под давлением интенсивности ‘университетского вопроса’, и как терпит неудачу попытка писать личные

свидетельства, ограничивая собственное ‘я’ профессиональными рамками. Р. Ю. Почекаев (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) проанализировал мемуары российских чиновников в Туркестане Г.П. Федорова и Н.П. Остроумова периода губернаторства К.П. фон Кауфмана (1818–1882) с целью уточнить и дополнить образ первого генерал-губернатора Туркестана, сформированный в официальной историографии.

В секции *Мир саморепрезентаций: от мемуаров XIX века до блогосферы* обсуждались возможности и стратегии конструирования собственного образа в личных свидетельствах.

Д. С. Артамонов (СГУ им. Н.Г. Чернышевского, Саратов) в докладе ‘*Бруты’ и ‘Кассии’*: люди-тексты в автобиографических сочинениях о заговоре 11 марта 1801 г. показал, как тираноборческая модель убийства Цезаря в *Сравнительных жизнеописаниях* Плутарха, используется мемуаристами, пишущими об убийстве Павла I, для осмысления события и самооправдания. Н.В. Балагуров (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) проанализировал нарративную связь между практикой каталогизирования картин личной

коллекции, доставшейся будущему императору Александру III по наследству после убийства Александра II, ведением личного дневника с целью реконструкции личностных стратегий будущего монарха.

Теме трансформаций форматов и возможностей самопрезентаций и личных свидетельств в цифровую эпоху были посвящены доклады А. Н. Боровикова (НИУ ВШЭ) *Поэтика постов юзера* <https://www.facebook.com/lisa.marantidi> и Е. Г. Немировской (МГППУ, Москва) *Блог как преемник автобиографического дневника: некоторые особенности самопрезентации*. В докладах на основании анализа сетевых личных страниц было показано как меняются в ситуации новых медиа стратегии представления себя от нарративных к перформативным и визуальным и какие исследовательские подходы могут быть применены для анализа цифровых личных свидетельств.

В рамках конференции прошла презентация волонтерского публикаторского проекта онлайн-корпуса личных дневников XIX-XX веков *Прожито* (<http://prozhito.org>)

Инициаторы проекта М. А. Мельниченко и Н. Б. Тышке-

вич (Благотворительный фонд “Протяни руку”, НИУ ВШЭ) рассказали о принципах отбора и классификации материалов, целях и задачах корпуса, а также исследовательских возможностях работы с цифровыми публикациями и электронным архивом. Вместе с тем исследовательская работа с архивом осложняется методологической трудностью: издатели отметили, что авторы или наследники имеют право в этически неоднозначных случаях закрывать доступ или ограничивать фрагменты текста для публикации, кроме того в некоторых случаях тексты дневников, подготовленных авторами или наследниками к публикации, оказываются существенно отредактированными или переписанными, с свою очередь публикаторы помещают в архив только версию, предоставленную владельцем текста. Эти обстоятельства существенно осложняют прежде всего историческую работу с архивом и требуют особых уточнений в случае привлечение того или иного дневника как исторического источника.

Завершал работу конференции круглый стол *Автобиографические исследования в России и за рубежом: Перспективы сотрудничества*, на котором об-

суждались возможности совместной работы российских и зарубежных исследователей в рамках международных лабораторий и грантовых программ российских и зарубежных научных фондов, возможности подготовки совместных публикаций. По итогам конференции готовится к публи-

кации тематический номер Международного журнала Исследований культуры (<http://www.culturalresearch.ru/ru/auth>), приглашенным редактором номера выступил О.Б. Божков.

Reviews

Donatella Di Leo

Fausto Malcovati, *Il medico, la moglie, l'amante. Come Čechov cornificava la moglie-medicina con l'amante-letteratura, Marcos y Marcos, Milano, 2015, pp. 218.*

L'interesse con cui studiosi, letterati, registi cinematografici e teatrali, semplici lettori guardano tutt'oggi all'opera di Čechov è senz'altro indice dell'universalità della creazione artistica e del carattere innovativo di molti racconti e pièce teatrali di uno dei più grandi scrittori russi a cavallo tra il secolo d'oro e l'età d'argento. L'esplicitazione di una chiara volontà di liberare la scrittura dai lacci della tradizione, per esempio, doveva evidentemente riuscire gradita alla pratica teatrale di Stanislavskij, che non a caso vede nei testi cechoviani uno strumento del tutto congeniale all'applicazione del suo metodo, basato fundamentalmente sulla "psicotecnica" esercitata dall'attore (*Il lavoro dell'attore su se stesso*, 1937) e sulle quattro fasi del lavoro sul personaggio (conoscenza, riviviscenza, personificazione, comunicazione) indicate nel 'manuale' *Il lavoro dell'attore sul personaggio* (1938). Tanto la funzione socio-cognitiva della letteratura realista, inoltre, quanto l'assenza di un apparato moralistico tradizionalmente attribuito al romanzo si dissolvono nei racconti di Čechov, che rappresentano uno spaccato di vita, frammenti di un processo *in fieri*, stile che costituisce, come è noto, uno dei più significativi elementi di innovazione della poetica cechoviana che non trova un inquadramento ideologico-letterario, ma si configura come autonoma e assolutamente originale. Se Tolstoj, sulla scia dell'esplosione dell'interesse per il pensiero nietzschiano, vede nel racconto *La signora col cagnolino* la piena espressione di Nietzsche (*Diario*, 16 gennaio 1900), Gor'kij vi scorge l'uccisione del realismo, una necessità letteraria che egli dichiara di condividere: "Ho letto la vostra *Signora*. Sapete cosa state facendo? State uccidendo il realismo. E presto lo colpirete a morte, per sempre. Che questa forma sia obsoleta è un dato di fatto. [...] Ne sono molto felice. Era ora!" (*Lettera a Čechov*, inizio di gennaio 1900). Gor'kij dovrà ridimensionare poi, in seguito all'investitura staliniana, la sua posizione nei confronti del realismo, riferendo la necessità di creare opere aderenti alla realtà del momento adottando il dogma del realismo socialista: "Viviamo in un paese felice, dove c'è qualcuno da amare e rispettare. Da noi l'amore per l'uomo de-

ve nascere, e nasce, da un senso di meraviglia di fronte alla sua energia creativa, dal rispetto reciproco delle persone verso l'infinita forza-lavoro collettiva che crea forme di vita socialista, dall'amore per il partito, che è il capo del popolo lavoratore di tutto il paese e maestro dei proletari di tutto il mondo" (*Sul realismo socialista*, 1933).

Čechov entra nel Novecento con l'etichetta del rinnovatore della tradizione, se non come un rivoluzionario della stessa: i soggetti dei suoi racconti sono quelli di sempre, i nobili, gli aristocratici, i contadini, i mercanti. L'attenzione dell'autore, tuttavia, è concentrata sull'uomo in quanto tale, sulle sue contraddizioni, sulle sue aspirazioni più recondite, senza esprimere un giudizio, ma presentando semplicemente quanto avviene nella vita e nella mente dei suoi personaggi, che sembrano viventi. Lo stesso Bunin che, da questo punto di vista, è piuttosto vicino alla concezione poetica di Čechov, nel quale trova un maestro di metodo – riprende dall'amico, in particolare, l'arte dell'affinatura –, nelle memorie presentate durante la manifestazione letteraria del 17 gennaio 1910 al Teatro d'Arte di Mosca in occasione del cinquantenario della nascita di Anton Pavlovič, afferma: "La sua compostezza proveniva da una grande nobiltà spirituale e dal suo desiderio incessante di essere accurato in ogni sua parola. Arriverà il giorno in cui si comprenderà a dovere che egli non era soltanto un artista 'incomparabile', uno straordinario maestro della parola, ma anche un ineguagliabile poeta..." (*A proposito di Čechov*, 1955). Per Averčenko, invece, l'insegnamento morale che aveva caratterizzato la grande stagione della prosa russa doveva cedere il passo all'umorismo, riconoscendo pertanto in Čechov il suo diretto predecessore in questo senso: la piana evidenza dell'argomento affrontato, nonostante il grottesco, doveva risultare sufficiente per la comprensione dell'azione rappresentata nella sua totalità.

Le molteplici sfaccettature dell'opera cechoviana, che influenzano ovviamente la configurazione della produzione letteraria successiva (non in ultimo offrendo ai prosatori novecenteschi, Černyj e Zoščenko su tutti, un punto di riferimento cui guardare) sono ben rilevate e presentate dall'autore di questo agile volume maturato dopo anni di studi sulla vita e sull'opera di Anton P. Čechov. La prospettiva sintetica adottata favorisce una chiara leggibilità da parte del fruitore anche non specialista (dalla cura con cui vengono tradotti titoli e citazioni all'immediatezza dello stile narrativo che caratterizza il racconto biografico) e imperniata sul presupposto di fornire al lettore una narrazione piacevole e scorrevole. Lo studioso impegnato nella redazione di

questo libro non solo mostra diletto nel processo di scrittura, ma assolve anche a una funzione divulgativa intesa a trasmettere la grandezza di un autore di cui, per esempio, sono rimaste in secondo piano la solerzia e l'abnegazione con cui svolse la professione di medico fino alla fine dei suoi giorni. Non si tratta in ogni caso di un libro privo di valore scientifico in senso stretto, bensì di un invito a provare piacere nella lettura di una cronaca biografica completa e generosa, nella quale persino lo specialista può trovare spunti di approfondimento e di ulteriore ricerca.

L'intenzione letteraria di Čechov e, insieme, la sua finalità spassionata e assolutamente scevra da ogni ingombro ideologico, si manifesta attraverso la rappresentazione della complessità dell'uomo con uno stile del tutto nuovo: "Essere medico lo aiuta nella scrittura – osserva Malcovati –: gli insegna che si comincia dalla diagnosi. [...] Poi viene la terapia. L'importante è che la diagnosi sia giusta. Perciò, quando scrive, comincia col raccogliere dati, raccontare fatti, documentare lo stato delle cose. Lascia parlare, ascolta, accerta le situazioni, cerca il senso delle vite che gli passano accanto, ne rispetta il fluire, ne registra gli incidenti, ne osserva le inquietudini, ne segnala le insoddisfazioni. Non interviene, non ha ricette magiche, non prospetta soluzioni salvifiche" (p. 51). Nei racconti e nei drammi Čechov raccoglie un vero e proprio compendio dello spettro di situazioni reali o possibili: in questa prospettiva egli si assume il compito di conferire una certa scientificità all'arte narrativa e all'arte scenica per garantire al lettore e allo spettatore non solo una comprensione lineare del testo o della rappresentazione, ma anche la certezza dell'adeguata competenza dell'autore nella materia trattata.

Il merito più rilevante del volume è l'esposizione chiara, invitante, diacronica delle varie fasi biografiche e creative dello scrittore russo, un uomo dedito alla vita in tutte le sue declinazioni riprodotte con minuzia attraverso i mille personaggi che popolano le sue opere. In apertura Malcovati colloca l'*Omaggio a Čechov* di Iosif Brodskij, seguito dagli 11 capitoli che scandiscono le varie fasi della biografia dell'autore finanche nelle sue esperienze più audaci, dal viaggio nella colonia penale siberiana, alla sua aperta difesa di Dreyfus, alla condanna della destituzione della nomina di Gor'kij a membro onorario dell'Accademia delle Scienze, fino al matrimonio con l'attrice Ol'ga Leonardovna Knipper interrotto dalla morte dello scrittore avvenuta a Badenweiler il 9 luglio 1904. In coda all'ultimo capitolo Malcovati riporta, sempre in traduzione italiana, una selezione di lettere che Ol'ga scrisse dopo la morte di suo marito.

Discendente di un servo della gleba, Čechov trascorre l'infanzia a Taganrog. Malcovati ricostruisce le peripezie familiari in relazione, in particolare, alla vicenda del fratello Aleksandr, anch'egli prosatore provetto, attanagliato dall'alcolismo e da un senso di subordinazione alla fama del fratello. Malcovati coglie lucidamente l'aspirazione di Čechov a un compromesso tra la sua professione di medico esercitata fino alla fine dei suoi giorni, persino quando esplode la guerra russo-turca ed egli versa in gravi condizioni a Badenweiler, e la profonda vocazione per la letteratura unita all'umorismo profuso nei racconti e nelle pièce teatrali che vedono il successo solo in collaborazione con i registi Stanislavskij e Nemirovič-Dančenko. "Ho una moglie legittima, la medicina, ripete spesso, e un'amante, la letteratura: quando sono stanco della prima, mi rifugio nella seconda, ma non ho nessuna intenzione di divorziare. Essere medico è soprattutto un servizio per il prossimo" (p. 49).

Malcovati ricostruisce poi gli sviluppi artistici di Čechov, descrive l'impianto dei suoi racconti, mostra la passione del drammaturgo per la scrittura teatrale, non immediatamente valorizzata, rileva il suo talento letterario, che D.V. Grigorovič seppe intuire e che esplode in tutta la sua grandezza nella seconda raccolta, *Racconti variopinti* (1886). Splendido esempio del realismo cechoviano, questi racconti mostrano con chiarezza la tendenza dell'autore: "[...] i personaggi, prima di descriverli, bisogna guardarli, ascoltarli" (p. 72). Malcovati ripercorre quindi la parabola teatrale del drammaturgo Čechov, dai primi insuccessi degli atti unici, spesso tratti dai racconti, alle più ampie commedie (non sono molte), ispirate a storie di vita quotidiana, talvolta con note autobiografiche, come ne *Il giardino dei ciliegi*, il suo ultimo capolavoro.

La pubblicazione del racconto *La steppa* aggiunge un ulteriore tassello alla crescita artistica di Čechov, maestro del punto di vista, che in questo racconto narra il mondo attraverso gli occhi di un bambino: "Egoruška guarda la steppa con gli occhi ingenui, candidi, nutriti di fiabe, di un ragazzino di nove anni" (p. 96). Malcovati dedica ampio spazio a questo testo che può assurgere a insegna dello stile narrativo di Čechov, uno stile aderente alla realtà fanciullesca, intessuta di fantasia e immaginazione, calata nella frammentarietà episodica di un impianto narrativo spesso denigrato dalla critica, come anche questo racconto. "La novità di Čechov, – scrive Malcovati – la sua insofferenza per la tradizione, il suo rifiuto di ogni regola del 'bello scrivere', del 'ben comporre', la voglia di scardinare le abitudini dei suoi contemporanei, di usare la penna come gli pare lasciando perdere canoni e norme, non vengono

né capite né tantomeno accettate” (p. 100). Sulla stessa linea d’onda anche il racconto lungo *Una storia noiosa*, narrato in prima persona dal prof. Nikolaj Stepanovič, colpito da una terribile malattia che non gli concederà più di sei mesi di vita. Il mondo è stravolto e tutto assume contorni alterati dal punto di vista del malato terminale. Non mancano tuttavia battute sarcastiche, come quando Nikolaj Stepanovič “si finge bacchettone e in poche righe distrugge il teatro contemporaneo” (p. 103).

Molto accattivante è anche la ricostruzione dell’esperienza siberiana di Čechov, partito nell’aprile del 1890 per l’isola di Sachalin, un viaggio documentario, potremmo dire, deciso con l’intento di raccogliere dati effettivi che gli serviranno da base per il più ampio racconto *L’isola di Sachalin* (1893-1894), forse il primo della serie della cosiddetta *lagernaja literatura*. La notizia del viaggio fu pubblicata nel gennaio 1890 sulla rivista “Novità del giorno”: un viaggio preparato con minuzia, poiché lo scrittore voleva indagare la condizione non solo obiettiva, ma anche e soprattutto psichica dei detenuti di Sachalin. Durante la sua permanenza nell’inferno siberiano egli studia e ragiona sull’utilità della pena di morte e dell’ergastolo. Sul piano pratico a Sachalin Čechov raccoglie circa ottomila schede di forzati, annotando tutte le informazioni degli abitanti dell’isola, dai condannati agli indigeni. Di fronte alla situazione che gli si presenta, Čechov, che di solito non commenta e non esprime giudizi, ammonisce: “Tra tutti i castighi usati a Sachalin quello delle verghe è il più ripugnante per la sua crudeltà. I giuristi russi che autorizzano questa punizione da tempo le avrebbero abolite se almeno una volta vi avessero assistito di persona. Io l’ho fatto. Il sorvegliante della prigione, un medico e io entriamo nella baracca. Il colpevole, il forzato Prochorov, viene spogliato e auscultato dal medico per stabilire quanti colpi può sopportare, poi legato mani e piedi a una panca. Il boia prende la frusta a tre code e la solleva. [...] Dopo novanta colpi [...] la pelle sanguina, è di colore bluastro, i denti battono, il viso è giallo, gli occhi spenti. [...] Per l’abitudine ad assistere a questi castighi si abbruttiscono e diventano sempre più crudeli non solo i condannati, ma anche i boia e coloro che sono presenti alle punizioni” (pp. 124-125). Diversi luoghi di questo resoconto di viaggio stigmatizzano in effetti non solo l’inutilità di certe pratiche ingiuste, che non costituiscono né un deterrente al reiteramento del reato, né tantomeno un valido supporto alla rieducazione morale, ma anche le colpe dei giuristi che finiscono per legittimare e lasciar perpetrare tali brutalità (una denuncia punita dalla forza della censura che riduce con pesanti tagli il testo originale).

Sul piano teatrale Čechov non riesce a superare l'ostilità di fondo rispetto alla tradizione e questa disposizione si traduce in insuccessi e critiche negative. Per questo decide di prendersi una pausa e di trasferirsi nella tenuta di Melichovo, a sud di Mosca, in un quadretto idilliaco fatto di natura e di piccole distrazioni oltre che di opere sociali a favore dei contadini (fa costruire tre scuole, cura i bambini senza compenso ecc.). Qui trascorre tre anni, dal 1892 al 1895, molto prolifici per la sua produzione letteraria: scrive, tra le altre cose, *Il gabbiano*, che vedrà due versioni e impiegherà diversi attori, tra cui Vera Komissarževskaja nei panni di Nina, ottenendo una ricezione contraddittoria, dovuta principalmente alla contravvenzione delle consuetudini teatrali e alla velata denuncia dell'immobilismo del vecchio teatro. Quando Nemirovič-Dančenko comincia a collaborare con Stanislavskij e fonda il Teatro d'Arte di Mosca, i lavori teatrali di Čechov ottengono il loro riscatto: *Il gabbiano* viene messo in scena il 17 dicembre 1898 con grande successo di pubblico.

Se la cifra stilistica più congeniale alla Weltanschauung di Čechov rimane in ogni caso, come nota Malcovati, "la vita, liberamente rispettata nella sua imprevedibilità, non piegata alle norme letterarie" (p. 158), questo dipende dal fatto che la prospettiva alla quale egli guarda è quella di una letteratura libera, scevra da ogni intento ideologico, ma ricca di una penetrante osservazione della realtà riprodotta nella finzione letteraria. Malcovati mette in evidenza anche l'evoluzione dello stile cechoviano che si affina con il tempo e che mostra costanti mai disattese nelle sue opere (l'anticonformismo, il rifiuto di norme, codici e cliché perpetrati nella letteratura e nel teatro), permettendo al lettore di riconoscere l'autenticità, l'assoluta originalità di uno scrittore difficilmente ascrivibile a un movimento o a una corrente letteraria.

La pubblicazione di questo saggio biografico, dall'esito positivo, rende omaggio non solo al grande scrittore e drammaturgo russo, ma anche alla carriera accademica del Prof. Malcovati che tanti studi ha dedicato a Čechov e ad altri protagonisti della storia letteraria e teatrale russa (da Dostoevskij a Stanislavskij, a Vjač. Ivanov, a Bulgakov), e che qui, in maniera semplice, decisa, avvincente e talvolta autoironica – come quando spiega i nomi dei pesci impiegati da Čechov nei suoi racconti (*La lotta*, e il carassio, protagonista del racconto *Amore di pesce*) – direi quasi 'alla maniera cechoviana', indubbiamente gradita a ogni tipo di fruitore, coniuga esaustivamente piacevolezza di scrittura e immediatezza dei contenuti a vantaggio di un pubblico di lettori potenzialmente vasto.

Aleksandra Zywert

Е. Шварц, Превратности судьбы. Воспоминания об эпохе из дневников писателя, АСТ, Москва 2013, сс. 512.

Mam wieki sentyment do twórczości Jewgienija Szwarca (1896-1958). Jego sztuki (nie tylko te 'andersenowskie', choć pewnie one najłatwiej zapadają w pamięć) – to prawdziwe perełki dramaturgiczne. Nowoczesne jak na owe czasy powiastki filozoficzne – mądre, przenikliwe, czasami ostre w swoim satyrycznym wydzwisku, ale przy tym pełne dobrotliwego uśmiechu i wyrozumiałości dla ludzkiej niedoskonałości. Wszystko to i jeszcze o wiele więcej sprawiło, że bez wahania oddałam się lekturze. Wiadomo, że Szwarz prowadził zapiski praktycznie przez całe swoje dorosłe życie i to codziennie. Był to swoisty rytuał, który przez lata niezmiennie był nieodłączną częścią jego życia (zarówno prywatnego, jak i zawodowego).

Proponowana przez moskiewskie wydawnictwo AST książka niestety nie obejmuje całości dzienników pisarza i choćby z tego względu jest pozycją dla czytelników, którym nieobca jest wiedza na temat pisarza. Konstrukcja dzienników początkowo jest dość spójna, by z czasem stać się coraz bardziej kalejdoskopiczną. Szwarcowski 'świat powtórzony', początkowo w miarę uporządkowany, z czasem coraz bardziej przypomina zbiór nasyconych sugestywnym, głęboko emocjonalnym komentarzem 'mimowolnych fotografii' kadrujących konkretne zdarzenia, epizody. Nawarstwiają się w nich i przenikają różne płaszczyzny czasowe uwidaczniając, tak charakterystyczne przecież dla pamięci, luki niepozwalające uporządkować wszystkich wspomnień chronologicznie. Układ ten wynika nie tylko z natury samej pamięci, ale i zamysłu samego autora – w pewnym momencie Szwarz pisze wprost, że dzienniki są dla niego swoistą formą terapii, sposobem na przewyciężenie własnej nieśmiałości, próbą przepracowania samego siebie, nie zaś praca obliczoną na sukces wydawniczy.

Pierwsze prezentowane zapiski datowane są na 1942 rok i dotyczą głównie wydarzeń bieżących (między innymi premiery nowej sztuki, pracy z reżyserem, podróży). Potem następuje przeskok do roku 1946 – znaczącego dla Szwarca (także, o czym sam pisze, z uwagi na pięćdziesiąte urodziny) – zaznaczonego w książce zaledwie kilkoma fragmentami wpisów. W tym kluczu jest zrealizowana cała książka. Dowiadujemy się z niej między innymi o dzieciństwie Szwarca, pierw-

szych, jeszcze niejasnych wspomnieniach, kontaktach z rodzicami (w tym dość skomplikowanych z ojcem), nauce czytania, pierwszych obejrzanych spektaklach. A wszystko to przeplecione opisami wydarzeń (często traumatycznych, jak wspomnienie o dramatycznej walce o przetrwanie podczas blokady Leningradu) dnia codziennego pisanymi z perspektywy już dojrzałego człowieka. Szczególne miejsce w tych zapiskach zajmuje tzw. książka telefoniczna, czyli zbiór portretów współczesnych autorowi twórców kultury (między innymi Michaiła Słonimskiego, Arkadija Rajkina, Aleksandra Prokofiewa). I tu chyba najbardziej widać naturę Szwarca – człowieka ciepłego, życzliwego, a jednocześnie wnikliwego i obiektywnego. Są to ostre, celne, wyraziste portrety, nakreślone często jedną, ale jakże wymowną i pojemną metaforą (jak choćby w przypadku postaci Akimowa, czy Pawłowa). Zapiski umieszczone w książce kończą się 30 sierpnia 1957 roku. I tu powstaje pytanie: dlaczego nie doprowadzono ich do końca, czyli do 4 stycznia 1958? Dlaczego nie dano czytelnikowi możliwości (zwłaszcza, że ostatnie umieszczone w książce wpisy są wyraźnie już naznaczone przecuciem zbliżającego się końca) pożegnania się ze Szwarcem, odprowadzenia go granicy czasu? Niestety, pod tym względem książka pozostawia spory niedosyt. Przede wszystkim z uwagi na dość niezrozumiały klucz wyboru materiału. Owszem, już w tytule zasygnalizowano selekcję, ale zapomniano (jak się wydaje) o wyjaśnieniu jej istoty. Nie wiadomo dlaczego jedne fragmenty pozostawiono, inne zaś usunięto. W tym kontekście (zwłaszcza w sytuacji braku finałowej części dzienników) odtworzenie całościowego obrazu epoki jeszcze częściowo się udaje, ale już spójnego wizerunku samego twórcy jest zadaniem prawie niemożliwym. A szkoda, bo to mimo wszystko Szwarz jest tu w centrum uwagi, to jego duch napęłnia tekst treściami naddanymi.

Евгения Белоусова
Маргарита Вяльцева

**Шамма Шахадат, Искусство жизни:
Жизнь как предмет эстетического
отношения в русской культуре XVI–XX
веков / Пер. с нем. А.И. Жеребина. – М.:
Новое литературное обозрение, 2017. –
440 с.**

Проблема жизнетворчества как превращения бытия в текст актуальна уже давно. Однако до сих пор в работах, посвященных изучению этого феномена на материале русской литературы, исследователи, как правило, ограничивались рассмотрением опыта отечественных символистов, которые декларативно утверждали искусство жизни своим кредо, породив соответствующую концепцию и воплотив ее в биографиях и произведениях. В свою очередь, распространение жизнетворчества на другие эпохи русской культуры (за исключением, пожалуй, романтизма) требовало определенной академической смелости, поскольку необходимо было искусственно переносить данное понятие на, казалось бы, чуждые ему реалии.

Шамма Шахадат, профессор славянской филологии Тюбингенского университета, экстраполирует концепцию воплощения ‘тела в текст’ на обширный культурно-исторический материал (начиная с XVI века и заканчивая авангардом XX столетия). Главный тезис автора рецензируемой книги сводится к утверждению о том, что “формирование жизни как искусства представляет собой автопоэтическую стратегию, которая проявляется в различных формах в зависимости от эпохи и эстетической программы художника” (с. 10). При этом жизнетворческий акт – это всегда попытка существования “между телом и текстом”, заключающаяся в сложных операциях “на границе словесного образа” (с. 386), а горизонт пролегает между природным и культурным слоем человеческого ‘Я’. Свою позицию исследовательница раскрывает, с одной стороны, на примере смеховых сообществ Ивана Грозного, Петра Первого, “Арзамаса”, “обезьяньего ордена” Ремизова, чинарей, театра Мейерхо-

льда, а с другой – через препарирование мистификаций и интерпретации романов с ключом.

В жанровом отношении книга представляет собой монографию, однако составляющие ее главы по смысловой целостности претендуют на статус отдельных статей. Важно отметить, что в своих разысканиях ученый выходит за рамки литературоцентричной научной парадигмы и создает междисциплинарный труд, привлекая к нему материалы других гуманитарных наук (культурологии, истории, театроведения).

Так, в культурологическом ключе Шахадат размышляет о ритуалах как моделях теургического жизнетворчества. По ее мнению, личность рождается вследствие приобщенности к тому или иному сакральному действию (с. 45). Повторяемость и перформативность делают ритуал необходимым “источником искусства жизни” (с. 45). В ходе его ‘оживает мертвая буква’, что коррелирует с литургией, когда слово становится плотью и представление о жизни получает воплощение, при этом уничтожается дистанция между исходным действием (например, актом творения) и его повторением. Художник (Шахадат, в частности, говорит о Вячеславе Иванове) напоминает участника ритуала, он ‘полагает себя в качестве объекта’, тем самым переживая возрождение.

Расширяя перспективу существования такого явления, как ‘искусство жизни’, Шахадат активно использует исторические источники. Обращаясь к внутренней политике Ивана Грозного и Петра Первого с точки зрения проблемы жизнетворчества, исследовательница останавливается на феномене смеховых сообществ. Опричнину она интерпретирует как форму народного карнавала, цель которого – утверждение власти. По словам автора, Иван IV стремился создать своего рода *tabula rasa*, учреждение нового царства, и смеховые акты, задействованные в этом, представляли собой инсценировку Страшного суда. Политика Петра Великого между тем носила реформаторский характер, поэтому и смеховые акты того периода преследовали функцию преобразования жизни, разрушения всякого порядка. Об этом говорится применительно к “Всешутейшему собору” и “Великобританскому славному монастырю”: “Насаждая чуждое под маской веселья, Петр инструментизировал праздник не только с целью демонстрации новых правил поведения, но и для того, чтобы сделать границу между законностью и беззаконием условной и тем самым проницаемой для ценностей западной культуры” (с. 145).

Значительное место в исследовании Шахадат занимает театр и драматургия. Размышляя над системой Станиславского, ученый наглядно сопоставляет особенности символистского и футуристического театров на примере драм Вячеслава Иванова, Александра Блока и Владимира Маяковского. Особая роль отводится 'театру революции': массовые спектакли и субботники того периода являют собой театрализованные представления, которые воспринимались не только как вид искусства, но и как парадигма обновляемой жизни. Массовые действия "симулировали несуществующую реальность: работа должна была стать игрой, праздник – повседневностью, так, чтобы обыденная жизнь приобрела характер светлого, радостного творчества" (с. 107). Шахадат приходит к выводу о взаимосвязи театра и фикции: "ложь получает демиургическое значение, лжец оказывается творцом лжемиров и может рассматриваться как узурпатор божественного могущества", т.е. обман становится поэтикой жизнетворчества (с. 182). Данная концепция иллюстрируется на примере скандальной постановки Всеволодом Мейерхольдом гоголевского *Ревизора* и драматической трилогии Александра Сухово-Кобылина *Картины прошедшего*.

От междисциплинарных аспектов заявленной проблемы Шахадат переходит к анализу собственно литературных явлений – художественной мистификации и романа с ключом. Основным тезисом для этой части исследования выступает утверждение о том, что жизнетворческие произведения (текст) вступают в интерактивные отношения с реальностью (жизнь): они либо симулируют действительность, либо представляют своего рода сценарий, либо выступают результатом осмысления писателем собственной биографии. Каждый из приведенных случаев подробно аргументируется.

Например, литературные мистификации Валерия Брюсова предстают в рецензируемой книге как попытка создать 'нового автора', ставящего под сомнение и подлинность сигнатуры, и сам авторский стиль, выражающий внутренний мир художника. Пристрастие писателя-символиста к театрализации собственной жизни включено в русскую традицию театрализации власти. Литературные мистификации, таким образом, объединяются со смеховыми сообществами Ивана Грозного и Петра Первого.

Другой вариант жизнетворческого текста – сценарий для реальной жизни – Шахадат анализирует на материале брюсовского *Огненного ангела* и сложных взаимоотношений между образом Ренаты и Ниной Петровской. По мнению исследовательницы, этот роман

представляет собой многоплановую проекцию, создающую интерактивное художественное пространство, “в котором реальные и фиктивные события обнаруживают бесконечную транссубстанциативность, способность к взаимозамещению” (с. 307).

Последний случай диалогических отношений текста с миром – *writing cure* (самоисцеление письмом) – ученый иллюстрирует на примере романа с ключом, в роли которого предстает *Серебряный голубь* Андрея Белого. В основе этого произведения, как известно, лежат реальные события и лица, однако текст не оказывает обратного влияния на жизнь, а “закрепляет в сознании определенный период жизни своего автора” (с. 315). Узловой точкой соматинтертекстуальных отношений повествования выступает скандал. Белый, по мысли Шахадат, не переводит, а трансформирует жизнь, превращает ее в искусство. В *Серебряном голубе* господствует символистское мышление аналогиями, цель которых – поиск завуалированной правды. Следовательно, роман ориентирован не на интерактивное взаимодействие с читателем, а на “самоисцеление автора при помощи текста” (с. 324).

Только на финальных страницах монографии речь заходит о том, что творец, искажающий самость во имя довоплощения, является одновременно “преступником и жертвой”, а манипуляции с собственным телом и разумом, предпринимаемые во имя самообладания, могут привести к катастрофическому саморазрушению, превращению Я в чудовище (с. 388), когда тело становится знаком, повреждается, деформируется. В большинстве случаев внимание Шахадат приковано к конструктивной роли перевоплощений. Даже сотворение ‘лжемиров’ осмысляется, скорее, как положительное явление. При этом научная объективность сохраняется на протяжении всего исследования. Автор шаг за шагом применяет культурно-антропологический подход, актуализирует скрытые смыслы, обнаруживает подтексты, опираясь исключительно на факты – литературные, а главное – исторические: документы эпохи и эго-документы.

В конце своего труда Шахадат упоминает работу художницы Юлии Кисиной *Великий сфинкс*, которая, как утверждает автор рецензируемой книги, воспроизводится на ее обложке. Однако в русском издании на лицевую сторону вынесен написанный Борисом Григорьевым *Портрет В.Э. Мейерхольда*. Вероятно, редакторам тома следовало специально оговорить это несоответствие. В остальном несколько запоздалый выход русского перевода (после

первой публикации на немецком языке прошло 13 лет) не отразил-ся на актуальности научных наблюдений и выводов. Оригинальная концепция ученого и собранный фактический материал, несомненно, будут востребованы всеми, кто хочет приблизиться к пониманию истинной природы 'искусства жизни'.

Ярослав Голубинов

В. В. Згура, *Дневниковые записи. 1914–1921, Минувшее, М., 2016. – 344 с.*

Свидетельств о бурной и трагичной для России эпохе 1914 — начала 1920-х гг. столько, что охватить их все, кажется, не под силу ни одному человеку. Тем ценнее голоса тех, кого сложно выделить из общего потока лиц и событий. Свидетельства детей и подростков (тех, кого можно на современный манер обозначить словом ‘тинейджеры’) обычно редко попадают в поле зрения не только обычных читателей, но и профессиональных историков. Публикации эго-документов до сего дня были довольно немногочисленны (по сравнению с валом изданных текстов, оставшихся от их взрослых современников) и требовали особых усилий по сбору и обработке. Потому уцелевшие дневниковые записи юных современников Февраля и Октября 1917 года представляют особый интерес для всех, кто хочет побольше узнать как о судьбе авторов дневников, так и о водовороте революции 1917 года и последовавшей за ней Гражданской войны.

Столетие русской революции 1917 года обусловило повышенный интерес к новым, неизвестным или хорошо забытым, источникам. В первую очередь, это касается эго-документов. В череде недавних публикаций можно увидеть воспоминания молодых и зрелых очевидцев событий, как уроженцев России (напр., Суржикова 2015), так и иностранных наблюдателей (Суржикова 2016). Одним из самых привлекательных жанров для наблюдения и изучения событий той бурной эпохи является дневник. Поденные записи, часто сделанные на скорую руку, являют нам смешение частного и общественного, важного и неважного, семейного и государственного. Особенный интерес представляют свидетельства юных современников событий, для которых крушение старого мира означало и крушение всех тех планов, что они (и их родители) вынашивали относительно своего будущего, но, одновременно, и открытие новых перспектив в связи с полным переустройством всего общества и государственного аппарата. Экстремальные условия жизни в революционное время в глазах детей и подростков обретают какую-то особенную яркость и живость, благодаря, как представляется, особой наивности (проистекающей скорее из другой, нежели у взрослых, системы приоритетов) и непосредственности впечатле-

ний, не отягощённых грузом житейского опыта и культурных ассоциаций. Кроме того, взрослое население острее переживало события 1917 г. и последующих годов. В дневниках той поры хорошо отразилась растерянность их авторов из-за распада и казавшегося бесконечным ‘пересобирания’ государства (вокруг большевиков, Комуча или ‘белых’ правительств), сопровождавшихся к тому же резкой ломкой привычного уклада жизни.

Интернет-проекты, специально посвященные 1917 году (напр., *1917. Свободная история*¹), сделали особую ставку на дневниковые свидетельства, подходящие, как никакие другие, для адаптации к современному формату социальных сетей. Сбор материала был облегчен, так как параллельно уже существуют и активно собирают доступные источники проекты, специально посвященные дневникам. В одном из них, электронном корпусе личных дневников *Прожито*², читатель под меткой “1917 год” может найти, напр., записи 11-летней Киры Аллендорф, 17-летнего Даниила Фибиха, 12-летней Елены Топаловой или 14-летнего Владимира Згуры (этот список можно продолжать еще долго).

Некоторые из имен известны, другие же появились из сумерек прошлого только благодаря родственникам или исследователям. Имя историка и искусствоведа Владимира Васильевича Згуры, в принципе, относится к первой категории. Изданные в 1920-х гг. его книги о старинных храмах и усадьбах Москвы и Подмосковья хорошо знакомы всем, кто интересуется историей столицы и ее окрестностей. А тем, кто изучает культуру и быт дворянства старой России, Згура известен как основатель “Общества изучения русской усадьбы” и автор статей и монографий по архитектуре и истории многих важных памятников усадебного зодчества XVIII — начала XX вв. Тем не менее, дневники Згуры долгое время оставались вне поля зрения не только любителей, но и профессиональных исследователей.

Публикаторы рецензируемой книги, Гарольд Давидович Злочевский и Александр Викторович Маштафаров, провели невероятно кропотливую работу. 140 страниц издания занимает тщательно выверенная публикация дневниковых записей Згуры, тогда как остальные 180 страниц вмещают подробный очерк его жизни и творчества, примечания к дневнику, список архитектур-

¹ *1917. Свободная история*. <https://project1917.ru>, 4 октября 2017.

² Электронный корпус личных дневников *Прожито*. <http://prozhito.org>, 4 октября 2017.

ных достопримечательностей, упомянутых Згурой, и, наконец, все это перемежается хорошо сделанными цветными и чёрно-белыми репродукциями рисунков автора и обложек его книг.

Творческое и научное наследство Згуры сосредоточено сейчас в двух местах: основной массив документов хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (фонд 2340), другая же часть от родственников и коллег (путь дневников подробно описан публикаторами в вступительной записке) попала в конце концов к историку Маштафарову, который вместе с исследователем истории русских усадеб Злочевским принял на себя нелегкое дело по разбору и публикации коллекции документов. Одним из главных сокровищ доставшегося Маштафарову собрания бумаг оказались дневниковые записи Згуры.

Хотя дневники охватывают значительный промежуток времени (первая запись сделана 26 августа 1914 года, а последние относятся к 1921 году), они полны пропусков, поскольку Згура, по-видимому, не стремился или не мог обращаться к дневнику регулярно. Но даже в таком виде сохранившиеся записи все равно представляют значительный интерес.

Условно можно выделить несколько сюжетов, которые прослеживаются через все записи. Первый и очень важный — это взросление. 12-летний Згура отметил 17 сентября 1915 года:

“Благословляю тот миг, когда я узнал Раю и Веру. Они дали огромный толчок моему уму, которого тогда не было. До этих пор был дураком (истинная правда). С этих пор начал всем интересоваться и вот теперь, слава Богу, вышел в люди”.

(Згура 2016: 124)

Записи последовательно отмечают, как интересы мальчика, а затем юноши, неуклонно расширяются, а его интерес к изучению прошлого приобретает вполне конкретные очертания. Однако Згуру мучают сомнения, в августе 1917 года он в отчаянии пишет:

“Меня пугает, что я так разбрасываюсь. Хочется заняться всем сразу”. (Згура 2016: 143)

Для четырнадцатилетнего юноши он действительно необычайно плодовит. Его увлекают разом исследование московских древностей (монастыри, Кремль, храмы), музыка (так, в декабре 1917 году

Згура тщательно описывает свой путь в музыке и намечает планы своего дальнейшего музыкального образования), литературное творчество (юноша набрасывает черновики то ли рассказа, то ли романа, но скоро забрасывает его; ведет рукописный журнал). Видимо, московская среда, в которой вращались его родители (отец служил на заметных должностях в частных и государственных учреждениях, а мать была выпускницей Екатерининского института благородных девиц в Москве), благотворно действовала на юношу, который до переезда семьи в столицу в 1913 году не мог в уральских городах получить столь интенсивные интеллектуальные впечатления. Родственники и друзья, конечно, задавали в общении высокую планку, которую Згуре волей-неволей приходилось брать. Способный, но чрезвычайно увлекающийся и, по-видимому, не терпящий возражений юноша одновременно привлекал к себе людей, но и отталкивал подчас своими выходками и резкостью суждений. Заглянув (случайно ли?) в дневник своей тетки Згура прочел там о себе, что у его лица “выражение далеко не умное, но отталкивающее: эта пасть до ушей, этот грубоватый смех, грубые выходки, постоянно фигурирующий ‘черт вонючий’ и т. д.” (Згура 2016: 142). Возможно, родственница была резка в своих оценках, но юноша и сам, думается, подавал для этого повод. Бескомпромиссность и юношеский максимализм действительно прорывается у Згуры, когда речь заходит, например, о гимназии:

“Преподаватели? Батюшка — дрянь. Русский — паршивый фразёр. Историк сносный, хочет быть хорошим, но скверно говорит. Математик хороший. Француз — также”. (Згура 2016: 145)

Эта резкость и, надо отметить, самостоятельность в суждениях проявилась и в оценке политического момента. Москва 1917 и 1918 годов была крайне беспокойным местом. Юноша перемежает рассказы о своих любовных увлечениях (Згура в 14–16 лет влюблялся много и страстно, что доставляло ему порой много мучений — “женщины... очень легко затрагивают воображение” [Згура 2016: 169]) короткими зарисовками с улиц и площадей первопрестольной (“подошел ближе к памятнику... громят ленинцев и большевиков” [Згура 2016: 130]). К большевикам у Згуры отношение было негативным (“негодяи, предатели! Играя на чувствах толпы, призывают к организованному захвату власти” [Згура 2016: 137]), но и

Временное правительство не внушало доверия (“теперь я не терплю эту истеричную бабу — Керенского”, — запишет юноша 28 августа 1917 года [Згура 2016: 144]) Его симпатии были на стороне Корнилова. Любопытно, что записи 1918 года и далее не содержат никаких политических высказываний.

Закончив гимназию и поступив в 1920 году в Московский археологический институт, Згура одновременно начинает активную деятельность по осмотру и описанию старинных усадеб Подмосковья. Еще в гимназии он завел множество знакомств среди краеведов и историков Москвы, собирая и щедро делясь знаниями, которые черпал во время поездок, а также архивных и библиотечных штудий. Собственно, дневник завершается очень живым и детальным описанием поездки Згуры в 1920 году в Ярославль и окрестные города. После поездки Згура уже не вел никаких дневников, ибо в начале и середине 1920-х годов начался самый активный и плодотворный период его научных изысканий: в библиографическом списке, составленном Злочевским, насчитывается около 70 текстов, больших и малых, опубликованных в это время. Еще столько же хранятся неопубликованными в архивах. Можно только пожалеть, что события этого времени, обстоятельства необычайного духовного подъема молодого исследователя московской и вообще русской старины остаются нам неизвестными.

Наверное, хорошо, что читатель оставляет Згуру в расцвете лет; ему предстоит еще множество больших дел. Ведь при чтении дневника особенную грусть испытываешь, зная наперед, что этот ершистый, знающий себе цену молодой человек погибнет в 1927 году во время поездки в Крым.

Библиография

Згура 2016: В. В. Згура, *Дневниковые записи. 1914–1921*. Минувшее, М., 2016.

Суржикова 2015: Н. В. Суржикова (ред.), *Россия 1917 года в эго-документах: Воспоминания*. Политическая энциклопедия, М., 2015.

Суржикова 2016: Н. В. Суржикова (ред.), *Россия 1917 года в эго-документах: Записки репортера*. Политическая энциклопедия, М., 2016.

Бартош Осевич

W. Popiel-Machnicki, A. Pleskaczyński, K. Pleskaczyńska, *Podróże nieodkryte: dziennik ekspedycji Bronisława Grąbczewskiego 1889–1890 jako świadectwo historii i element dziedzictwa kulturowego*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań, 2017, LXIII, [1], 595 s. + 5 map. ISBN: 9788323231912

В. Попель-Махницки, А. Плескачиньски, К. Плескачиньска, *Неоткрытые путешествия: дневник экспедиции Бронислава Громбчевского 1889–1890 как свидетельство истории и элемент культурного наследия*, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań, 2017, LXVII, [1], 601 с. + 5 карт. ISBN: 9788323231974

Имя Бронислава Громбчевского (1855–1926) – польского путешественника, этнографа и типографа, военного востоковеда в звании генерала-лейтенанта армии Российской империи – известно, между прочим, благодаря ряду научных экспедиций в Центральную Азию, совершенных им во второй половине позапрошлого века. Воспоминания о них возникли и печатались после возвращения Громбчевского в независимую Польшу в начале 20-х годов XX века. По сегодняшний день неопубликованными оставались, однако, многочисленные дневниковые записки генерала, долгие десятилетия хранившиеся в архивах Русского географического общества в Санкт-Петербурге. Именно там Громбчевский депонировал материалы, связанные со своими военно-научными путешествиями. Среди них оказалась и рукописная копия дневника экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем и Северо-Западный Тибет, совершен-

ной в 1889–1890 годы (как выяснилось благодаря анализам авторов рецензируемой публикации, оригинал рукописи Громбчевского находится в Москве, в архивах Министерства иностранных дел Российской Федерации). Необходимо подчеркнуть, что экспедиционные материалы Громбчевского представляли собой документацию, связанную с настоящим заданием, порученным путешественнику армией. Российская империя, всегда заинтересованная своим политическим влиянием в этом регионе мира, играла очень важную роль в продолжавшейся тогда т.н. “Большой игре”, в которой участвовали, между прочим, Великая Британия и Китай. Исследования Громбчевским шелкового пути имело, прежде всего, стратегическое значение. Именно по этой причине доступ к этим материалам был запрещен.

Рецензируемая двухтомная публикация представляет собой эффект трехлетних научных изысканий польской исследовательской группы, образованной в 2013 году Вавжиньцем Попель-Махницким и Констанцией Плескачиньской – учеными Факультета нефилологии Университета им. Адама Мицкевича в Познани и Университета искусств в Познани, а также Адамом Плескачиньским – исследователем Азии, выпускником Исторического факультета Университета им. Адама Мицкевича в Познани. Первая из книг содержит польский перевод дневника экспедиции 1889–1890 годов с комментарием, вторая является комментированным печатным вариантом рукописной копии текста-подлинника, списанной с рукописи Громбчевского.

Обе публикации дневниковых записей Громбчевского открывает исторический очерк Адама Плескачиньского, содержащий биографическую информацию о генерале (Popiel-Machnicki, Pleskaczyński, Pleskaczyńska, 2017: IX–XXIX). Его личность формировалась на стыке польской и русской культур. Родившийся в шляхетской семье репрессированного участника Январского восстания 1863–1864 годов, Бронислав Громбчевский, после окончания классической гимназии в Варшаве, выбрал престижный Кексгольмский лейб-гвардии полк. Увлекавшийся дальними странствиями и экзотическими путешествиями двадцатилетний молодой человек, был направлен в 14 Туркестанский Линейный батальон в Ташкенте. Таким образом, избавившись от необходимости бороться против своих польских соотечественников на территории “Российского Раздела” Речи Посполитой, Громбчевский на долгие годы связал свою судьбу с Центральной Азией. Продвигаясь по военной службе

офицера армии Российской империи, он принимал участие, а потом возглавлял многочисленные военно-исследовательские экспедиции. После захвата власти большевиками Громбчевский вернулся на свою историческую родину. Его могила находится на Повонзковском кладбище в Варшаве.

Обе книги, подготовленные междисциплинарной исследовательской группой, содержат и литературоведческий очерк Вавжиньца Попель-Махницкого, в котором дается генологическая характеристика записок экспедиции Громбчевского. Польский филолог-русист толкует их как “дневник путешествия”, обращая внимание на служебный характер экспедиции и вызванную им необходимость тщательного описания географических и топографических деталей (Popiel-Machnicki, Pleskaczyński, Pleskaczyńska, 2017: XL–XLI). При этом, ученый не упускает из виду писательский талант генерала, умение превратить повествование о фактах в захватывающий рассказ об увиденном и прожитом. Подвергая *Дневник* жанровой характеристике, Попель-Махницки находит тоже точки соприкосновения со свойственной старопольской литературе мемуарной формой, какой является *diariusz* (Popiel-Machnicki, Pleskaczyński, Pleskaczyńska, 2017: XLI). Предлагая, в свою очередь, исследовательскую стратегию для наиболее адекватного прочтения текста Громбчевского, он называет ‘постколониальную методологию’. По его мнению, именно такой аналитический ключ даст возможность ответить на многие вопросы, в том числе, в какой степени остававшийся в царской службе представитель польской нации в своих дневниковых записках 1889–1890 годов одобрял колонизаторские интересы России в Центральной Азии и отрицал имперские стремления других держав в этом регионе (Popiel-Machnicki, Pleskaczyński, Pleskaczyńska, 2017: XLII).

Состоящая из двух книг публикация, включает тоже анализ ‘неоткрытых’ фотографий, сделанных Громбчевским в течение знаменитой экспедиции и помещенных первоначально в *Альбоме видов и типов снятых Брониславом Людвиговичем Громбчевским во время путешествия в северо-западный Тибет по поручению Императорского Русского Географического Общества* (Popiel-Machnicki, Pleskaczyński, Pleskaczyńska, 2017: XLIX–LXI). Констанция Плескачиньска, описывая напечатанные в познанском издании снимки (публикуемая впервые коллекция насчитывает 129 штук), подчеркивает их дополнительную роль по отношению к печатному тексту *Дневника*. Изображенные на них люди – как участники экспеди-

ций (следует подчеркнуть, что Громбчевский увековечил не только своих спутников, но и членов встреченной случайно 'конкурентной' английской экспедиции Фрэнсиса Эдуарда Янгхазбенда), так и коренные жители навещенных генералом мест, девичья среднеазиатская природа, архитектурные объекты – все это представляет собой наглядный материал, углубляющий впечатления от авторского текста путешественника.

Основную часть обеих публикаций составляет текст *Дневника экспедиции в Дарваз, на Памиры, в Раскем и Северо-Западный Тибет, совершенной в 1889–1890 годы* (Popiel-Machnicki, Pleskaczyński, Pleskaczyńska, 2017: 3–542). Датированную дневниковую запись Громбчевского предваряют вводные замечания генерала. Их целью является синтетическое описание как подготовки к научной экспедиции, так и почти двухмесячного путешествия к месту ее начала (путь из Санкт-Петербурга в деревню Уч-Курган, через Киев, Одессу, Евпаторию, Севастополь, Керч, Батуми, Баку, Бухару, Самарканд, Ташкент и Маргелан), а также перечисление всех ее участников. Потом наступают записки, охватывающие период с 4 июня 1889 года, по 11 октября 1890 года, сделанные Громбчевским почти ежедневно в течение всей экспедиции. Они дают подробную информацию о маршруте, пройденном за 17 месяцев (его детальному анализу способствуют приложенные к обоим изданиям репродукции *Карты путешествия Б.Л. Громбчевского в Дарваз, Памиры, Джиты-Шаар, Канджут, Раскем и в северно-западный Тибет в 1885, 1888, 1889 и 1890 годах* авторства самого генерала, изданной Императорским Русским Географическим Обществом в 1895 году, а также таблицы со списком названий местностей и географических объектов, подготовленные Адамом Плескачинским [Popiel-Machnicki, Pleskaczyński, Pleskaczyńska, 2017: 569–589]). Рукописные страницы содержат и метеорологические данные, являющиеся бесценными как в научном, так и в военном планах. В последнем контексте существенную роль играет подробный анализ политической ситуации, сделанный заведующим экспедицией на территориях Центральной Азии. Записки Громбчевского, несмотря на отдельные недостатки, среди которых можно назвать излишнюю упрощенность и поверхностность, имеют тоже страноведческую и культурологическую ценность. Автор *Дневника* позаботился и об описании внешнего вида, нравов и обычаев встреченных им людей ("Местное население очень музыкально. Песни поются почти всеми. Вечером я пригласил к себе нескольких му-

зыканти. Особенно благоприятное впечатление произвел благообразный старик, игравший на большом инструменте, составлявшем грубое подобие цитры”. [Попель-Махницки, Плескачиньски, Плескачиньска, 2017: 384]; “Самая обширная – долина р. Гусоса, где живет до 80 семейств горцев [...]. Население всех этих долин занимается преимущественно овцеводством, хотя земледелие тоже составляет значительное подспорье в местном хозяйстве. [...] Одежда горцев та же, что и в других местностях: на ногах лапти из невыделанной бараньей или другой кожи, вместо портянок высокие чулки из войлока, на голове меховая шапка, на теле матовая рубашка и штаны, сверху матовый халат, а чаще халат, сшитый из войлока. [...] Горцы – мусульмане-сунниты, ревностно придерживаются обрядовой стороны религии, не понимая и не вникая в смысл. Грамотных очень мало, почти нет. [...] Женятся рано, разводятся редко и еще реже имеют сразу больше одной жены, что следует приписать исключительно бедности”. [Попель-Махницки, Плескачиньски, Плескачиньска, 2017: 496; 505]; “Ревность среди киргиз проявляется очень редко и ограничивается более или менее жестокими побоями жен”. [Попель-Махницки, Плескачиньски, Плескачиньска, 2017: 224]). Оставаясь преданным императору Александру III храбрым офицером, Громбчевский в своих записках отводит значительное место сугубо личному, индивидуальному, интимному. Не замалчивает при этом информацию о состоянии собственного здоровья, подорванного сложностями пути и жестким высокогорным климатом (“Переход до зим. Дувана. Я сильно заболел в дороге и не мог доехать до станции”. [Попель-Махницки, Плескачиньски, Плескачиньска, 2017: 116]; “Ночью заболел сильнейшими приступами лихорадки, сопровождавшимся кровотечением из носу”. [Попель-Махницки, Плескачиньски, Плескачиньска, 2017: 216]; “Опять целый день преследовал нас жестокий ветер. Губы и лицо трескаются, а в глазах – начало гнойного воспаления”. [Попель-Махницки, Плескачиньски, Плескачиньска, 2017: 410]; “Все эти дни промучила меня жестокая influenza. Трудно передать те страдания, которые пришлось перенести в течение долгих трех суток. Каждый сустав, каждая косточка казалось вывернутою с места”. [Попель-Махницки, Плескачиньски, Плескачиньска, 2017: 453]). Автор дневниковых записок многократно с наслаждением делится тоже своей страстью к охоте, страстью, которой не был в состоянии уничтожить даже тяжелый недуг (“Между тем понос истощает меня и причиняет жестокие страдания при езде верхом. Что-то будет

дальше?! // Сегодня убил 3-х рябчиков и молодого сурка, раздробив ему голову дробинками. Пулею, даже разрывною, убить трудно, если он сидит над ямой. Надо попасть в сердце или в голову, иначе с самой тяжелой раной уходит в норы и там умирает”. [Попель-Махницки, Плескачиньски, Плескачиньска, 2017: 117]; “Здесь мы нашли два стада куропаток ‘кеклик’; я убил 4 штуки”. [Попель-Махницки, Плескачиньски, Плескачиньска, 2017: 244]; “Я убил лису, но собака немного попортила шкуру, прежде чем мы успели отнять убитую”. [Попель-Махницки, Плескачиньски, Плескачиньска, 2017: 275]). Вышеприведенные обширные цитаты доказывают, что Громбчевский, выполняя порученное задание, собирая разведывательную информацию, сумел придать дневнику сугубо личный характер. В нем, несомненно, отражаются и писательские способности генерала, и умение сохранить генологические черты автобиографических жанров.

Наконец следует обратить внимание на небольшой тираж книги (польская языковая версия насчитывает 150, а русская 50 экземпляров) и ее шикарное, высококачественное оформление (твердый переплет, покровный материал обложки). Все это свидетельствует о том, что изданные в Познани записки военного путешественника адресованы не массовому читателю, а отдельным специалистам по разным областям знаний – географам, историкам, политологам, а также филологам, изучающим авто/биографические жанры.

Джованни Савино

**Б.И. Колоницкий, 'Товарищ Керенский':
Антимонархическая революция и
формирование культа 'вождя народа'
(март-июнь 1917 года), Новое
литературное обозрение, М., 2017, 530 с.**

Столетие Русской революции – событие не только значительное в плане памяти и реконструкции прошлого, или для сегодняшнего мира, но и в плане личностей главных героев тех дней, которые потрясли мир. Разговоры о “роли личности в истории” (как писал Георгий Плеханов в своем очерке 1898 года) всегда вызывали споры. Но исследуя события такого коллективного действия, как революция, нельзя игнорировать личности руководителей разных политических организаций того времени.

Александр Керенский, несомненно, является одним из главных акторов 1917 года. *Первая любовь революции*, как называется самая полноценная его биография, играла немалую роль весной и летом 1917 года, когда он был министром, а затем председателем Временного правительства. “Борец за свободу”, “Бонапарт” – такие образы служили для описания лидера трудовой партии, энергичного представителя оппозиции царскому режиму в Государственной думе. “Связывающий элемент демократии и правительства” Керенский (цит. по: Колоницкий, 2017: 124), в течении несколько месяцев стал ‘героем’, ‘вождем’, переходя из революционной риторики в более милитаристской во время наступления российской армии летом 1917 года.

Именно такие образы главного действующего лица Временного Правительства находятся в центре исследования Бориса Колоницкого в работе *‘Товарищ Керенский’: Антимонархическая революция и формирование культа ‘вождя народа’ (март-июнь 1917 года)*. Книга представляет собой самое последнее (на сегодняшний день) слово в широком исследовании профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге, одного из самых известных историков русской революции о роли и деятельности Керенского, и предлагает очень подробный и скрупулезный анализ разных видов источников и документов для реконструкции ‘культа личности’. Как замечает автор во введении, “эта книга – не о политическом лиде-

ре, а о его культе” (Колоницкий, 2017: 15), и такой подход действительно открывает новые возможности для изучения роли Керенского в период весны и лета 1917 года.

Тезис, который продвигает Колоницкий, очень важен для генеалогии ‘культы личности’ в российской политической традиции XX века. Как пишет сам автор, “для исследования феномена власти в условиях революций следует всесторонне изучать авторитет лидеров, вождей, обладателей харизмы, которые подтверждают его своими особенными действиями – сбывающимися пророчествами, героическими поступками, необычайными успехами” (Колоницкий, 2017: 13).

Такой подход, имеющий свои теоретические предпосылки в известных формулировках Макса Вебера, может более подробно и глубоко исследовать корни ‘культы личности’, найдя целую генеалогию этих процессов.

Что сразу очень убедительно Колоницкий показывает в первой главе, *Революционная биография и политический авторитет* – это внимание к пропаганде и формированию положительного образа уже в первые дни победившей Февральской революции, которое уделял сам Александр Керенский, ставший министром юстиции.

Образование информационных ведомственных структур в Министерстве юстиции было инициативой самого Керенского, который повторил это когда стал военным министром. Издание специальной брошюры Центрального комитета Трудовой группы, фракции Керенского в Государственной думе, стало одной из первых публикаций, которая сформировала образ нового министра юстиции. Досье и секретные документы Охранного отделения, которые содержали информацию политических оппонентов самодержавия, были использованы для составления брошюр и сборников; одновременно, появились и биографические скетчи. “В 1917 году жизнь вождей стала предметом интереса публики и описаний биографов – объясняет Колоницкий – но ни один деятель Февраля не удостоился такого количества популярных жизнеописаний, как Керенский” (Колоницкий, 2017: 33).

Причиной такого феноменального интереса общественности к личности бывшего депутата была политическая воля тех сил, которые поддерживали министра, и их финансовые ресурсы, которые инвестировались в прославление Керенского. Но были и искренние сторонники курса министра, соратники из Трудовой партии и не только. Например, Василий Васильевич Кирьяков, вид-

ный общественный деятель, и старый знакомый Керенского, был его первым биографом. Интересно как Кирьяков представляет личность его соратника: “первый гражданин свободной России, первый народный трибун-социалист, первый народный министр юстиции, министр правды и справедливости” (цит. по: Колоницкий, 2017: 34). Именно такой энтузиазм, такие громкие выражения в адрес ‘сына’ *Великой Русской Революции* (название другого брошюра), дают несколько элементов для размышлений об истоках ‘культы личности’ в XX веке.

Интересно заметить, что стиль жизнеописания разных биографов похож на более поздние советские агиографические публикации о коммунистических лидерах: напр., подчеркивались школьные успехи и одаренность юного Керенского как черты его будущей судьбы.

Аспекты биографии министра, которые выходили за рамки конструирования образа ‘борца за свободу’, были исключены из ряда текстов. Личность отца Керенского, чиновника высокого уровня, главного инспектора училищ Туркестанского края Федора Керенского, часто умалчивалась в биографиях, потому что такое родство (и семейные связи в бюрократии в столице и на окраине) противоречили портрету бескомпромиссного и страстного революционера. ‘Народный трибун’ Керенский был и объектом и субъектом построения культа, используя и популярность, которую тогдашний депутат Думы приобрел в годы войны. Позиция будущего министра в годы Первой мировой войны имела много нюансов: Керенский был против правительства но поддержал войну; речи депутата свидетельствовали о колебании между антивоенной пропагандой и дефенсизмом. Ленин называл Керенского “революционным дефенсистом”.

Именно такая бурная активность Керенского до Февраля была причиной его популярности – как юриста, защитника большевистских депутатов, которые голосовали против военных кредитов (и до войны, Керенский внес большой вклад в расследование самых громких судебных дел того времени, дело Бейлиса и событий на Ленских золотых приисках); как антиправительственный деятель – он и боролся против старого режима. Интересы Керенского выходили даже за рамки социального и военного вопроса; считая себе “туркестанцем”, тогдашний депутат отправился вместе с делегацией мусульманских представителей в тот регион в 1916 году, во время восстания. Такое событие для мусульманских политических ор-

ганизаций было весьма важным, они направили Керенскому послание, в котором похвалили министра (Колоницкий, 2017: 78). Как правильно отмечает Колоницкий, сложно думать о роли Керенского в революционных событиях без его депутатского опыта, который сделал из молодого и талантливое юриста одно из главных действующих лиц антиправительственной оппозиции и героев революции.

Так как 'культ личности' Керенского стал центральным в период сразу после Февральской революции, роль министра была важна в попытке создать мост между либеральными и умеренно-социалистическими деятелями. "Великий примиритель", как он очень глубоко характеризуется в начале второй главы, столкнулся с реалиями двоевластия и пытался использовать общественное мнение, уделяя много внимания прессе и публичным выступлениям. Противники Керенского, напр., Ленин, использовали и историческую аналогию. Лидер большевиков назвал министра "Луи Блан", имея в виду французского социалиста-утописта 1848 года, известного всем марксистам своими негативными оценками Карла Маркса в *Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.* Луи Блан, в такой интерпретации, имитирует деятельность бесстрашного революционера, но распространяет "мелкобуржуазные иллюзии" о возможностях примирений с буржуазией. После Луи Блана, был "Наполеон": такой образ Керенского не только принадлежит советской политике памяти, как показывают поэма *Хорошо* Владимира Маяковского и фильм *Октябрь* Сергея Эйзенштейна, но и в мемуарах белых эмигрантов, таких, как как генерал Петр Краснов и генерал Борис Геруа. 'Железная дисциплина' в армии, поездки Керенского на фронт, желание многих генералов покончить с революционной агитацией, способствовали выстраиванию такого образа. Лев Троцкий, в своих статьях и речах, назвал министра "математической точкой русского бонапартизма". Можно добавить, что дискуссию о бонапартизме в работах Троцкого можно найти спустя почти 20 лет, во время изгнания из Советского Союза.

В конце четвертой главы Колоницкий, очень подробно рассматривает, как именно Керенский и его культ внесли немалый вклад в создание "протосоветской" политической культуры, и предполагает, что создатели культов вождей большевизма (Ленин, Троцкий, Сталин, и не только) активно использовали те наработки и те об-

разы, которые были придуманы сторонникам министра Временного правительства (Колоницкий, 2017: 482).

В заключении Колоницкий цитирует статью известного философа, одного из руководителей большевиков, Александра Богданова, *Что же мы свергли?*, опубликованную в газете “Новая жизнь” в мае 1917 года.

Интерес этой статьи, как подчеркивает Колоницкий, в том, что Богданов обсуждает тенденцию “диктатуры лидеров” в российских партиях разных течений, то, какие исторические корни есть в этих процессах, приводя пример культа Георгия Плеханова, “отца русского марксизма”. Интуиция и идеи Богданова очень интересны для исследования истории политической мысли и с точки зрения влияния взглядов философа на других деятелей коммунистического движения¹, но именно та цитата, в которой Богданов говорит, что “большинству наших социалистов по имени и программе надо еще стать хотя бы демократами по методам мышления. [...] Культурная революция необходима” (цит. по: Колоницкий, 2017: 484) говорит о глубоких корнях авторитарности в российской политической истории.

Книга Колоницкого – очень важна не только для тех, кто исследует “Великую российскую революцию”, но имеет особенное значение в плане историографической дискуссии о ‘культе личности’ как социокультурном феномене. Подход петербургского историка очень ценен и для других исследований о культе вождя в других исторических и культурных контекстах в разных странах (напр., Эмилио Джентиле частично пробовал использовать некоторые элементы в исследовании культа Муссолини², но нам кажется что работа Колоницкого более глубока и внимательна), и для вопроса о персонификации политики, который в сегодняшнем мировом контексте занимает огромное пространство.

¹ Автор этой рецензии исследует влияния Богданова на мировоззрение и теории Антонио Грамши.

² См. E. Gentile, *Il culto del littorio. La sacralizzazione della politica nell'Italia fascista*. Roma-Bari: Laterza, 1993.

Сергей Халтурин

Д. Томэ, У. Шмид, В. Кауфманн
Вторжение жизни. Теория как тайная автобиография / пер. с нем. М. Маяцкого; НИУ ВШЭ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 336 с. – (Исследования культуры).

Дитер Томэ, Ульрих Шмид и Венсан Кауфманн – профессора Санкт-Галленского Университета (Швейцария), объединившиеся для совместной работы над проблемой взаимоотношения между *жизнью и теорией*. Авторы книги – специалисты в разных областях гуманитарного знания: Д. Томэ – философ, научные интересы которого ограничиваются сферами социальной, культурной, политической философии, этики; У. Шмид – славист, интересующийся проблемами, связанными с национальным самосознанием в странах Восточной Европы, с взаимоотношением медиа и политики в России; В. Кауфманн – историк и теоретик медиа и интермедиальности, специалист по французской литературе и культуре. Несмотря на то, что все трое задействованы в различных научных дисциплинах и трудятся на разных факультетах, прежде они уже обращались в своих трудах к вопросам биографии и автобиографии. Более того, рецензируемая книга – не первая совместная работа исследователей в этом направлении.

Ученые задаются вопросом, “как теория и автобиография поясняют друг друга – как отражаются в автобиографии основные теоретические воззрения, и наоборот?” (с. 8). Иными словами, как сосуществуют жизненное и теоретическое, противостоя друг другу, но не уничтожаясь в противостоянии? Ответ предлагается на материале биографий двадцати пяти теоретиков XX века. При этом во *Введении* подчеркивается, что при рассмотрении обозначенной проблемы отвергаются расхожие идеи о том, что автор может подгонять свою жизнь под собственные теоретические построения или же его теория сводится к автобиографической проекции.

Спектр рассматриваемых имен характеризуется широким хронологическим и географическим охватом: от начавшего свой путь в XIX столетии француза Поля Валери до ныне здравствующей 'китаянки

из Болгарии' Юлии Кристевой. И хотя "за каждую отдельную главу [...] коллективно отвечают все три автора" (с. 17), особый вклад в статьи о Дьерде Лукаче, Викторе Шкловском, Михаиле Бахтине, Юрии Лотмане и Юлии Кристевой внес У. Шмид; над статьями о Поле Валери, Андре Бретоне, Жорже Батае, Морисе Бланшо, Клоде Леви-Строссе, Жаке Деррида и Ги Деборе потрудился в основном В. Кауфманн. Кроме восточноевропейских и французских мыслителей, в книге рассмотрены случаи немцев Людвиг Витгенштейна, Зигфрида Кракауэра, Вальтера Беньямина, Теодора Адорно и американцев Ханны Арендт, Стэнли Кэвела, Сьюзен Зонтаг, проработанные по преимуществу Д. Томэ.

Все 'герои' – "теоретики, определившие собой духовный пейзаж XX века и вместе с тем продвинувшие теорию и/или практику (авто)биографии" (с. 16). У одних связь теории и биографии менее очевидна, у других – более заметна, но каждый оказывается по своему интересен в общем контексте этого сборника эссе. Напомним, что прошедшее столетие в гуманитарной сфере (и философии в частности) ознаменовано тем, что до его начала теоретики, как правило, абстрагировались от своего 'я' в научных построениях, однако с наступлением новой эпохи отношения между теорией и автобиографией изменились. Таким образом, изданная книга – это еще и попытка обобщить интеллектуальную историю XX века под междисциплинарным ракурсом отдельно взятой проблемы.

Многие эссе связаны между собой внутритекстовыми отсылками (кросс-референциями). Так, заключительная глава, посвященная Наде Петефски, содержит повествование и о ее конфликте с Бартом и Деррида, и о ее ученичестве у Лукача, и о случившемся в московском доме престарелых свидании с Бахтиным. В расположенных подряд главах о Бретоне, Батае и Лейрисе три персонажа показаны через отношение друг к другу: в первых же строках о Батае он назван "ближайшим врагом сюрреализма", который при этом "практически ровесник Андре Бретона" (с. 117), а глава о Лейрисе начинается с того, что тот определяется как "в юности сюрреалист, затем друг Жоржа Батая" (с. 129). Проводимое сравнение очевидно, и далее в статье оно углубляется, являясь одним из главных конструирующих ее средств.

В главах о Бретоне и Батае отношение рассматриваемых мыслителей подчеркивается на уровне заглавий: *Стеклянная кровать* первого и *Грязная постель* второго как эмблемы противоположных и даже враждебных взглядов на отражение автобиографии в теоре-

тических и художественных построениях. Связь также усматривается между заглавиями эссе о Бахтине (*Не-я во мне*) и Петефски (*Я – это не только другой*), что подтверждается близостью двух авторов.

Вообще говоря, названия статей в рецензируемой книге позволяют судить об их содержании: представляют личность ‘героя’ (Виктор Шкловский (1893–1984): *Высаженный матрос*, Ханна Арендт (1906–1975): *Девушка с чужбины*, Юрий Лотман (1922–1993): *Аристократ в стране Советов*, Пьер Бурдьё (1930–2002): *Еретичный карьерист*) или анонсируют его теоретические воззрения (Поль Валери (1871–1945): *Я создаю свою теорию*, Морис Бланшо (1907–2003): *Есмь литература*, Клод Леви-Стросс (1908–2009): *Как становятся структуралистами?*). Однако все эти номинации довольно образные, и понять их адекватно возможно только после прочтения эссе. Кроме того, встречаются и провокационные названия, ключ к которым дается неожиданно и связан с каким-либо биографическим фактом или личным художественным образом того, о ком идет речь. Это прежде всего относится к главам, над которыми работал в основном Д. Томэ: Людвиг Витгенштейн (1889–1951): *Кристалл и хаос*, Зигфрид Кракауэр (1889–1966): *Человек как дыра*, Вальтер Беньямин (1892–1940): *Горячий и холодный рассказчик*, Теодор Адорно (1903–1969): *Рукопожатие свиньи*, Сьюзен Зонтаг (1933–2004): *Письмо и оргазм*.

Принцип расположения эссе хронологический, по дате рождения персонажей. Рядом оказываются ровесники, зачастую связанные между собой, вследствие чего сборник приобретает большую целостность. Внутритекстовые отсылки, о которых уже говорилось, выполняют ту же конституирующую функцию, ‘склеивая’ всю книгу, центральная проблема которой представлена во множестве частных проявлений: взаимоотношения личного и общественного, случайного и необходимого, тождественности изображаемого и изображения. С биографическим пластом связываются представления о чем-то приватном, но неупорядоченном, хаотичном, текущем и изменяющемся; теория представляется как нечто публичное, обращенное к читателю, и вместе с тем структурированное, логичное, завершенное. Во взаимодействии этих противоположных областей и завязываются проблемные узлы.

Тайна частной жизни может ревностно оберегаться теоретиком или добровольно им разглашаться, при этом случается, что приватность нарушается в нарративе автора, либо, напротив, автобио-

графическое высказывание настолько искажает реальное переживание, что разглашение тайны оказывается невозможным.

Причины скрывать собственное 'я' или говорить о нем могут быть разные: чувство стыда при разговоре на автобиографические темы (например, отцу-основателю сюрреализма Андре Бретону в укор ставилось избегание низких тем при подчеркнута откровенном рассказе о себе); стремление замолчать определенные факты (как в случае с Бахтиным, утаивавшим свое неакадемическое прошлое, или Шкловским, вынужденным прибегать к иносказанию относительно былых политических симпатий); наконец, приверженность теоретическим установкам (так, автобиографический нарратив Нади Петефски вдохновлялся противостоянием концепции Барта о смерти автора: "Разве я мертва, когда я пишу: 'я люблю тебя'?" (с. 325)). Между тем не всегда можно контролировать конфиденциальность информации, и желание передать или скрыть ее порой встречает с различных сторон препятствия, которые тоже подлежат специальному осмыслению в рамках автобиографической проблематики.

Вопрос о самовыражении автора как в автобиографическом, так и в теоретическом тексте соотносится с более общим разговором о тождественности изображаемого и изображения. Возможно ли адекватно выразить жизнь через текст? Насколько полным бывает понимание читающего и пишущего? В рецензируемой книге представлены разные стратегии писательства и жизни.

В ряде случаев теория и автобиография поясняют друг друга, взаимотражаясь, что обусловлено тяготением мыслителя к ясности, к устранению всего случайного, к подчинению необязательного строгой закономерности, к претворению хаоса жизни в космос текста. Такой подход, в частности, встречаем у Лукача, стремившегося к построению логичной биографии, или Бретона, убежденного в возможности исповедального и честного повествования о себе.

Воззрения, согласно которым автобиографии отказывается в возможности репрезентации жизни, приводят к расхождению самого переживания и рассказа о нем, вследствие чего авторское 'я' вытесняется из биографического или теоретического нарратива, либо подменяется маской, либо предмет автобиографического рассказа освобождается от теоретизирования. Примерами служат Витгенштейн, разделявший личный дневник на две части: теоретическую и тайнописную автобиографическую, а также Батай,

изображавший собственную жизнь во всей неприглядности, Шкловский и Валери, настаивавшие на “искусственности жизни” (с. 90).

Материал книги излагается в эссеистичной форме. Главы имеют свободную композицию. Столь же вольное обращение авторов с языком. В тексте встречаются такие окказионализмы, как “недо-теоретический” и “недоавтобиографический”, “безъязность”, “говор говорит”, “язык язычит” и др. С одной стороны, это позволяет более образно представить понятия, соответствия которым нет в русском, но с другой – делает их точный смысл трудноуловимым даже в контексте главы. Чтение также затрудняет активное использование иноязычных цитат и терминов без перевода. В ряде случаев они являют собой игру слов на языке-оригинале (английском, французском, немецком), поэтому адекватный перевод вряд ли возможен, и здесь достаточно приводимого переводчиком пояснения. Однако некоторые термины (*self-tracking*, *spiritus rector*, *das Leben*, *das Leben* и др.) остаются без каких-либо комментариев, что, конечно же, служит свидетельством высоких требований, предъявляемых читателю книги, которая доставит удовольствие не только специалистам, но и всем, кто интересуется интеллектуальной культурой XX века.

Giulia De Florio

**Fedor Il'ič Dan, *Two Years of Wandering. A Menshevik leader in Lenin's Russia*, translated and edited, with an introduction, by Francis King
Lawrence & Wishart, London, 2016 (236 pp.)**

“Dan è una delle maggiori figure della rivoluzione russa, uno degli esponenti più insigni del movimento operaio russo e degli avvenimenti del 1917”: così la figura di Fedor Il'ič Gurvič (1871-1947) – ‘Dan’ a partire dal 1901 – viene immortalata da un altro personaggio di rilievo della Rivoluzione, il “battitore libero e marxista irregolare” (secondo una felice definizione di Guido Carpi) Nikolaj Suchanov.

Di formazione medico, uomo brusco e dai modi sbrigativi, Dan si distingue per l'abilità pratica e organizzativa che mette al servizio della lotta di classe fin dagli esordi nell'arena politica, diventando un rappresentante di spicco del socialismo della Seconda Internazionale nonché fondatore del menscevismo insieme a Julij Martov.

La sua vita avventurosa comincia ben prima del 1917, con un esilio di tre anni ad Orel, dal 1896 al 1899, e poi nella Siberia orientale da cui riesce a fuggire, riparando all'estero e trascorrendo molto tempo tra Berlino e Parigi prima di fare ritorno in Russia; lì, allo scoppio della guerra, viene quasi subito arrestato e condannato a un secondo esilio siberiano da cui fa ritorno nel marzo del 1917, al momento della caduta della dinastia Romanov.

Gli arresti e le espulsioni non finiscono qui: nel maggio del 1919 Dan è mandato nella famigerata prigione Butyrka, poi viene allontanato a Ekaterinburg per due mesi e mezzo dove conosce, tra gli altri, Suchanov. Infine riesce a tornare a Mosca e il 1 febbraio 1921 ripara a Pietrogrado. Qui viene arrestato a marzo e rinchiuso nella prigione di custodia preventiva dove nel 1906 era andato a visitare Trockij, quando i due erano ancora ‘dalla stessa parte’. Nei giorni della rivolta di Kronštadt viene imprigionato nella Fortezza di Pietro e Paolo. Il 1 aprile viene spostato nuovamente nella prigione di custodia preventiva e, dopo una brevissima parentesi a Mosca – nei giorni del Terzo Congresso dell'Internazionale comunista –, viene riportato a Butyrka dove rimane per altri sei mesi. Alla fine del novembre 1922 per la prima volta i bol-

scevichi, ormai saldamente alla guida del Paese, sfruttano l'esilio amministrativo su scala di massa come arma contro i socialisti; ai primi di gennaio del 1923 il Presidium della Čeka approva l'esilio di un anno per tutti i menscevichi e di due anni per i membri del Comitato centrale. Dan viene liberato l'11 gennaio. La Mosca della NEP che si trova davanti lo stordisce: "I only managed to have a brief look at 'New Economic Policy' Moscow. But what I saw left me with the most depressing impression: not one iota of economic progress, and rapidly developing moral and political disintegration" [Dan 2017, p. 186]. Non ha però tempo di riflettere su quanto gli si presenta innanzi; nella notte tra il 26 e il 27 gennaio, a bordo di un treno diretto verso il confine lettone, Dan lascia per sempre l'appena proclamata Unione Sovietica

Dva goda skitanija si presenta come una testimonianza singolare, una sorta di resoconto in presa diretta a partire dal maggio 1920, più che uno sguardo – mediato o meditato – sui fatti rivoluzionari e le loro immediate conseguenze. Ed è proprio questa immediatezza a dare valore al libro; come nota Francis King, traduttore e curatore del volume, "it has not been censored or reordered with the wisdom of hindsight, nor is it a considered work of history in which events and impressions have been selected and reworked in order to demonstrate a thesis. It is one man's fresh account of his experiences, impressions and observations. It presents a vivid picture of life in the red heartland of Soviet Russia during the civil war" [Dan 2017, p. 36].

Attraverso la lente autobiografica, Dan ripercorre i momenti salienti del 1917-1921 – dalla rivoluzione di febbraio alla fine della guerra civile – mettendo in luce alcuni peculiari rapporti di forza tra menscevichi e bolscevichi e riuscendo così a mostrare una realtà ben più frastagliata all'interno del blocco che appoggiava Lenin.

Le memorie di Dan offrono un'analisi dall'interno di alcuni elementi che hanno caratterizzato la lotta per il potere all'indomani della caduta del regime zarista: vi si leggono lucide osservazioni circa l'Armata rossa – composta in prevalenza da contadini e perciò, dal suo punto di vista, sostanzialmente aliena all'ideologia bolscevica – ragionamenti sulla particolare concezione bolscevica di giustizia e un sincero elogio per l'impareggiabile talento di Lenin nel tenere coeso un partito che, a uno sguardo attento, mostra al suo interno dissapori e fratture.

Emerge con forza la 'questione del potere' entro la quale Dan mantiene da sempre la ferma convinzione – in contrasto con i bolscevichi – che i soviet debbano essere parte della repubblica parlamentare, ma non possano sostituire l'intero apparato statale russo.

Dalla sua voce perentoria si staglia la complessità dei movimenti politici a confronto con la guerra mondiale; il partito menscevico si divide, attestandosi su posizioni molto diverse – dalla destra ‘difensista’ di Potresov ai zimmerwaldiani siberiani capeggiati da Iraklij Cereteli (a fianco del quale figura lo stesso Dan) che nel 1917 optano per il cosiddetto ‘difensismo rivoluzionario’.

Una parte significativa delle memorie è dedicata alla prigionia in tutti i suoi aspetti, con un particolare interesse, quasi scientifico, per la dimensione sociale e psicologica che la connota: Dan rileva che già a partire da quegli anni la prigionia è diventata per i russi una parte *normale* della vita del paese – un luogo da cui virtualmente tutti, prima o poi, sono destinati a passare, chi come recluso, chi in visita a qualche familiare o caro; le sue parole, a quasi cento anni di distanza, risuonano come una sorta di nera profezia di ciò che avrebbero conosciuto i cittadini sovietici in epoca staliniana: “The prison administration and the prisoners themselves had developed a strange sort of indifference to the prison, as almost a kind of inevitable and normal stage in everyday life through which everyone must pass. ‘You can’t say no to prison or poverty’ – in Soviet Russia that old Russian saying fitted the general attitude better than ever before. The mysteries of prison had ceased to terrify people. Over the last few years, virtually everybody had been there – if not as an inmate, then as a relative visiting and bringing parcels” [Dan 2017, p. 132].

Accanto a queste riflessioni aperte e dettate dal momento contingente serpeggia tra le memorie del rivoluzionario una sorta di amarezza nei confronti del nascente Stato sovietico per il rapporto mal gestito con la parte menscevica, per aver reso l’ambiguità la cifra che contraddistingue l’atteggiamento dei bolscevichi rispetto ai loro ex compagni di lotta politica: “At the same time as Bolshevik journalists were depicting them as the worst kind of perfidious counterrevolutionaries, others from the ruling party were seeking their collaboration in running the state apparatus” [Dan 2017, p. 27].

Quando Dan è costretto ad abbandonare la Russia la funzionaria della Čeka predisposta alla sua pratica lo assicura che pur nel rispetto delle direttive imposte avrebbe cercato di rendere la partenza il meno dolorosa possibile. “Do you imagine that we can just forget that we used to be in the same party as the Mensheviks and used to work together?” [Dan 2017, p. 187]. Ciò che più colpisce Dan è che, benché la realtà avesse ampiamente negato questa comunanza di fondo, la rassicurazione della compagna Andreeva, ligia collaboratrice della polizia segreta, lau-

reata in legge e medicina, le sembra sincera: “But this was presumably one of those far from rare cases of dual sincerity – the hysterical ability to be equally sincere about two diametrically opposite and even mutually exclusive feelings and actions” [Dan 2017, p. 187]. Una dicotomia destinata a evolversi e a lasciare un solco profondo nella psiche della collettività russa lungo tutta la parabola sovietica.

La vicenda personale di Dan su cui si proiettano i momenti più salienti del periodo rivoluzionario russo getta luce sul processo che ha portato alla formazione del nuovo Stato sovietico, evidenziandone le incoerenze, i conflitti e le svolte dal punto di vista di chi avrebbe potuto anche diventarne protagonista e invece ne è stato messo a margine. La testimonianza di Dan aggiunge così un tassello importante al tentativo di comprendere la logica che ha portato i bolscevichi a volere – e infine ottenere – il monopolio politico e la gestione totale dello Stato.

Nel periodo post-rivoluzionario, ricorda ancora King, le memorie sono state probabilmente la forma letteraria più importante attraverso cui i menscevichi hanno potuto presentare un personale resoconto storico della Rivoluzione e della guerra civile. Questo libro, corredato da un’ottima introduzione critica e da alcune appendici documentarie – la più interessante delle quali è senz’altro il dossier della Čeka su Dan – si inserisce così nella tradizione memorialistica del movimento menscevico, portata avanti fin dal 1959 nell’ambito del progetto Inter-University della Hoover Institution (Università di Stanford), ma costituisce parimenti una testimonianza diretta e profonda di una storia che ancora, per fortuna, può far riflettere e appassionare.

Authors

Natalia Artemieva is the Head of the department of history of the Iaroslavl' State Historical-Architectural and Art Museum-Reserve. She is the author of several exhibition projects devoted to the history of the Iaroslavl' region. Her main research interests are the history of everyday life with an emphasis on the history of food culture in Russia in the XIX and the first third of the XX centuries.

Evgeniia Belousova, Sergei Khalturin and Margarita Vial'tseva are students of the Moscow State University. Their work was part of a project of the Department of Theory of Literature in the Faculty of Philology.

Lia Bushkanets is Professor of Russian literature at the Federal University of Kazan. She is a member of the Chekhov Commission at the Russian Academy of Sciences. She has authored several publications on the biography and the reception of Chekhov's works. Her other research interests include the study of memoirs, and the works by Lev Tolstoi, Gor'kii, Chirikov, Goncharov and other writers.

Duccio Colombo is Associate Professor of Russian at the University of Palermo. He graduated in 1993 at the University of Bologna and took his PhD in Comparative Slavic Literatures in 2000 at the University of Milan. He is the author of *Scrittori, in fabbrica: Una lettura del romanzo industriale sovietico (Writers, at the works! A reading of Soviet production novel*, Pacini, Pisa, 2008) and co-editor of *L'anno 1910 in Russia (The year 1910 in Russia*, Europa Orientalis, Rome, 2012).

Claudia Criveller is Associate Professor in Russian Literature and Language at the University of Padua. Her interest in auto/biographical studies dates back to her dissertation, entitled *Autobiography and Autobiographism in Andrei Bely. An Analysis of Zapiski Chudaka*. Recently she has dedicated herself to the study of the theory of autobiography in the Russian context. She is currently working on a monograph on the forms of self-representation in Andrei Bely, particularly studying the genre of autobiographical novel within Bely's trilogy *Epopeia*. She is the editor of the volume *Andrei Bely: avtobiografizm i biograficheskie praktiki* together with Monika Spivak (Nestor-Istoriia, Spb., 2015).

Giulia De Florio obtained a Phd in Textual, Paleographical and Linguistic Studies at the University of Rome – La Sapienza. She is a part

time lecturer of Russian language and literature at the universities of Parma, Macerata and Florence. Her main areas of research is Russian children's literature of the XX century, with a particular focus on the works of Chukovskii and Marshak. She works also on the comparative analysis of the translations of XX century poetry, on Russian bards and their reception in Italy. She is a member of Memorial Italia and a member of the Working Group on Historical Memory of the EU-Russia Civil Society Forum.

Donatella Di Leo is lecturer in Russian at the University of Naples – L'Orientale. She is a member of the Italian Association of Slavists. She authored two monographs: *Travestimenti del desiderio. Motivi faustiani nel Novecento letterario russo* (Stilo, Bari, 2015) and *Anime felici e terra paradisiaca. L'immagine russa di Napoli* (UniversItalia, Rome, 2017). She has published also works on Radishchev, Bulgakov, Belyi and Tsvetaeva.

Ol'ga Edelman is a Research Fellow of the Russian State Archive (GARF). She is the author of works on the Decembrist movement, anti-Soviet movement in the USSR. She has also published a biography of Stalin devoted to his pre-revolutionary period.

Felicitas Fischer of Weikersthal works at the department of East European History at the University of Heidelberg. Her research interests are terrorism, radical networks, Stalinism, Gulag history, Jewish history in the Eastern Europe and cultures of remembrance. She is the author of the monograph *Die 'inhaftierte' Presse. Das Pressewesen sowjetischer Zwangsarbeitslager, 1923-1937* (Harrassowitz, Wiesbaden, 2011) and the co-editor of *Explosive Melange. Terrorismus und imperiale Gewalt in Osteuropa* («Osteuropa», IV, 2016) and (Hi-)Stories of the Gulag. Reality and Fiction (Winter Verlag, Heidelberg, 2016).

Iaroslav Golubinov is Assistant Professor at the Department of Philosophy and Cultural Studies of the Samara State Medical University. His main field of research is the study of social and cultural aspects related to the First World War in different European countries (especially in Russia and the UK). He is the author of several articles in journals and collected volumes. His most important articles are devoted to food supply and nutrition during wartime, the rumours and gossips of the war, Russian volunteers and European cultural memory of the Great War.

Andrea Gullotta is Lecturer in Russian at the University of Glasgow. He has also worked for the University of Palermo, the Ca' Foscari University of Venice and the University of Padua, where he obtained his Ph.D. His main field of research is the literature of the Gulag. He is the author of several articles and of the monograph *Intellectual Life and Literature at Solovki 1923-1930. The Paris of the Northern Concentration Camps* (Legenda, Oxford, 2018).

Elena Karpenko is Associate Professor in History and Philosophy at the School of Cultural Studies at the Higher School of Economics. She obtained her PhD in Philosophy in 2004 at the Moscow State University. Her main research fields are Autobiography and Egodocuments in Early Modern Culture, history and philosophy of science (XVI–XVII), history of gardening and landscape design (XVI – XVII centuries), urbanization and modernity, and Russian religious philosophy.

Giulia Marcucci is currently Lecturer in Russian Language and Translation at the University for Foreigners of Siena. In 2008 she obtained a PhD in Slavic Studies at the University of Rome – La Sapienza with a dissertation on Chekhov's poetics and the adaptations of his tales in the Soviet Union up until the Stagnation period. In 2012 she was awarded the literary prize *Italy-Russia. Throughout the Centuries* for her translations of Russian contemporary literature (*Skunskamera* by Andrey Astvatsaturov and *Cartoons* by Mikhail Elizarov). Her main research interests are Contemporary Russian Literature and Cinema, the study of Russian language and autobiographical texts and memoirs in Russian Culture of 20th and 21st centuries.

Svetlana Maslinskaia received her PhD in 2006 with a dissertation entitled *Literature of the Pioneer Organization: Ideology and Poetics*. She is currently a research fellow at the Research Center for Russian Children's Literature at the Institute of Russian Literature (the Pushkin House, St.-Petersburg) and head of the Research Center for Russian Children's Reading at the Leningrad Regional Children's Library. She has extensively published on Soviet children's literature, history of the Soviet childhood, sociology of children's reading, history of the criticism of children's literature and the the Soviet Pioneer organization. She is the member of the editorial board of the journal «Children's Readings: Studies in Children's Literature» («Детские чтения»).

Bartosz Osiewicz is Assistant professor at the Department of Russian Literature of the Institute of Russian and Ukrainian Philology at the Adam Mickiewicz University in Poznań. He teaches history of Russian literature (especially 19th and 20th centuries). His main research fields are Russian author's song and modern Russian poetry. He is the author of the monographs *Intertextuality in Vladimir Vysotskii's Poetry* (Poznań, 2007) and *Forms And Sources Of Alexander Galich's Poetry* (Poznań 2016). His articles were published in Poland, Russia, Ukraine, Georgia, Spain and South Korea. He is a member of the Poznań Branch of the Slavic Commission of the Polish Academy of Sciences.

Stephan Rindlisbacher is Associate Researcher at the Department of History of the University of Bern, where he also worked as teaching assistant. He studied modern history, Slavic and Islamic studies at the Universities of Berne, Zagreb and at the State University of St. Petersburg. His PhD dissertation focuses on the radical movement in late Tsarist Russia, and particularly on the biographies of Vera Zasulich and Vera Figner. It was published in 2014 under the title *Leben für die Sache. Vera Figner, Vera Zasulič und das radikale Milieu im späten Zarenreich*. He is currently working on national territories in the early Soviet state, in the history of terrorism, transnational political networks, political commemorative culture as well as in the history of Russian and Soviet paper-money.

Tatiana Saburova is Research Fellow at the National Research University – Higher School of Economics, Moscow and Visiting Professor at the University of Alberta (Canada). She was a Visiting Scholar at many universities in Europe and USA. She is the author of the monograph *Mythologies of the Russian Intellectual World: Socio-Cultural Representations of the Russian Intelligentsia in the Nineteenth Century* (2005) and co-author with Ben Eklof of *A Generation of Revolutionaries. Nikolai Charushin and Russian Populism from the Great Reforms to Perestroika* (IUP 2017, first Russian edition NLO 2016).

Giovanni Savino is visiting associate professor at the School of Public Policy, RANEPА and Associate professor at the Institute of Foreign Languages of the Moscow City Pedagogical University. His main interests are nations and nationalisms in Late Russian Empire, identities, social and cultural history.

Ol'ga Shemiakina holds a PhD in Russian contemporary history at the Russian State University for the Humanities in Moscow. She currently teaches history at the D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia.

Irina Sleptsova (Kyzlasova) is Senior Researcher at the N.N. Mikloukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. She is the author of 4 monographs and more than 100 articles on Russian ethnography. Her main research areas are the study of local ethnocultural communities (ethnodialects), the study of Russian traditional and modern festive and gaming culture, including various forms of gaming behavior in communicative practices of children and youth. She also works on the study of peasant diaries as a historical source.

Geoffrey Swain is Professor Emeritus of Russian and East European Studies at the University of Glasgow, where he has held the Alexander Nove Chair of Russian and East European Studies. He has written extensively on the history of Russia and Eastern Europe during the twentieth century, focusing most recently on Latvia during the first years of Soviet rule, Russia during the Civil War, and the career of Josip Broz Tito. He is the author of a biography on Trotskii (*Trotsky*, Longman-Pearson, Harlow, 2006) and, more recently, of *A Short History of the Russian Revolution* (I.B. Tauris, London, 2017).

Aleksandra Zywert is Professor at the Department of Russian Literature of the Institute of Russian and Ukrainian Philology at Adam Mickiewicz University in Poznań. She is a member of the Poznań Branch of the Slavic Commission of the Polish Academy of Sciences since 2005. Her main research fields are Russian literature in exile and Russian prose of the 20th and 21st centuries. She is the author of two monographs, *The Novels of Boris Pil'niak of the 1920s* (2001) and *The Writings of Vladimir Voinovich* (2012). She has also authored articles about modern Russian writers, such as Vladimir Sorokin, Viktor Pelevin and Anna Starobinets.